

ISSN 1817-7115 (Print)
ISSN 2541-898X (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Филология. Журналистика

2024

Том 24

Выпуск 1

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
PHILOLOGY. JOURNALISM

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2024 Том 24

ISSN 1817-7115 (Print)
ISSN 2541-898X (Online)

Издается с 2005 года

Серия Филология. Журналистика, выпуск 1

Продолжение «Известий Императорского Николаевского университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Лингвистика

Большакова Т. М. Функционально-стилистическое своеобразие
нормативного речевого жанра *Schulordnung der Grundschule*
(на материале немецкого языка) 4

Епимахова А. С. Штурманский морской англо-русский словарь
как часть «Курса кораблевождения» 12

Замальдинов В. Е. Экспрессивные способы создания новообразований
в социальных сетях (на примере социальной сети «Telegram») 20

Шеповский О. Е. Интернационализация текста в парадигме
лингвистических и транслатологических исследований: 26

глобальное и предлокализационное направления интернационализации
Терещук А. А. Лексико-семантические особенности создания образа
протагониста в романе Б. Переса Гальдоса «Сумалакарреги» 33

Литературоведение

Степанова Е. В. «Нашу семью называли в городе “благословенной семьей”...»
(к биографии Александра Николаевича Пыпина) 39

Самоделова Е. А. О влиянии романа «Что делать?» Н. Г. Чернышевского
на творчество С. А. Есенина 47

Ромайкина Ю. С. Poleмика саратовской общественности
вокруг пьесы М. П. Арцыбашева «Ревность» 55

Михайлин В. Ю. Гимн сталинской номенклатуре в «Кавалере Золотой Звезды»:
роман Семена Бабаевского и фильм Юлия Райзмана 62

Александрова М. А. Функция и миссия «маленького человека»
в романе Булата Окуджавы «Бедный Авросимов» 70

Чжоу Лулу. Перевод творчества Солженицына в режиме
«внутреннего распространения» в Китае (1960–1980 гг.) 78

Иванова Е. А. Столкновение дикости и цивилизации в фэнтези-вестерне
Джо Аберкромби «Красная страна» 85

Журналистика

Лапук Е. В. Типология акторов в чешских телевизионных новостях 1989–2021 гг. 90

Li Menglong, Xiong Jiaqi, Qin Benchuyue. Research on Western media
coverage of 2022 Beijing Winter Olympics [Ли Мэнлун, Сюн Цзяци, 99

Цинь Бенчюу. Исследование освещения западными СМИ
зимних Олимпийских игр 2022 года в Пекине]

Критика и библиография

Представляем книгу

Хрусталёва А. В., Коротин В. О., Гаврилова А. А. Забытые имена 111

Приложение

Хроника научной жизни

Байкулова А. Н., Дегальцева А. В. «Современная речевая коммуникация
в разных сферах жизни общества»: итоги работы Международной
конференции, посвящённой 100-летию профессора О. Б. Сиротининой 115

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия “Филология. Журналистика”» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76639 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.9.1; 5.9.2; 5.9.5; 5.9.6; 5.9.8; 5.9.9)

Подписной индекс издания 36011. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (bonjour.sgu.ru)

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Дударева Светлана Сергеевна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Агафонов Андрей Петрович

Верстка
Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Дударева Светлана Сергеевна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2)51-29-94, 51-45-49, 52-26-89
E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 20.02.2024.
Подписано в свет 01.03.2024.
Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 13,95 (15,0).
Тираж 100 экз. Заказ 15-Т

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2024

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи по направлениям *Лингвистика, Литературоведение, Журналистика* (специальности 5.9.1, 5.9.2, 5.9.5, 5.9.6, 5.9.8, 5.9.9), а также материалы в разделы *Проблемы высшей школы, Критика и библиография, Хроника научной жизни*.

К рассмотрению не принимаются материалы, представленные в другие журналы или ранее опубликованные.

Объем публикации – 25000–35000 знаков с пробелами, список литературы – 15–20 наименований. Статья должна содержать аннотацию (200–250 слов), ключевые слова (не более 15), сведения об авторе (место работы, ученая степень, должность, e-mail, ORCID) на русском и английском языках. Текст необходимо тщательно отредактировать и оформить в соответствии с требованиями журнала: формат MS Word для Windows, через один интервал, с полями (левое – 3,5 см, правое – 1,5 см, верхнее и нижнее – 2,5 см), шрифт Times New Roman, кегль 14 для основного текста, 12 – для вспомогательного. Для цитирования используются внутритекстовые ссылки. Список литературы составляется в порядке упоминания источников в тексте.

Статьи проходят проверку на оригинальность в системе Антиплагиат.ВУЗ и на соответствие техническим требованиям, затем они подлежат обязательному рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию.

Подача заявки на публикацию осуществляется через сайт журнала: <https://bonjour.sgu.ru>. Там же можно подробнее ознакомиться с правилами для авторов и порядком рецензирования.

После принятия редколлегией решения о публикации статьи автор обязан загрузить на сайт PDF-файл подписанного договора, прислать его оригинал и согласие на обработку персональных данных по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Институт филологии и журналистики, редакция журнала.

Опубликованный выпуск размещается на сайте журнала, в российских и международных базах данных. Рассылка авторских экземпляров не предусмотрена.

CONTENTS

Scientific Part

Linguistics

- Bolshakova T. M.** Functional and stylistic distinctive characteristics of the normative speech genre *Schulordnung der Grundschule* (based on German) 4

- Epimakhova A. S.** English-Russian Navigation Dictionary as part of the Marine Navigation Course 12

- Zamaldinov V. E.** Expressive ways of creating new nominations in social networks (on the example of the Telegram social network) 20

- Shipovskiy O. E.** Text internationalization in the paradigm of linguistic and translational studies: Global and pre-localization directions of internationalization 26

- Tereshchuk A. A.** Lexico-semantic features of creating the image of the protagonist in the novel *Zumalacárregui* by B. Pérez Galdós 33

Literary Criticism

- Stepanova E. V.** "Our family was called the 'blessed family' in the city..." (to the biography of Alexander Nikolaevich Pypin) 39

- Samodelova E. A.** On the influence of the novel *What Is to Be Done?* by N. G. Chernyshevsky on the work of S. A. Yesenin 47

- Romaykina Yu. S.** Dispute over M. P. Artsybashev's play *Jealousy* in Saratov community 55

- Mikhailin V. Yu.** Praising Stalin's nomenclatura in *The Bearer of the Golden Star*: The novel by Semyon Babayevsky and the film by Yuliy Raizman 62

- Aleksandrova M. A.** The function and mission of the "little man" in Bulat Okudzhava's novel *Poor Avrosimov* 70

- Zhou Lulu.** Translation of Solzhenitsyn's work in the mode of "internal distribution" in China (1960–1980) 78

- Ivanova E. A.** The confrontation of savageness and civilization in Joe Abercrombie's fantasy Western *Red Country* 85

Journalism

- Lapuk E. V.** The typology of actors in Czech TV News in 1989–2021 90

- Li Menglong, Xiong Jiaqi, Qin Benchuyue.** Research on Western media coverage of 2022 Beijing Winter Olympics 99

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Khrustaleva A. V., Korotin V. O., Gavrilova A. A.** Forgotten names 111

Appendix

Chronicle of Scholarly Activities

- Baikulova A. N., Degaltseva A. V.** "Modern speech communication in different spheres of society": Results of the International Conference dedicated to the 100th anniversary of Professor O. B. Sirotnina 115

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА»**

Главный редактор

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Павлова Светлана Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аликаев Рашид Султанович, доктор филол. наук, профессор (Нальчик, Россия)
Алташина Вероника Дмитриевна, доктор филол. наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Анцыферова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Байкулова Алла Николаевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Бакиров Поян Уралович, доктор филол. наук, профессор (Термез, Узбекистан)
Вартанова Елена Леонидовна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Горбунов Юрий Иванович, доктор филол. наук, доцент (Тольятти, Россия)
Горошко Елена Игоревна, доктор филол. наук, доктор социол. наук, профессор (Харьков, Украина)
Дементьев Вадим Викторович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Долинин Александр Алексеевич, Ph.D. (Мэдисон, штат Висконсин, США)
Елина Елена Генриховна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кабанова Ирина Валерьевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Котелевская Вера Владимировна, кандидат филол. наук (Ростов-на-Дону, Россия)
Крысин Леонид Петрович, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Крючкова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Майга Абубакар Абдулвахиду, кандидат филол. наук (Бамако, Мали)
Маслова Валентина Авраамовна, доктор филол. наук, профессор (Витебск, Беларусь)
Мних Роман Владимирович, доктор гуманитар. наук (славянские литературы), доцент (Варшава, Польша)
Мохаммед Газван Аднан Мохаммед, Ph.D., доцент (Баакуба, Республика Ирак)
Панова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Москва, Россия)
Пахсарьян Наталья Тиграновна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Разумова Лина Васильевна, доктор филол. наук, доцент (Москва, Россия)
Ратмайр Ренате Фелисите, Ph.D. (Вена, Австрия)
Се Чуньянь, доктор филол. наук (Харбин, Китай)
Сиротинина Ольга Борисовна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Тарасова Ирина Анатольевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Харламова Татьяна Валериевна, кандидат филол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Хуан Мэй, доктор филол. наук, профессор (Пекин, Китай)
Чекалов Кирилл Александрович, доктор филол. наук (Москва, Россия)
Шамне Николай Леонидович, доктор филол. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Шевченко Вячеслав Дмитриевич, доктор филол. наук, доцент (Самара, Россия)
Шестеркина Людмила Петровна, доктор филол. наук, доцент (Челябинск, Россия)
Щепилова Галина Германовна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
"IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
PHILOLOGY. JOURNALISM"**

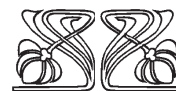
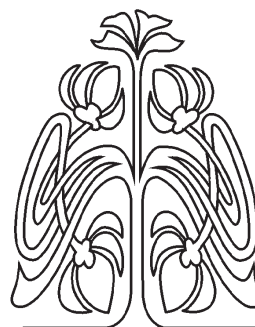
Editor-in-Chief – Valeriy V. Prozorov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Irina Yu. Ivanyushina (Saratov, Russia)

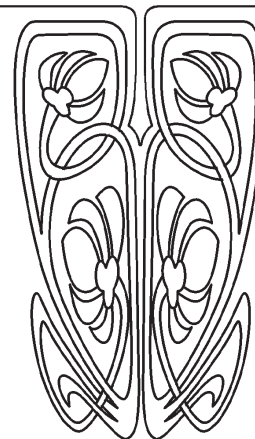
Executive Secretary – Svetlana Yu. Pavlova (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Rashid S. Alikae (Nalchik, Russia)	Roman V. Mnich (Warsaw, Poland)
Veronika D. Altashina (St. Petersburg, Russia)	Ghazwan Adnan Mohammed (Baqubah, Republic of Iraq)
Olga Yu. Anzyferova (St. Petersburg, Russia)	Olga Yu. Panova (Moscow, Russia)
Alla N. Baikulova (Saratov, Russia)	Natalia T. Pakhsaryan (Moscow, Russia)
Poyon U. Bakirov (Termez, Uzbekistan)	Lina V. Razumova (Moscow, Russia)
Elena L. Vartanova (Moscow, Russia)	Renate F. Rathmayr (Vienna, Austria)
Yuri I. Gorbunov (Togliatti, Russia)	Xie Chunyan (Harbin, China)
Elena I. Goroshko (Kharkiv, Ukraine)	Olga B. Sirotnina (Saratov, Russia)
Vadim V. Dementiev (Saratov, Russia)	Irina A. Tarasova (Saratov, Russia)
Alexandr A. Dolinin (Madison, Wisconsin, USA)	Tatyana V. Kharlamova (Saratov, Russia)
Elena G. Elina (Saratov, Russia)	Huan May (Beijing, China)
Irina V. Kabanova (Saratov, Russia)	Kirill A. Chekalov (Moscow, Russia)
Vera V. Kotelevskaya (Rostov-on-Don, Russia)	Nikolay L. Shamne (Volgograd, Russia)
Leonid P. Krysin (Moscow, Russia)	Vyacheslav D. Shevchenko (Samara, Russia)
Olga Yu. Kryuchkova (Saratov, Russia)	Lyudmila P. Shesterkina (Chelyabinsk, Russia)
Aboubacar Abdoulwahidou Maiga (Bamako, Mali)	Galina G. Schepilova (Moscow, Russia)
Valentina A. Maslova (Vitebsk, Belarus)	

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ЛИНГВИСТИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 4–11

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 4–11

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-4-11>

EDN: MUIKGW

Научная статья

УДК 811.112.2'38

Функционально-стилистическое своеобразие нормативного речевого жанра *Schulordnung der Grundschule* (на материале немецкого языка)

Т. М. Большакова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия, 191186, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48

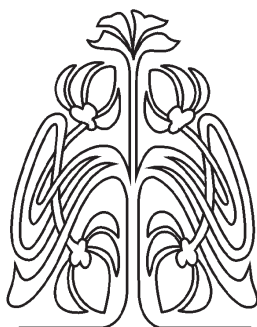
Большакова Татьяна Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, tmbolshakova@ Herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9647-2402>

Аннотация. В работе на материале немецкого языка в аспекте функционально-стилистического подхода рассматривается нормативный речевой жанр *Schulordnung der Grundschule* (Правила внутреннего распорядка для учащихся начальной школы). Проверяется гипотеза о том, что функционально-стилистическое своеобразие жанра является результатом взаимодействия официально-делового и разговорного стилей, которые выступают средой функционирования жанра и воплощающих его текстов в ситуации институциональной коммуникации взрослых нормотправителей и детей-нормополучателей. Эмпирический материал представлен 100 текстовыми единицами, созданными в соответствии с жанром, основным назначением которого является регулирование поведения младших школьников во время их пребывания в учебном заведении. На примере трех стиливых черт официально-деловой речи – безличности, безэмоциональности и точности – показано, как проникновение в нормативные тексты равноуровневых языковых средств разговорного стиля нарушает их стилистическую однородность, модифицирует стиливые черты и формирует межстилевой характер текстов, отражающий стремление адресантов учесть когнитивно-психологические особенности младших субъектов нормы в процессе декодирования ими нормативных посланий. Сделан вывод о том, что жанр *Schulordnung der Grundschule* как способ отбора и комбинирования языковых средств демонстрирует открытость навстречу разностилевым включениям, предоставляя адресантам возможность свободно варьировать языковые средства по их усмотрению в соответствии с представлениями о прагматической эффективности высказывания.

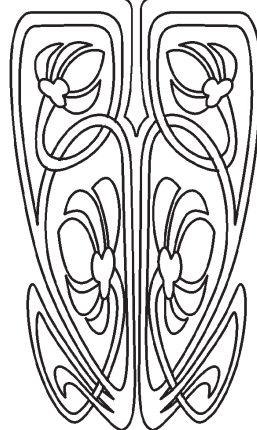
Ключевые слова: функционально-стилистическое своеобразие, функциональный стиль, официально-деловой стиль, разговорный стиль, речевой жанр

Для цитирования: Большакова Т. М. Функционально-стилистическое своеобразие нормативного речевого жанра *Schulordnung der Grundschule* (на материале немецкого языка) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 4–11. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-4-11>, EDN: MUIKGW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Functional and stylistic distinctive characteristics of the normative speech genre *Schulordnung der Grundschule* (based on German)

T. M. Bolshakova

The Herzen State Pedagogical University of Russian, 48 Moika Emb., St. Petersburg 191186, Russia

Tatiana M. Bolshakova, tmbolshakova@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9647-2402>

Abstract. In the article the normative speech genre *Schulordnung der Grundschule* (Internal Regulations for Primary School Students) is considered on the material of the German language in the aspect of the functional and stylistic approach. The hypothesis is tested that the functional and stylistic peculiarity of the genre is the result of the interaction of formal and business style and the colloquial one, which act as the environment for the functioning of the genre and the texts actualizing it in the situation of institutional communication of adult norm-senders and children norm-recipients. The empirical material is represented by 100 text units created in accordance with the genre, the main purpose of which is to regulate the behavior of young schoolchildren while they remain in the educational institution. On the example of three stylistic features of formal and business speech – impersonality, non-emotionality and accuracy – it is shown how multi-level language means of colloquial style penetrating the normative texts violates their stylistic homogeneity, modifies stylistic features, and forms the inter-style nature of texts, reflecting the intention of addressees to take into account the cognitive and psychological characteristics of the younger subjects of the norm in the process of decoding normative messages by them. It is concluded that the genre of *Schulordnung der Grundschule*, as a way of selecting and combining linguistic means, shows openness towards different style inclusions, giving the addressees the opportunity to freely vary the linguistic means at their discretion in accordance with the ideas of the pragmatic effectiveness of the statement.

Keywords: functional and stylistic distinctive characteristics, functional style, formal and business style, colloquial style, speech genre

For citation: Bolshakova T. M. Functional and stylistic distinctive characteristics of the normative speech genre *Schulordnung der Grundschule* (based on German). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 4–11 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-4-11>, EDN: MUIKGW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Статья, отражающая процесс и результаты проведенного исследования, посвящена выявлению и описанию функционально-стилистического своеобразие немецкоязычного нормативного речевого жанра *Schulordnung der Grundschule* (Правила внутреннего распорядка для учащихся начальной школы, далее – Правила). Начальная школа в Германии – это учебное заведение для всех детей, достигших шести лет. Процесс обучения в начальных школах всех федеральных земель длится четыре года, за исключением федеральных земель Бранденбурга и Берлина, в которых младшеклассники обучаются шесть лет. Правила регламентируют поведение учащихся на уроках и переменах и регулируют их взаимодействие с учителями и другими сотрудниками школы. Школьники являются основными адресатами Правил, хотя нередко в структуру адресата входят и другие субъекты образовательного процесса – учителя, непедagogический персонал, родители. Институциональная специфика Правил заключается в том, что на уровне нормативного регулирования субъекты образовательного процесса взаимодействуют как субъекты правоотношений. Администрация школы выполняет при этом функцию авторитета нормы, нормотправителя, а социальная роль учащегося усложняется за счет наложения на нее функции субъекта нормы, нормополучателя. Эмпирический материал представлен 100 экзем-

плярами текстов, манифестирующих речевой жанр *Schulordnung der Grundschule*. Тексты отбирались на официальных сайтах начальных школ различных федеральных земель Германии в феврале–декабре 2022 г.

Многочисленность и разнообразие работ, созданных в русле литературоведения, генристики, жанроведения, функциональной стилистики, а также широта рассматриваемых в них вопросов свидетельствуют, с одной стороны, об актуальности проблематики и о богатом исследовательском потенциале речевого жанра как объекта научного интереса, а с другой, о сложности, многомерности и неоднозначности самого феномена жанра (см., например, [1, с. 7–15; 2; 3]).

Трудности, возникающие при осмыслении и описании жанров, при составлении их типологии и выделении характерных признаков их функционирования, позволяют говорить об определенной неразработанности современной теории речевых жанров в некоторых научных областях (см., например, [4, с. 7–11]), о не решенных на настоящий момент теоретических и практических проблемах, требующих дальнейших творческих усилий научного сообщества [5]. По мнению П. И. Костомарова, многогранность явления и специфика связанных с его изучением проблем требуют «разработки многоаспектной теории и реализации разных подходов» [6, с. 181]. Включенность настоящей работы в со-

временный научный контекст изучения жанров обуславливает актуальность темы исследования. Актуальным в свете научных тенденций двух последних десятилетий представляется также обращение к исследованию отдельного речевого жанра и конкретных текстов, воплощающих данный жанр [7]. О перспективности и научной значимости данного подхода свидетельствуют многочисленные работы, посвященные изучению и описанию отдельных речевых жанров (см., например, [8–11]).

В настоящей работе предпринимается попытка синтезировать некоторые положения теории речевых жанров, стилистики и функциональной стилистики и выделить позиции, необходимые для достижения цели, заявленной в исследовании. Таким образом, методологическая база исследования основана на подходах к изучению речевых жанров и текстов, разработанных в русле функциональной стилистики, стилистики и функционально-стилистического жанроведения. Отправной точкой исследования является понимание жанра как функционально-стилистического феномена [12, с. 12].

Перейдем к рассмотрению некоторых теоретических положений, релевантных для принятого исследования.

По определению М. П. Брандес, жанр представляет собой вид целостного речевого произведения, традиционно используемого для достижения определенных коммуникативных целей в конкретных условиях общения [13, с. 10]. Под речевым произведением, вслед за М. М. Бахтиным, в российском жанроведении понимается как конкретное высказывание, так и отдельные компоненты больших произведений. Уточняя подходы М. М. Бахтина, М. Ю. Федосюк предлагает трактовать жанр как устойчивый композиционный и стилистический тип текста [3, с. 104].

Любой жанр, по мнению М. П. Брандес, функционирует и превращается в целостное словесное произведение в определенном социально-культурном контексте, который называется функциональным стилем [14, с. 140]. Функциональный стиль задает условия реализации стиля речевого жанра, который находит свое отражение в конкретных речевых произведениях, построенных в соответствии с жанровыми требованиями. Другими словами, вне жанров функциональный стиль, заключающий в себе совокупность самых общих черт языка и речи, существует как научная абстракция [15, с. 152].

Что касается формирования основных специфических стилистических черт функциональных стилей, то оно происходит под воздействием ряда

экстралингвистических стилеобразующих факторов, к которым М. Н. Кожина относит сферу общения, форму мышления, цель общения, тип содержания, функции языка, типовую ситуацию общения. Другие факторы (вторичные, по определению М. Н. Кожиной) формируют стилиевые черты частных разновидностей функциональных стилей. К этим факторам относятся условия общения, связанные с осуществлением конкретной разновидности деятельности, своеобразие аудитории, взаимоотношения говорящих, их социальные роли и др. [16, с. 624]. Под стилиевыми чертами при этом понимаются признаки текста, отражающие специфику соответствующего функционального стиля.

Функциональный стиль – это система, обладающая динамическим, подвижным характером. Действующие в ней центробежные силы приводят к отклонениям от принятых стилиевых норм, к внутрителиевому варьированию и дифференциации [17, с. 41]. Внутренняя дифференциация имеет своим результатом появление различных стилистико-речевых разновидностей, в том числе и жанровых [18, с. 147]. Важным для настоящего исследования является тезис о том, что внутри стилей, как правило, на их периферии, формируются такие подстилиевые или жанровые разновидности, которые несут на себе печать взаимодействия двух и более стилей, демонстрируя при этом доминирование того или иного стиля [18, с. 148]. С точки зрения М. П. Брандес, трансформации и переходы разных стилей в рамках одного функционального стиля ведут к образованию гибридных межфункциональных стилей [14, с. 142].

Предварительный анализ эмпирического материала с использованием изложенных выше подходов позволил сформулировать гипотезу настоящего исследования, которая заключается в том, что функционально-стилистическое своеобразие нормативного жанра *Schulordnung der Grundschule* как совокупности правил построения текста складывается в процессе взаимодействия официально-делового и разговорного стилей, осуществляемого в ситуации повседневно-делового общения взрослых адресантов и детей-адресатов. Объект изучения и принятая методология его описания определяют новизну настоящего исследования, которое призвано внести определенный вклад в функционально-стилистическую трактовку жанра.

Жанр *Schulordnung der Grundschule*, как уже было указано выше, – это нормативный речевой жанр, сферой функционирования которого выступает административный подстиль

официально-делового стиля. Правила внутреннего распорядка входят в группу нормативных организационных документов любого учреждения. Однако институциональная специфика начальной школы проявляется в том, что официально-деловая коммуникация субъектов правоотношений осуществляется здесь не только в регистре «взрослый – взрослый», но и в регистре «взрослый – ребенок». Именно ребенок с присущими ему механизмами рецепции текста, обусловленными возрастными особенностями, выступая в социальной роли субъекта нормы и будучи главным получателем и интерпретатором нормативных текстов, является основным экстралингвистическим фактором, направляющим текстопорождающие усилия взрослых участников образовательного процесса.

Важно также подчеркнуть, что тексты Правил отражают представления нормотправителей не просто о некоей абстрактной модели коллективного адресата, а о том образе учащегося, который сложился в конкретном учебном заведении к моменту создания текста. Фактор включенности коммуникации в определенные институциональные рамки, обусловленные в том числе особенностями конкретного учебного заведения, также оказывает влияние на формирование функционально-стилистического профиля текстов. В итоге особые параметры официального социально-культурного взаимодействия и детерминированный ими процесс коммуникации взрослых и детей находят свое отражение в «детской» разновидности административного стиля, занимающей промежуточное положение между официально-деловым и обиходно-разговорным стилями. Будучи средой функционирования жанра Правил, она обуславливает специфику его содержательно-тематического, структурного и языкового оформления. Эта же среда детерминирует открытость «взрослого» официально-делового нормативного жанра навстречу иностилевым включениям и обеспечивает условия для реализации его модификационного потенциала.

Официально-деловой стиль, оформляющий взаимодействие субъектов деловых и правовых отношений разных уровней, обладает в силу своего назначения совокупностью разноуровневых стилистических черт, отражающих его внутреннюю системность, – императивностью, официальностью, безличностью, безэмоциональностью, объективностью, точностью, ясностью, лаконичностью. Разговорно-обиходному стилю в силу формирующих его экстралингвистических факторов присущи неофициальность, эмоцио-

нальность, субъективность, оценочность, неприужденность. Внутренние языковые и речевые резервы обоих стилей обладают набором соответствующих средств, актуализация которых происходит в текстовом пространстве различной жанровой направленности.

Анализируемые нормативные тексты жанра *Schulordnung der Grundschule* демонстрируют взаимодействие официально-делового стиля с обиходно-разговорным, принятым в отношениях между взрослыми и детьми, учителями и школьниками. Иностилевые включения приводят к нарушению стилистической однородности нормативных текстов, которые обнаруживают вследствие этого отчетливо выраженный межстилевой характер.

Рассмотрим особенности этого процесса на примере трех стилистических черт, присущих как официально-деловому стилю в целом, так и текстам Правил в частности, – безличности, безэмоциональности и точности.

Безличность – это стилистическая черта, отражающая выраженность бессубъектного начала нормативной, предписывающей активности. Она последовательно реализуется в стилистически однородных официально-деловых нормативных текстах. В текстах Правил широкое применение находят средства, выражающие в немецком языке безличность. К ним относятся:

а) страдательные конструкции, оформляемые процессуальным пассивом (*Vorgangspassiv*): *Dazu muss die Klingel vom Sekretariat **betätigt werden** und deutlich der Name in die Sprechanlage **gesprochen werden*** [19] (Для этого необходимо нажать звонок секретариата и отчетливо произнести свое имя в микрофон)¹; *Im gesamten Schulgebäude **werden** Wechselschuhe **getragen*** [19] (Во всем школьном здании необходимо носить сменную обувь);

б) страдательные конструкции, оформляемые результативным пассивом (*Zustandspassiv*): *Störender Lärm, das Rennen und das Toben **sind** auf den Fluren und im Forum **verboten*** [20] (Шуметь, мешая другим, носиться и беситься в коридорах и в зале запрещено);

в) страдательные конструкции, оформляемые односоставным, или безличным, пассивом: *Es wird nicht **gerannt** und **gelärmt*** [21] (Запрещено быстро бегать и шуметь);

г) средства-заменители пассива, например, модальный инфинитив *sein + zu + Infinitiv*: *Kopfbedeckungen **sind** während der Unterrichtszeit **abzusetzen**. Ausnahmegenehmigungen aus gesundheitlichen oder religiösen Gründen **sind** mit der*

¹ Здесь и далее перевод автора статьи.

Schulleitung abzuklären [20] (Головные уборы необходимо снимать во время урока. Разрешение носить головной убор по соображениям здоровья или по религиозным причинам необходимо согласовывать с руководством школы);

д) глагольная форма в 3-м лице ед. и мн. числа: *Die Kinder der ersten Klasse bereiten ihr Frühstück bereits vor der Spielpause vor* [21] (Ученики первого класса готовят свой завтрак уже перед игровым перерывом).

Безличность маркируется в любых нормативных текстах собирательными существительными, называющими категории участников правоотношений, которые занимают позицию либо авторитетов нормы, либо ее субъектов, либо посредников. Роль субъектов нормы в Правилах играют дети/ученики (*Kinder/Schüler*), учителя (*Lehrer, Lehrkräfte*), сотрудники (*Mitarbeiter*), родители (*Eltern*): *Im Speisesaal verhalten sich alle Kinder leise* [19] (В столовой все дети ведут себя тихо); *Über Platzwechselwünsche der Kinder innerhalb einer Unterrichtsstunde entscheidet die unterrichtende Lehrkraft* [21] (Вопрос о смене места во время урока по желанию детей решает учитель, который ведет урок).

Проникновение в стилистическую ткань нормативного текста средств из репертуара повседневной коммуникации нарушает безличный характер нормативных высказываний. Принятое в коммуникативном регистре «взрослый – ребенок» обращение на «ты» к детям является маркером **диалогичности**, которая, в свою очередь, сигнализирует о стремлении создателей текстов сблизить позиции авторитетов нормы и ее субъектов. Коммуникативно-прагматическая тактика доверительного диалога между старшим и младшим реализуется с помощью местоимения 2-го лица ед. числа *du* и притяжательного местоимения *dein*: *Morgens dürfen deine Eltern dich bis zum Tor der Schule bringen. Dann gehst du alleine in deine Klasse* [22] (По утрам твои родители могут проводить тебя до ворот школы. Дальше ты сам идешь в свой класс).

Диалогичность, придающая текстам Правил межстилевой характер, воплощается также с помощью глагола в императиве, сигнализирующего о прямом нормативном воздействии на младшего субъекта нормы: *Gehe bitte von zuhause so zeitig los, dass du einige Minuten vor dem Unterrichtsbeginn die Schule erreichst* [22] (Выходи, пожалуйста, из дома в такое время, чтобы прийти в школу за несколько минут до начала уроков).

Прямая апелляция нормоотправителей к адресату, маркирующая эксплицитную интимно окрашенную диалогичность, реализуется с по-

мощью обращений, содержащих прилагательное *lieb/дорогой*: *Liebe Schülerin, lieber Schüler, an unserer Schule wollen wir uns wohl fühlen, wie wollen Freunde haben, ein gutes Team sein und wir wollen ungestört lernen und arbeiten* [23] (Дорогая ученица, дорогой ученик, в нашей школе мы хотим чувствовать себя комфортно, мы хотим иметь друзей, быть хорошей командой, мы хотим учиться и работать так, чтобы нас ничто не отвлекало).

Еще одним заметным приемом отхода от стилистики безличности является активное использование создателями текстов глагольных форм 1-го лица ед. и мн. числа (*ich, wir*) и притяжательных местоимений 1-го лица ед. и мн. числа (*mein, unser*). Подавляющее число текстов из отобранной группы демонстрирует тем самым последовательную реализацию стилевой альтернативы безличности – **эгоцентризм**. Эгоцентризм, понимаемый как абсолютизация говорящим своего «Я» «в качестве коммуникативно-прагматической и субъектно-речевой основы текста» [24, с. 157], претерпевает в текстах Правил существенную прагматическую трансформацию, приобретая статус важного дидактического средства, поддерживающего эгоцентричность детского мышления. Вследствие этого его можно трактовать как **квазиэгоцентризм** (подробнее см.: [25]).

Персонально окрашенные нормативные высказывания следует рассматривать в Правилах как средства повышения прагматической эффективности текстов, нормоотправители которых стремятся тем самым создать оптимальные условия для снятия когнитивно-психологического барьера между ребенком-реципиентом и его ролью субъекта нормы. Субъект высказывания совпадает в Правилах с субъектом нормы, а субъект нормы – с потенциальным адресатом: *Ich bringe von mir benutztes Lernmaterial wieder an Ort und Stelle. Ich esse in den dafür vorgesehenen Zeiten. Ich mache meine Hausaufgaben* [26] (Я возвращаю на место учебные материалы, которыми пользовался. Я ем в отведенное для этого время. Я выполняю свои домашние задания); *Wir spielen nur in dem markierten Feld Basketball* [21] (Мы играем в баскетбол только на отведенном для этого поле).

Квазиэгоцентризм маркирует особый жанрово-стилевой профиль Правил наряду с эмоционально-экспрессивной оценочностью, противопоставляемой **безэмоциональности** прототипических официально-деловых текстов. Безэмоциональность обеспечивается фильтрационным механизмом официально-делового стиля,

не пропускающего в тексты стилистически окрашенную лексику, например жаргонизмы и диалектизмы, разговорную лексику, средства экспрессивного синтаксиса.

Эмоциональность Правил – это результат свободного включения в текстовое пространство иностилевых элементов. В арсенале создателей Правил, как показывает анализ эмпирического материала, находится разнообразный набор языковых средств, позволяющий обращаться не только к когнитивной, но и к эмоциональной сфере реципиента, например:

а) фамильярно-разговорная лексика (например, *drängeln* (толкаться, лезть вперед); *schubsen* (толкать, пихать); *toben* (носиться, беситься) и производное от него имя существительное *das Toben*): **Das Toben und das Spielen mit Bällen erfolgt ausschließlich auf dem Hofgelände** [19] (Носиться и играть с мячами можно исключительно во дворе);

б) школьная разговорная лексика (например, глагол *petzen* (доносить, ябедничать учителю) и производное от него имя существительное *das Petzen*): **Hilfe holen ist kein Petzen! Wenn wir unsere Probleme nicht allein lösen können, wenden wir uns an die Aufsicht** [21] (Обратиться за помощью не значит ябедничать! Если мы не можем решить свои проблемы самостоятельно, мы обращаемся к дежурному учителю);

в) эмоционально-оценочная лексика: *Und wir haben ein wunderschönes weitläufiges Schulgelände, auf dem wir spielen und toben können* [19] (У нас есть прекрасная большая школьная территория, на которой мы можем играть и носиться); *Wir wollen uns alle wohl fühlen, gemeinsam viel lernen und unseren Eltern und allen Anwohnern in Neumühle stolz zeigen können, dass wir Schüler der Neumühler Schule sind* [19] (Мы все хотим чувствовать себя комфортно, вместе много учиться и с гордостью показывать нашим родителям и всем жителям Ноймюле, что мы ученики Ноймюльской школы);

г) образные фразеологизмы (например, *im gleichen Boot sitzen/сидеть в одной лодке*): **Gemeinsam sitzen wir alle im gleichen Boot** [27] (Мы все сидим в одной лодке);

д) метафорические сравнения: *Zusammen sind wir stark – wie ein großer Baum!* [28] (Вместе мы сильны – как большое дерево!);

е) модальные слова: *Hausaufgaben müssen laut Schulordnung für alle Schüler leider sein* [23] (В соответствии с Правилами внутреннего распорядка все ученики, к сожалению, должны делать домашние задания);

ж) восклицательные предложения, усиливающие предписание или запрещение: *Es gilt die*

Regel: Fass nichts an, was dir nicht gehört! [28] (У нас действует правило: не дотрагивайся ни до чего, что тебе не принадлежит!).

Эмоциональность нередко накладывается в текстах на высказывания, маркированные эгоцентрическими единицами. Сигналами этого взаимопроникновения являются, прежде всего, восклицательные предложения: **Ich darf nichts Gefährliches mit in die Schule bringen!** [29] (Я не должен приносить в школу никаких опасных предметов!); **Wir überqueren die Straße vorsichtig an geeigneten Stellen (Ampel, Zebrastreifen, Überquerungshilfen)!** [30] (Мы переходим улицу в предназначенных для этого местах (светофоры, пешеходные переходы, специальные места!).

Как следует из вышеприведенных примеров, эмоционально-оценочная компонента «детских» нормативных текстов демонстрирует разнообразие стилистических оттенков и прагматических позиций – от фамильярных до возвышенно-приподнятых, от категорического запрета до выражения сочувствия. Необходимо отметить также, что многие из анализируемых текстов отражают в границах одного текстового целого взаимодействие как языковых средств, позволяющих поддерживать объективный, нейтрально окрашенный характер отношений между адресантами и адресатами, так и средств, придающих коммуникации эмоциональный оттенок.

Еще одна важная стилевая черта официально-делового стиля – **точность**. Точность, обеспечивающая однозначность получаемой информации, исключая множественную интерпретацию и инотолкование документов нормативного характера, принадлежит к релевантным стилевым чертам официально-деловой коммуникации. Она находит свое отражение в Правилах благодаря различным языковым и параязыковым средствам. Так, некоторые тексты имеют четкую смысловую структуру, которая объективируется в разделах, получающих соответствующие названия, например: *Schulordnung. Teil 1. Hausordnung. 1. Geltungsbereich <...> 2. Nutzung des Schulgeländes <...> 3. Schulbeginn – Schulschluss – Nutzung der Schulzugänge <...> 4. Verhalten im Schulgebäude und auf dem Schulgelände <...> 5. Pausenordnung <...> 6. Spielgeräteausrüstung <...>* [31] (Правила внутреннего распорядка. Часть 1. Правила поведения в школе. 1. Сфера применения <...> 2. Использование школьного здания <...> 3. Начало уроков – конец уроков – использование выходов <...> 4. Поведение в школьном здании и на школьной территории <...> 5. Правила поведения на перемене <...> 6. Выдача игрового инвентаря <...>).

Парентетические конструкции как синтаксическое средство, активно используемое адресантами с различными целями, выполняют в контексте обеспечения точности нормативных высказываний функцию уточнения, например: *Zum Schutze der Personen in der schulischen Einrichtung dürfen alle, die an meldepflichtigen Erkrankungen leiden, (Masern, Scharlach, Läusen u.a.) die Schule nicht besuchen* [32] (С целью защиты людей в школьном учреждении все, кто страдает заразными заболеваниями, подлежащими регистрации (корь, скарлатина, вши и др.), не имеют права посещать школу).

Лексические средства участвуют во временной и пространственной детализации нормативной ситуации, обеспечивая тем самым однозначность предписаний: *Wird der Unterricht wegen Erkrankung eines Lehrers oder wegen hitzefrei vorzeitig beendet, dürfen nur die Schüler früher nach Hause, deren Eltern dies schriftlich genehmigt haben. Alle anderen Kinder werden bis zur regulären Busabfahrt durch einen Lehrer beaufsichtigt* [32] (Если уроки досрочно заканчиваются из-за болезни учителя или из-за жары, уйти домой раньше могут только те ученики, родители которых дали на это письменное разрешение. Все другие дети до отъезда на автобусе находятся под присмотром учителя).

Однако, как показывает исследование отобранных текстов, многообразие детского школьного мира с его обилием не только типизированных, но и непредсказуемых ситуаций не поддается строгой однозначной фиксации. Это приводит к реализации особой, **редуцированной, точности**, открывающей возможности для расширенного толкования нормативного высказывания. Более того, адресат, декодируя высказывание, должен проявить собственную интеллектуальную активность и самостоятельно дополнить информацию, не выраженную эксплицитно: *Wir dürfen nicht spucken, treten oder schlagen (oder ähnliches)* [33] (Мы не должны плевать, наступать другим на ноги или драться (или делать что-то подобное)); *Wir begegnen einander rücksichtsvoll und höflich und tun nichts, was das Schulhaus, seine Einrichtung oder das Schulgelände beschmutzt oder beschädigt. Auch in der Schule ist nicht alles erlaubt, was nicht ausdrücklich verboten ist* [27] (Мы относимся друг к другу предупредительно и вежливо и не делаем ничего, что могло бы испачкать или повредить школьное здание, оборудование или школьную территорию. В школе разрешено не всё, что однозначно не запрещено).

Многие тексты отличаются также отсутствием четкого деления на тематические блоки и, как следствие, структурной открытостью. Важным показателем точности или ее ослабления является объем текста, варьирующийся от нескольких страниц, оформленных как сложное структурно-семантическое единство, отражающее многообразие детально описанных нормативных ситуаций, до нескольких простых предложений, содержащих общие указания для учащихся по поводу того, как нужно вести себя в школе.

Итак, функционально-стилистическое своеобразие жанра Правил (*Schulordnung der Grundschule*) отражает его статус нормативного документа, адресованного детям младшего школьного возраста. Средой функционирования как самого жанра, так и манифестирующих его текстов выступает повседневная официально-деловая коммуникация взрослых и детей, протекающая в регистре «взрослый нормоотправитель – ребенок-нормополучатель». Жанр Правил можно рассматривать в данном контексте как совокупность стилизованных черт, закрепленных за официально-деловым и разговорным стилями и потенциально находящихся в распоряжении создателей текстов. Под воздействием соответствующих экстралингвистических факторов в текстах, манифестирующих жанр, происходят стилистические процессы, нарушающие однозначное доминирование официально-делового стиля и приводящие к формированию межстилевого облика текстов.

Анализ эмпирического материала убедительно показывает, что гибридный жанровый стиль как механизм отбора и комбинирования языковых единиц демонстрирует в текстовом пространстве Правил открытость навстречу как официально-деловому, так и обиходно-разговорному стилю, предоставляя адресантам возможность оформлять конкретные тексты в соответствии с их представлениями о допустимых границах стилового варьирования. Возникающая в процессе нормотворчества стилистическая неоднородность текстов не является препятствием для опознания адресатами инвариантной коммуникативной цели – регуляции поведения субъектов нормы.

Список литературы

1. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
2. Тырыгина В. А. Восемь признаков жанра // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : меж-

- вуз. сб. науч. тр. / редкол.: А. Г. Пастухов (отв. ред.) [и др.]. Вып. 6. Орел : Орловский гос. ин-т искусств и культуры, 2008. С. 90–94.
3. Федосюк М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102–120.
4. Балашова Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры. М. : Издательский дом ЯСК, 2022. 832 с. (Studia Philologica).
5. Тюкаева Н. И., Бринев К. И. Методологические проблемы моделирования жанра с использованием теории прототипов // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 2 (87). С. 584–586.
6. Костомаров П. И. Трактровка речевого жанра в работах отечественных исследователей // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. № 2. С. 181–185.
7. Мишланов В. А., Худякова Е. С. О жанровой специфике текстов церковно-религиозного стиля // Филологические заметки. 2008. № 2. С. 28. EDN: SAMUBX
8. Дрожжих А. В. Годовые отчеты банковских учреждений: структура, прагматика и языковая аранжировка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, вып. 12. С. 3926–3931. <https://doi.org/10.30853/phil20210628>
9. Куркан Н. В. Модель жанра «Руководство по эксплуатации» // Жанры речи. 2021. № 1 (29). С. 49–56. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-49-56>
10. Дубровская Т. В. Мультимодальный анализ в жанроведении: семиотика туристического буклета // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 3 (35). С. 194–204. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-194-204>, EDN: TMQQSM
11. Стеклова Т. И., Лаврентьева Е. В. Варианты речевого жанра предупреждения и их модусные показатели // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 4 (36). С. 250–261. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-250-261>, EDN: VNRACM
12. Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (русский научный академический текст) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2002. 28 с.
13. Брандес М. П., Пиронкова М. П. Практикум по функциональной стилистике немецкого языка : учеб. пособие. М. : Высшая школа, 1975. 195 с.
14. Брандес М. П. Стилистика текста. Теоретический курс : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Прогресс-Традиция ; ИНФРА-М, 2004. 416 с.
15. Тырыгина В. А. Жанры в информационно-массовом дискурсе // Studia Linguistica – XI. Проблемы когнитивной семантики : сб. ст. СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. С. 150–155.
16. Кожина М. Н. Экстралингвистические (внелингвистические) стилеобразующие факторы функциональных стилей // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М. : Флинта, 2019. С. 624–627.
17. Разинкина Н. М. Функциональная стилистика (на материале английского и русского языков) : учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. Дубна : Феникс+, 2015. 284 с.
18. Кожина М. Н. Классификация и внутренняя дифференциация функциональных стилей // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М. : Флинта, 2019. С. 146–153.
19. Schulordnung der Neumühler Schule (Grundschule). URL: <https://www.neumuehler-schule.de/schulordnung.html> (дата обращения: 15.12.2022).
20. Schulordnung. URL: <http://www.gs-huntlosen.de/schulordnung/> (дата обращения: 15.12.2022).
21. Schulordnung 2020. URL: <https://www.nysterbachschule.de/schulordnung/> (дата обращения: 15.12.2022).
22. Schulordnung. URL: <https://grundschule-oberursel.de/unsere-schule/schulordnung/> (дата обращения: 15.12.2022).
23. Schulordnung der Grundschule Stallwang. URL: <https://www.grundschule-stallwang.de/index.php/schule/schulordnung> (дата обращения: 25.11.2022).
24. Гончарова Е. А., Ньюбина Л. М. Личное письмо как эгоцентрический тип текста в реальной и литературной коммуникации // Известия Смоленского государственного университета. 2015. № 1 (29). С. 155–168.
25. Большакова Т. М. Квазиэгоцентризм как прием коммуникативно-речевого построения нормативного текста (на примере нормативных текстов немецких начальных школ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, вып. 1. С. 226–231. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.44>
26. Unsere Schulordnung. URL: <https://grundschule-ashausen.de/schulordnung/> (дата обращения: 15.12.2022).
27. Die Schulordnung. Schafft Sicherheit und Ordnung. URL: <https://www.grundschule-hoheneck.de/schulordnung> (дата обращения: 15.12.2022).
28. Schulordnung. URL: <https://www.vs-waldthurn.de/home/schulordnung> (дата обращения: 15.12.2022).
29. Schulordnung der Ebereschen-Grundschule. URL: <https://www.ebereschen-grundschule.de/schulordnung/> (дата обращения: 15.12.2022).
30. Schulordnung. URL: <https://www.grundschule-stockach.de/schule/schulordnung/> (дата обращения: 15.12.2022).
31. Schulordnung. URL: <https://grundschule-frielingen.de/schulordnung/> (дата обращения: 10.12.2022).
32. Schulordnung der Grundschule Gammel. URL: <https://www.grundschule-gammel.de/seite/243636/schulordnung.html> (дата обращения: 15.12.2022).
33. Schulordnung. URL: <https://www.grundschule-paulsberg.de/unsere-schule/schulordnung/> (дата обращения: 15.12.2022).

Поступила в редакцию 19.02.2023; одобрена после рецензирования 17.05.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 19.02.2023; approved after reviewing 17.05.2023; accepted for publication 10.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 12–19

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 12–19

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-12-19>, EDN: SVLCMV

Научная статья

УДК 811.111(038):359

Штурманский морской англо-русский словарь как часть «Курса кораблевождения»

А. С. Епимахова

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 163002, г. Архангельск, набережная Северной Двины, д. 17

Епимахова Александра Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент базовой кафедры технологий и автоматизации перевода в бюро переводов «АКМ-Вест», a.epimahova@narfu.ru, AuthorID: 642622

Аннотация. В статье рассматривается Штурманский морской англо-русский словарь в контексте его создания. Словарь прошел путь от небольшого приложения под одной обложкой с учебным пособием к приложению-книге, являющейся частью многотомного «Курса кораблевождения». Штурманский словарь как часть «Курса кораблевождения» под ред. Я. Я. Лапушкина был издан дважды: в 1947 г. за авторством Н. Ф. Рыбакова и в 1960 г. за авторством Т. Л. Рутковской. В создание словаря внесли свой вклад представители профессионального морского, академического, научного сообщества, в том числе известный лексикограф А. М. Таубе. Сопоставительный анализ источников позволяет сделать вывод о преемственности между данными словарями в их содержании, структурировании и оформлении материала. Создание новой версии словаря было обусловлено научно-техническим прогрессом, а также необходимостью принимать во внимание не только британские, но и американские источники в связи с усиливающейся ролью США в мореплавании середины XX в. Необходимость создания штурманского словаря, включающего как специальную терминологию, так и основные команды, обосновывается в учебных пособиях, составленных Н. Ф. Рыбаковым, и в предисловии к словарю Т. Л. Рутковской важной ролью, которую играет данный язык в профессиональной морской коммуникации. Англо-русский словарь был необходим штурманам для пользования зарубежными пособиями, коммуникации с лоцманами, причем наработку данных профессиональных навыков следовало начинать еще в процессе получения образования. В наши дни словари, созданные десятилетия назад, остаются ценным источником информации об истории развития отечественной научно-технической мысли и профессиональной коммуникации.

Ключевые слова: морская лексикография, морской словарь, штурманский словарь, курс кораблевождения, Я. Я. Лапушкин, Н. Ф. Рыбаков, Т. Л. Рутковская, А. М. Таубе

Для цитирования: Епимахова А. С. Штурманский морской англо-русский словарь как часть «Курса кораблевождения» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 12–19. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-12-19>, EDN: SVLCMV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

English-Russian Navigation Dictionary as part of the Marine Navigation Course

A. S. Epimakhova

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, 17 Severnaya Dvina Emb., Arkhangelsk 163002, Russia

Aleksandra S. Epimakhova, a.epimahova@narfu.ru, AuthorID: 642622

Abstract. The article considers the English-Russian Navigation dictionary in the context of its creation. The dictionary evolved from a small appendix to a textbook into a separate edition, which is a part of a multi-volume *Marine Navigation Course*. The Navigation Dictionary as part of the *Marine Navigation Course* ed. by Yakov Lapushkin was published twice: in 1947 by Nikolay Rybakov and in 1960 by Tamara Rutkovskaya. The representatives of the professional naval, academic, and scientific community, including the well-known lexicographer Alexander Taube, contributed to this dictionary. A comparative analysis of the sources shows the continuity between these dictionaries in their content, design and structure. The demand for the new 1960 version was explained by a rapid scientific and technological progress, as well as by the requirements to take into account not only British, but also American sources due to the increasing role of the United States in the navigation in this period. The need to create a navigation dictionary, including both special terminology and basic commands, was justified in the textbooks by Nikolay Rybakov, and in the preface to the dictionary by Tamara Rutkovskaya by the role that this language played in professional naval communication. Navigators needed a modern English-Russian dictionary that could be used for reading foreign manuals, for communication with pilots; such professional skills should have been obtained in the course of studies. Nowadays, old dictionaries compiled scores of years ago, remain a valuable source of information on the history of the Russian scientific and technical thought and professional communication.

Keywords: naval lexicography, naval dictionary, navigation dictionary, Marine Navigation Course, Ya. Ya. Lapushkin, N. F. Rybakov, T. L. Rutkovskaya, A. M. Taube

For citation: Epimakhova A. S. English-Russian Navigation Dictionary as part of the Marine Navigation Course. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 12–19 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-12-19>, EDN: SVLCMV

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В переводе ведётся спор о том, кто является лучшим переводчиком: лингвист, освоивший предметную область, или же специалист-отраслевик, наработавший лингвистические навыки. В лексикографии и терминологии данный спор может быть разрешен при возможности коллективной работы. Как правило, работа распределяется по функциям составителя и редактора: одну из них берет на себя специалист в предметной области, а вторую – специалист-филолог, в том числе терминограф. Такое сотрудничество позволяет избежать ситуации, когда специалисту-предметнику «самостоятельно приходится решать весьма сложные задачи, руководствуясь при этом только своим опытом и представлениями о нуждах своих пользователей» [1, с. 10], что существенно усложняет работу над словарем, увеличивает сроки работы над ним и не всегда позволяет получить лексикографический продукт желаемого качества. Проектирование словаря, которое в наши дни признается первым этапом терминологической работы [1, с. 62–63] и анализируется в научных публикациях (например, [2, 3]), позволяет определить тип будущего словаря, его макро- и микроструктуру, выявить критерии отбора единиц в соответствии с запросами потенциальных пользователей.

Примером такого сотрудничества специалистов-предметников и филологов является Штурманский морской англо-русский словарь, опубликованный как приложение к «Курсу кораблевождения». Данный курс, разработанный по инициативе Я. Я. Лапушкина, представляет собой капитальный труд, который охватывает основные вопросы теории и практики штурманского дела. Курс основан на богатейшем опыте контр-адмирала Лапушкина, который в разные годы был флагманским штурманом Тихоокеанского флота (1932–1939), начальником Главного гидрографического управления (1939–1947) [4, с. 244–245]. В предвоенные годы под руководством Я. Я. Лапушкина Гидрографическое управление подготовило ряд наставлений и инструкций по производству гидрографических исследований, а также использованию штурманских приборов и инструментов, деятельности гидрографических подразделений в военное время. В годы Великой Отечественной войны гидрографическим управлением были проведены срочные мероприятия по обеспечению флотов и флотилий навигационными картами,

руководствами для плавания и штурманским вооружением [5, с. 136]. В эти годы Я. Я. Лапушкин принимал участие в обмене информацией с союзниками СССР, что, вероятно, стало одной из причин его снятия с должности в 1947 г. и ареста в 1948 г. [6, с. 409–411]. После реабилитации в 1953 г. Лапушкин вернулся к работе в Гидрографическом управлении. Работу над задуманным им курсом он начал еще в 1938 г., в 1940–1948 гг. был ответственным редактором, в 1954–1960 гг. – главным редактором курса.

Много томный «Курс кораблевождения», изданный Управлением Гидрографической службы ВМФ, освещает такие аспекты, как «Навигация», «Мореходная астрономия», «Основы маневрирования», «Навигационные пособия», «Технические средства кораблевождения», и сопровождается приложениями, одно из которых – англо-русский штурманский словарь. Приложения включают «материалы по некоторым вопросам, не являющимся прямым содержанием науки кораблевождения, но представляющим существенный интерес для штурмана в его повседневной практической деятельности» [7, с. 5]; в том числе штурману необходимо знание иностранных языков, в частности английского, «с которым чаще всего приходится сталкиваться при плавании в зарубежных водах и при пользовании английской и американской литературой по вопросам кораблевождения» [7, с. 5]. Данный словарь был издан дважды: в 1947 г. (Н. Ф. Рыбаков) и в 1960 г. (Т. Л. Рутковская).

Составитель словаря 1947 г. Н. Ф. Рыбаков, русский и советский штурман, потомок морской династии, выпускник Морского корпуса, более 15 лет преподавал штурманские дисциплины в ВМУ им. М. В. Фрунзе, Каспийском ВВМУ им. С. М. Кирова, Штурманском офицерском классе, заведовал кафедрой судовождения Всесоюзной транспортной академии. О богатом профессиональном опыте Н. Ф. Рыбакова рассказывают опубликованные воспоминания: он был вахтенным начальником линейного корабля «Цесаревич», штурманом миноносцев «Достойный» и «Дельный», старшим штурманом линейного корабля «Александр II», служил на Балтийском флоте, был старшим штурманом во время первого в истории советского Военно-морского флота дальнего заграничного плавания из Архангельска во Владивосток через Англию, Италию, Египет, Аравию, на Цейлон, в Сингапур,

Гонконг, Кантон и (12 июня – 20 ноября 1924) на судне «Воровский». Н. Ф. Рыбаков был среди русских моряков, которые первыми пришли на помощь после землетрясения в Мессине 28 декабря 1908 г., за что позже награжден медалью итальянского правительства [8]. Кроме имеющихся опубликованных воспоминаний, сохранились рукописи биографических произведений, которые хранятся в Российской национальной библиотеке.

Н. Ф. Рыбаковым подготовлен ряд учебных пособий, наиболее известны из которых «Морская лоция» и «Штурманская работа», где он подчеркивает, как важно для штурмана знать английский язык, владеть англоязычной терминологией, иметь навыки работы с зарубежными навигационными документами и коммуникации с коллегами, не говорящими по-русски. В частности, вторая часть двухтомной «Морской лоции» озаглавлена «Английские навигационные пособия» [9]. Она содержит описание английских адмиралтейских навигационных пособий, а также дает практические указания по их использованию. Книга предназначена для военно-морских училищ (задания позволяют отработать материал), но может быть использована штурманами и командирами при подготовке кграничному плаванию и на мостике. В издании приводятся документы (лоции, карты) с комментариями и переводом терминов, названий разделов, отдельных небольших фрагментов. Лоция позволяет получить навыки работы с навигационными пособиями, выпускаемыми Гидрографическим департаментом британского Адмиралтейства, которыми Гидрографическое управление ВМФ снабжало корабли Военно-Морского флота СССР для использования в зарубежных плаваниях. В приложении к данной части дается словарь, предназначенный для чтения английских карт и других навигационных пособий. «Краткий англо-русский словарь штурманских морских терминов и специальных выражений и значений слов» находится на страницах 151–175, далее следуют «Разговоры с морским лоцманом и командные слова» (с. 176–179), «Таблица условных знаков на английских адмиралтейских картах» (с. 180–186), «Сокращения в английских навигационных пособиях» (с. 187–193), «Английские румбы» (с. 194). Среди источников пособия, помимо английских и советских навигационных пособий (в том числе карт и справочников), указываются словари, однако только два из них являются морскими: «Карманный русско-англо-французский морской словарь» Де Ливрона (1893) [10] и «Словарь к руководству для изучения

английского морского языка» Н. Глазова (1913) [11], успевшие существенно устареть к 1940 г. Также в качестве источника Н. Ф. Рыбаков указывает «Материалы, накопленные автором в дальних граничных плаваниях 1908–1929 гг., во внутренних плаваниях 1930–1939 гг. и из опыта преподавания Морской Лоции в 1924–1939 гг. в Штурманском секторе СКУКС¹ и в высшем военно-морском ордена Ленина краснознаменном училище им М. В. Фрунзе» [9, с. 195].

Н. Ф. Рыбаковым подчеркивается необходимость использовать именно специальный штурманский словарь, так как даже при обширном запасе слов необходим выбор конкретного соответствия для каждой лексической единицы. К тому же английские лоции не очень подробно иллюстрированы видами берегов, поэтому «для того чтобы облегчить себе работу пользования на походе английскими навигационными пособиями, надо при подготовке кграничному плаванию заблаговременно перевести те места из английской Лоции, где описан вид берегов и приметных пунктов, по которым придется ориентироваться при плавании» [9, с. 137]. Раздел «Разговоры с морским лоцманом и командные слова» предназначен для ведения коммуникации с лоцманом при проводке судна вграничном порту. Согласно предъявляемым требованиям, «командир корабля, штурман и вахтенные командиры, стоящие ходовые вахты, обязаны: 1) уметь переводить на русский язык подаваемые на английском языке команды и указания морского лоцмана, и 2) уметь задавать ему вопросы, связанные с проводкой корабля, и понимать его ответы» [9, с. 137].

Н. Ф. Рыбаков настаивает на том, что молодому офицеру на корабле необходимо все время учиться, работать с публикуемой литературой на русском и английском языках (читать в оригинале), самостоятельно заниматься английским языком: «Если он не будет заниматься языком, то приобретенные им навыки в переводе с английского и в разговоре будут утрачены довольно скоро, растеряется запас слов, забудется грамматика, заглушнут навыки разговорного языка и пропадут все ранее затраченные усилия на овладение языком. Было бы очень досадно допустить это. Поэтому следует так распределить свое время на корабле, чтобы выделить хоть час, хоть полчаса, но обязательно ежедневно на практику в английском языке как наиболее нужном для штурмана» [12, с. 27–28]. Помимо постоянной практики, для пользования

¹ Специальные курсы усовершенствования командного состава.

английскими пособиями и коммуникации с лоцманами необходимо знание штурманских морских терминов и специальных выражений [12, с. 96]. Небольшой словарь-приложение к Лоции в дальнейшем стал основой для штурманского словаря, составленного Н. Ф. Рыбаковым в годы Великой Отечественной войны как часть «Курса кораблевождения» [12, с. 28]. Среди источников этого словаря приводятся также Англо-русский морской словарь Б. Н. Серебрянского и В. С. Горшенина (1946) и Морской англо-русский словарь А. М. Таубе и В. Д. Шмида (1943). Редактирование словаря выполнено А. М. Таубе при участии А. А. Павловой.

Интересно, что штурманский морской англо-русский словарь 1947 г. удалось обнаружить в двух вариантах издания: в твердой и мягкой обложке.

Издание в твердой обложке подается как приложение к «Курсу кораблевождения». В предисловии указывается, что он призван помочь советским морякам в работе с изданиями на английском языке, а также общении с лоцманами, в принятии оповещений на английском языке. Подчеркивается, что издание предназначено, в первую очередь, для профессиональной деятельности: «В словарь включен и достаточный запас современных технических терминов, который позволит офицерам военного и торгового флотов свободно переводить английские статьи по их специальности и обеспечит им непосредственное общение, без помощи переводчика, с официальными органами в иностранных портах, и с лоцманами, вызываемыми на корабль, для которых английский язык является наиболее привычным» [13, с. 3]. Однако может оно служить и для учебных целей, поскольку позволит студентам осознать прикладной характер получаемых ими знаний, что повысит их мотивацию. В то же время в книгу вклеен ярлык: «БЕСПЛАТНО. Издание неофициальное, использовать только для учебных целей в военно-морских учебных заведениях по указанию кафедры иностранных языков. Гидрографическое управление ВМС».

Издание в мягкой обложке имеет уже другое предисловие, где указано, что словарь первоначально намечался быть изданным в качестве приложения к основным томам «Курса кораблевождения», однако «ввиду того, что данный словарь в настоящем виде не может удовлетворять требованиям, предъявляемым к современному штурманскому словарю, Гидрографическое управление ВМС выпускает в свет этот словарь только в качестве неофициального издания и рассматривает его как одну из попыток создания

компактного специализированного словаря. Отдавая себе отчет, что эта работа содержит в себе ряд недостатков, Гидрографическое управление ВМС полагает, что и в таком виде словарь окажется не бесполезным учащимся при переводе отдельных текстов по морским вопросам» [14, с. 3]. Таким образом, учебные цели выводятся на первый план, возможности же использования в профессиональной деятельности не упоминаются вовсе.

Издание словаря совпало по времени с трагическими событиями в жизни редактора «Курса» Я. Я. Лапушкина. 1947 год ознаменовался репрессиями против адмиралов флота после Великой Отечественной войны («Дело адмиралов»). Лапушкин изначально был привлечен в качестве эксперта, однако, вероятно, предоставленное им заключение не отвечало целям судебного процесса. В 1947 г. он был уволен из кадров Вооруженных сил, в 1948 г. арестован, в вину ему вменялся обмен информацией с союзниками. Дело Я. Я. Лапушкина рассматривалось на закрытом судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР 24 апреля 1952 г.; в протоколе зафиксированы его возражения о том, что переданные документы не были секретными (карты и издания общего пользования), а обмен производился через органы Разведывательного управления и с ведома и санкции морского Генштаба. В результате статья была переквалифицирована с измены Родине на превышение власти, однако в деле фигурировала также статья о контрреволюционной агитации и пропаганде, и Я. Я. Лапушкин частично признал «антисоветские высказывания» и «случаи нетактичного поведения». Он был осужден на 10 лет лишения свободы в исправительно-трудовом лагере с конфискацией имущества и последующим поражением в политических правах сроком на 5 лет. На основании секретного постановления правительства Я. Я. Лапушкин был лишен воинского звания контр-адмирала и наград. В 1953 г. он освобожден из-под стражи и полностью реабилитирован [6, с. 410–411].

Вероятно, словарь-приложение к «Курсу кораблевождения», предисловие которого подписано ответственным редактором «Курса», начальником Гидрографии ВМС контр-адмиралом Лапушкиным 7 февраля 1947 г., успел выйти небольшим тиражом. Однако необходимость в таком источнике была высока, и его выпустили как отдельное издание с оговорками о несовершенстве словаря, что подчеркивается в предисловии, подписанном уже начальником Гидрографического управления ВМС капитаном 1-го ранга Куликовым. Англо-русский словарь как часть

«Курса» был лишь первым выпуском приложения, о выходе второго запланированного выпуска – штурманского морского русско-английского словаря – информации найти не удалось.

Сопоставление словарей Н. Ф. Рыбакова 1940 и 1947 гг. позволяет сделать вывод о большой работе, проведенной за эти годы с привлечением новых словарей и специалистов, в том числе известного лексикографа профессора А. М. Таубе. Когда словарь из приложения к учебнику превратился в самостоятельное издание, его объем существенно увеличился. Указание на количество лексических единиц в самом источнике отсутствует, но подсчет заглавных слов словарных статей показывает, что словарь содержит более 3000 единиц. Это тем более заметно, что из словаря убраны все географические названия. С одной стороны, такое решение логично, поскольку они представляют собой особый слой лексики. С другой стороны, раздел, посвященный географическим названиям, в словаре 1947 г. отсутствует.

Помимо увеличения количества словарных статей, многие из них были дополнены. Это заметно уже на первых страницах: в целом между документами четко видна преемственность, но, например, к слову **«aboard»** в словаре 1940 г. приводится лишь два выражения (**«keep the land aboard»** и **«aboard ship»**), в словаре 1947 г. добавлены **«come aboard»** и **«keep the shore well aboard»**. Существительное **«action»** в словаре 1940 г. отсутствует, в словаре 1947 г. за ним следует 8 словосочетаний.

Переработка словаря сопровождается небольшими изменениями. Например, сокращение **«a.m.»** исключается как отдельная запись и остается только в скобках после **«Ante meridiem»**; имеются исправления в написании слов, в том числе вариантом: **«Packice»** / **«Pack ice»**; **«Practique, pratique»** / **«Pratique»**. При переработке были устранены неточности в написании слов, а также устаревшие варианты (**«Alhidada»** / **«Alidade, alidad»**). Вероятно, некоторые единицы были оценены как избыточные в специальном словаре (**«Accurately»**, **«Afternoon»** и др.).

Раздел «Разговоры с морским лоцманом и командные слова» также существенно расширен. Версия 1940 г. (заимствованная почти полностью у Глазова с дополнениями из словаря де Ливрона) включает 90 фраз под общим заголовком «Разговоры с лоцманом» и примерно 50 командных слов и выражений, относящихся к управлению рулем и машиной («О руле», «Для машины», «Об якоре»). В издании 1947 г. часть «Разговоры с лоцманом» стала самостоятельным разделом;

она дополнена и разделена на части подзаголовками: «Прибытие лоцмана на корабль» (23 ед.), «Сведения о корабле» (20 ед.), «О лоцманах» (23 ед.), «О ведении корабля: о курсе, фарватере, скорости хода» (25 ед.), «О глубине, грунте и уровне воды» (14 ед.), «Об якорной стоянке» (21 ед.), «О снабжении корабля» (11 ед.), «Отбытие лоцмана с корабля» (3 ед.). При этом за исходную фразу в более раннем словаре дается русскоязычная, а в более позднем – англоязычная. Если из основной части словаря убраны слова, которые можно найти в «обычном» словаре, то «Разговоры», напротив, дополнены фразами **«Good morning!»**, **«Good afternoon!»**, **«My name is...»**, **«Good by, thank you»** и другими, видимо, потому, что при устной коммуникации удобнее пользоваться одним источником. Перечень командных слов также расширен и дополнен: **«Руль»** (60 ед.), **«Машина»** (26 ед.), **«Якорь»** (25 ед.), **«Швартовка»** (19 ед.), **«Буксировка»** (12 ед.), **«Прием лоцманского бота»** (6 ед.); последние три раздела являются новыми.

Таблица условных знаков на английских адмиралтейских картах не воспроизводится в словаре 1947 г., поскольку не имеет непосредственного отношения к двуязычной лексикографии и представляет собой иллюстрации, сопровождаемые текстом на английском языке с переводом на русский язык. Перечень сокращений, встречающихся в английских адмиралтейских навигационных пособиях, и английские румбы перенесены в издание 1947 г. Это можно объяснить стабильностью, соблюдением установленных принципов расположения материала в пособиях Английского адмиралтейства, на которую указывает Н. Ф. Рыбаков в «Морской лоции» [9, с. 4]. В новое издание также включены таблицы с соответствиями на двух языках **«The Beaufort. Шкала Бофорта»**, **«Scale for sea disturbance. Шкала состояния моря»** и **«International visibility scale. Международная шкала видимости»**, а также раздел «Перевод английских мер длины в метрические и обратно».

Рассматриваемый штурманский словарь Н. Ф. Рыбакова ни в одной из его версий не имеет предисловия, где был бы изложен взгляд составителя на принадлежность того или иного слова или словосочетания к терминам (в том числе специальным) или профессионализмам. Это свидетельствует о подходе специалиста-практика, не имевшего доступных лексикографических ресурсов, но стремившегося поделиться собственным профессиональным опытом [15]. Несмотря на необходимость выделять термины как особый класс в рамках научных исследований, включе-

ние в специальный словарь также номенов, прототерминов, предтерминов, профессионализмов, терминоидов (т.е. специальных лексических единиц / специальных лексем) предметной области признается оправданным [1, 94–95; 16, с. 719], а под объектом терминографии может пониматься «все то, что может быть описано в словарном формате, то есть вся терминологическая действительность, реальность» [17, с. 75].

Следует также отметить, что 1930–1940-е гг. стали тем временем, когда из печати выходят не только общетраслевые морские словари, но и словари, относящиеся к отдельным областям внутри данной сферы: военно-морской, штурманский, кораблестроительные словари [18].

Работа над «Курсом кораблевождения» продолжилась после реабилитации Я. Я. Лапушкина. В 1960 г., также в качестве приложения, вышел из печати словарь, составленный Т. Л. Рутковской (отредактирован контр-адмиралом В. Д. Шандабыловым). Т. Л. Рутковская является представителем академического сообщества. Она входит в число основателей кафедры иностранных языков Военно-морской академии (ныне Военно-морская академия им. Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова), сформировавшейся в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Т. Л. Рутковская долгое время возглавляла эту кафедру [19]. Она владела несколькими иностранными языками (обзор публикаций позволяет обнаружить английский, французский и немецкий), вела переводческую деятельность, является автором ряда учебных пособий, составителем словарей. В основе штурманского словаря доцента Т. Л. Рутковской – английские и американские специальные пособия, периодические издания, справочники и руководства, а также специальные, толковые и многоязычные словари, изданные в СССР и за рубежом [7, с. 5]. Несмотря на то что список источников в словаре отсутствует, логично предположить, что среди них был и словарь Н. Ф. Рыбакова.

Словарь Т. Л. Рутковской содержит меньше разделов, чем словарь Н. Ф. Рыбакова: основная часть составляет 228 страниц, далее следует перечень наиболее употребительных сокращений и условных обозначений, принятых в английской и американской литературе (7, с. 238–252), таблица с названиями флагов Международного свода сигналов на английском языке и указатель русских терминов. Перевод командных слов и выражений не составляет особого раздела, они даются после ключевых слов. Словарь включает более 11 тыс. единиц. Во введении отмечается, что словарь содержит, во-первых, «общие и специальные

термины по вопросам навигации, мореходной астрономии, маневрирования, технических средств кораблевождения (включая радионавигационные, гидроакустические и инерциальные системы), а также термины, применяемые во всех видах навигационных пособий, в том числе на морских картах и в руководствах для плавания» [7, с. 7], во-вторых, «основную морскую терминологию по вопросам океанографии, метеорологии, гидрографии, геодезии, аэрофотосъемки, а также некоторые специальные термины, применяемые в обычной морской практике и в Правилах для предупреждения столкновений судов в море» [7, с. 7] и минимум необходимых терминов их смежных областей (математика, физика и др.). В целом, это соответствует пониманию термина в соответствии с рабочей дефиницией «специальная лексема, называющая общее понятие» [16, с. 725]. Для новых терминов, русскоязычные соответствия которых еще не разработаны, дается краткая расшифровка их значений.

В словаре Т. Л. Рутковской интересно решена проблема создания русско-английского словаря. Известно, что недостаточно просто «перевернуть» двуязычный словарь, так как правая часть словарной статьи зачастую не сводится к одному соответствию. В данный словарь включен алфавитный указатель основных русских терминов, пользуясь которым, можно найти нужную статью в англо-русском словаре.

При сопоставлении словарей Н. Ф. Рыбакова (1947) и Т. Л. Рутковской (1960) следует отметить, во-первых, большую лингвистическую разработанность последнего. Единицы сопровождаются указанием на часть речи («n» – noun – имя существительное, «a» – adjective – имя прилагательное, «prep» – preposition – предлог и т. д.). Некоторые единицы оформлены более последовательно. Например, вместо причастия **«abandoned»** покинутый, брошенный» в словаре 1960 г. присутствует лишь инфинитив **«abandon»** 1) покидать; оставлять; 2) самовольно уходить (с поста и т. п.). не включается отглагольное существительное **«saving»** спасание». Предполагается, что пользователь сможет по инфинитивам перевести соответствующие формы. **«Detached rocks»** отдельные скалы» у Рыбакова приводятся в статье **«Detached»**, а у Рутковской – в статье **«rock»** и уже в единственном числе. Тем не менее, многие единицы совпадают: **«Abridged»** сокращенный», **«Alluvions»** промоина, наносы» (во множественном числе) и др. Во-вторых, следует отметить большее количество помет, указывающих на научно-техническую сферу. У Рыбакова имеется лишь помета *рлт*, т. е.

«радиолокационный термин», у Рутковской разработана система помет, которые охватывают разные профессиональные сферы («ав.» = «авиация», «авт.» = «автоматика», «ВМФ» = «военно-морской флот» и т.д., всего 11 помет). Примеры помет, указывающих на принадлежность лексической единицы к предметной области: «**lobing antenna** антенна с переключением равносигнальной зоны (р.-л.)»; «**vacuum-tube relay** ламповое реле, электронное реле (рад.)»; «**barrier theory** барьерная теория Экснера (метео)» относятся к сфере радиолокации, радиотехники и метеорологии соответственно.

В-третьих, обращает на себя внимание ориентация словаря Т. Л. Рутковской не только на английские, но и на американские источники, что подчеркивается в предисловии и формулировке заголовков. Это связано с усилившейся ролью США в различных сферах деятельности, в том числе научно-технических разработках. Пометы А. (= «Англия») или США указывают на принадлежность лексической единицы к английскому / американскому дискурсу: «**Naval academy** военно-морские училище (США)»; «**corporation of Trinity House** маячно-лоцманская корпорация (А)»; «**Fleet Air Arm** авиация ВМФ (А)» / «**Naval Air Arm** авиация ВМФ (США)»; «**left handsomely** лево немного! (США)»; «**right handsomely** право немного! (США)» и др. В словарь включены наименования британских и американских учреждений, небольшое количество иных имен собственных («**Ocean passages of the World**» английское пособие «Океанские пути мира»), географических названий («**Antarctic** Антарктика»; «**Arctic** Арктика»; «**Narrow Seas** Па-де Кале, Ла-Манш и Ирландское море»). Для сравнения отметим, что в словаре Н. Ф. Рыбакова помета *америк.* используется только в разделе с командными словами и выражениями.

Между словарями видна преемственность в структурировании и оформлении материала, и представляется, что издание нового словаря вызвано не столько несовершенством старого, сколько активным развитием научно-технической мысли, в результате чего требовалось дополнение и расширение терминологии.

Линия терминологических штурманских словарей была продолжена А. И. Козловым, опубликовавшим в 1995 г. Штурманский морской англо-русский и русско-английский словарь. В настоящее время современные технологии, вероятно, способствуют созданию лексикографических источников нового типа (онлайн-словари, терминологические базы), отражающих новейшие достижения в судоходстве.

Тем не менее, богатейший опыт, накопленный специалистами в трудных, зачастую боевых условиях, остается ценным источником профессиональной информации. Профессиональная штурманская работа оказалась во многом неотделима от лексикографической и переводческой деятельности, а последние требовали знаний в сфере навигации, гидрографии и др. Англо-русский словарь был необходим штурманам для пользования зарубежными пособиями, коммуникации с лоцманами, причем получение данных профессиональных навыков следовало начинать еще в процессе получения образования. Поэтому работа над штурманским словарем требовала объединения сил морского и лингвистического, профессионального и вузовского сообществ. Достижения составителей и редакторов словарей еще предстоит оценить с позиций не только профессиональной деятельности, но и профессиональной коммуникации.

В завершение настоящей статьи хотелось бы упомянуть, что 25 мая 2022 г. состоялся торжественный спуск на воду малого гидрографического судна «Яков Лапушкин». Это дань памяти человеку, который внес значительный вклад в развитие отечественной науки и техники.

Список литературы

1. Гринев-Гриневиц С. В. Введение в терминографию: Как просто и легко составить словарь : учеб. пособие. М. : Либроком, 2009. 224 с.
2. Мезит А. Э. Концепция «Словаря специальной лексики русской гидроэнергетической отрасли» // Вопросы лексикографии. 2019. № 16. С. 138–152. <https://doi.org/10.17223/22274200/16/8>
3. Девяткова О. И., Кантышева Н. Г. Проектирование терминологического учебного словаря таможенной сферы: корпусный подход // Вопросы лексикографии. 2022. № 25. С. 55–80. <https://doi.org/10.17223/22274200/25/3>
4. Доценко В. Д. Морской биографический словарь / под ред. В. И. Касатонова. СПб. : Logos, 1995. 496 с.
5. Лурье В. М. Адмиралы и генералы Военно-Морского Флота СССР в период Великой Отечественной и советско-японской войн (1941–1945). СПб. : Балтийский информационный центр БЛИЦ, 2001. 280 с.
6. Звягинцев В. Трибунал для флагманов. М. : Терра, 2007. 576 с.
7. Курс кораблевождения / отв. ред. Я. Я. Лапушкин. Прил. 2. Англо-русский штурманский словарь / сост. Т. Л. Рутковская. Л. : [б. и.], 1960. 312 с.
8. Преподаватели Каспийского ВВМУ им. С. М. Кирова. URL: <https://forum.vgd.ru/post/585/55473/p3519507.htm> (дата обращения: 05.01.2023).

9. Рыбаков Н. Ф. Морская логия. Ч. 2. Английские навигационные пособия: С прил. краткого англ.-рус. словаря штурман. морских терминов и спец. выражений и значений слов. М. ; Л. : Военмориздат, 1940. 198 с.
10. Карманный русско-англо-французский морской словарь: По книжке кап. Е. Pornain («Termes nautiques») / сост. А. де Ливрон. СПб. : Тип. Мор. м-ва, 1893. 80 с.
11. Глазов Н. Н. Руководство для изучения английского морского языка. СПб. : Тип. Мор. м-ва, 1913. 116 с.
12. Рыбаков Н. Ф. Штурманская работа. Кн. 2. М. ; Л. : Упр. Воен.-мор. изд-ва, 1945. 112 с. (Библиотека офицера ВМФ).
13. Курс кораблевождения. Приложение 5. Штурманский морской англо-русский и русско-английский словарь. Вып. 1. Штурманский морской англо-русский словарь / отв. ред. Я. Я. Лапушкин. М. : Изд-во Гидрографического Управления ВМС, 1947. 104 с.
14. Рыбаков Н. Ф. Штурманский морской англо-русский словарь. М. : Изд-во Гидрографического Управления ВМС, 1947. 104 с.
15. Епимахова А. С. Переводные словари, составленные на Поморском Севере, как средство трансфера знаний // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 946–951. EDN: ZTJTQD
16. Гринева-Гринева С. В., Сорокина Э. А., Молчанова М. А. Еще раз к вопросу об определении термина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13, № 3. С. 710–729. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729>, EDN: BOVCXP
17. Комарова З. И. Теоретико-методологическая база современной русской терминологии // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 4 (386). С. 74–77.
18. Епимахова А. С. К истории морской лексикографии: основные темы и направления (английский и русский языки) // Развитие Северо-Арктического региона: вопросы сохранения культурного наследия народов Арктики : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Л. Ю. Щипицина. Архангельск : Северный (Арктический) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2022. С. 249–255. EDN: PVCIKF
19. Доценко В. Д., Щербаков В. Н. Профессора военно-морской академии : справочник / отв. ред. Н. Д. Зикорин. СПб. : Аврора-дизайн, 2004. 328 с.

Поступила в редакцию 02.02.2023; одобрена после рецензирования 30.04.2023; принята к публикации 10.11.2023
 The article was submitted 02.02.2023; approved after reviewing 30.04.2023; accepted for publication 10.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 20–25

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 20–25

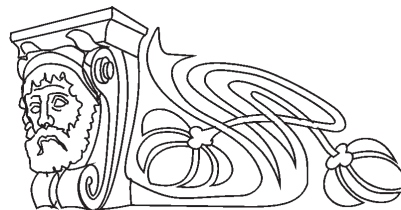
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-20-25>, EDN: XVMGZM

Научная статья

УДК 821.161.1'27'373.43:004.738.5

Экспрессивные способы создания новообразований в социальных сетях (на примере социальной сети «Telegram»)

В. Е. Замальдинов

¹Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, Россия, 603144, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3

²Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Россия, 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1

Замальдинов Владислав Евгеньевич, кандидат филологических наук, ¹доцент кафедры иностранного языка и культуры речи, ²доцент кафедры русского языка и культуры речи, zvlad-nn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4513-3571>

Аннотация. В статье анализируются экспрессивные способы создания новых лексических единиц. Материалом послужили контексты различного содержания, извлечённые из открытых ресурсов мессенджера «Telegram» за 2021–2023 гг. В исследовании применялись приём сплошной выборки, описательный метод с элементами интерпретационного анализа, словообразовательный анализ. Выявлены новые номинации, образованные с помощью контаминации. Подобные словообразовательные неологизмы используются для создания комического эффекта. Проанализированы контаминированные новообразования, которые участвуют в стратегии дискредитации православия. Новые лексические единицы свидетельствуют о низкой коммуникативной компетентности адресанта. Охарактеризованы тмезисные номинации. Доказано, что данные медийные новообразования обладают особой выразительностью, привлекают внимание пользователя. Рассмотрены новые номинации, возникшие в результате междусловного наложения. Подтверждено, что медийные новообразования, созданные с помощью междусловного наложения, выражают оценку и являются средством языковой игры. Проанализированы новые номинации, образованные в результате графикации и её разновидностей. Графические гибриды участвуют в создании намеренной двусмысленности, выражают индивидуальное начало, стимулируют фантазию читателей. Зафиксированы новые лексические единицы на базе прецедентных феноменов. Установлено, что подобные новые номинации привлекают внимание адресата, нарушают предсказуемость, усиливают выразительность заголовка. Обращено внимание на медийные новообразования, в состав которых в качестве производящих вовлекаются бранные и обценные лексемы. Агрессивные номинации вызывают у пользователей нежелательную эмоциональную реакцию, нарушают этические нормы речевого поведения. Результаты работы могут представлять интерес для преподавателей, студентов, курсантов, а также для всех интересующихся активными процессами в области словообразования.

Ключевые слова: новообразования, социальная сеть, Telegram, контаминация, тмезис, междусловное наложение, графикация, прецедентный феномен, бранная лексика, обценная лексика, стратегия дискредитации православия

Для цитирования: Замальдинов В. Е. Экспрессивные способы создания новообразований в социальных сетях (на примере социальной сети «Telegram») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 20–25. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-20-25>, EDN: XVMGZM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Expressive ways of creating new nominations in social networks (on the example of the Telegram social network)

V. E. Zamaldinov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation, 3 Ankudinovskoe Hwy., Nizhny Novgorod 603144, Russia
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, 1 Ulyanov St., Nizhny Novgorod 603005, Russia

Vladislav E. Zamaldinov, zvlad-nn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4513-3571>

Abstract. The article analyzes expressive ways of creating new lexical units. The material consists of contexts of various contents extracted from the open resources of the Telegram messenger in the space of 2021–2023. Research methods and techniques include continuous sampling, the descriptive method with elements of interpretive analysis, word-formation analysis. New nominations formed with the help of contamination have been identified. Such word-forming neologisms are used to create a comic effect. The contaminated innovations that participate in the strategy of discrediting Orthodoxy are analyzed. New lexical units indicate a low communicative competence of the addresser. Tmesis nominations are characterized. It is proved that these media innovations have a special expressiveness, attract the user's attention. The new nominations that have

arisen as a result of the inter-word overlap are considered. It is confirmed that media innovations created with the help of inter-word overlay express evaluation and are a means of language play. The new nominations formed as a result of graphixation and its varieties are analyzed. Graphic hybrids participate in the creation of intentional ambiguity, express an individual element, stimulate the imagination of readers. New lexical units based on precedent phenomena are registered. It is established that such new nominations attract the attention of the addressee, disrupt predictability, enhance the expressiveness of the title. Such media innovations are noted, which have expletive and obscene lexemes in their structures as derivational bases. Aggressive nominations cause users to backlash, to violate ethical norms of speech behavior. The results of this paper may be of interest to teachers, students, cadets, as well as to anyone interested in active processes in the field of word formation.

Keywords: word-forming neologisms, social network, Telegram, contamination, tmesis, inter-word overlap, graphixation, precedent phenomenon, expletive, obscene vocabulary, strategy of discrediting Orthodoxy

For citation: Zamaldinov V. E. Expressive ways of creating new nominations in social networks (on the example of the Telegram social network). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 20–25 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-20-25>, EDN: XVMGZM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Важную роль в общественной жизни страны играют социальные сети. Под ними мы понимаем онлайн-платформы, которые позволяют пользователям размещать информацию о себе, общаться между собой, создавать списки друзей. Социальные сети влияют на формирование мировоззрения и коммуникативного поведения носителей языка.

К крупнейшим социальным сетям можно отнести и мессенджер «Telegram». Он позволяет пользователям обмениваться сообщениями и фотографиями, совершать аудио- и видеозвонки, создавать внутри аккаунта группы.

В борьбе за внимание аудитории адресант активно использует в Telegram-каналах новообразования, созданные с помощью экспрессивных способов деривации. Новые лексические единицы участвуют в создании комического или сатирического эффекта, реагируют на изменения в общественно-политической жизни страны. Как справедливо отмечают исследователи, «интернет-среда стала своеобразной лабораторией, проводящей языковой эксперимент, результаты которого необходимо наблюдать и анализировать» [1, с. 53].

Цель работы – системное описание экспрессивных способов создания новообразований в социальной сети «Telegram».

Теоретической базой для проведения данного исследования послужили труды отечественных учёных, посвящённые словообразовательной неологии (С. В. Ильёсова [2], Е. В. Петрухина [3], В. Е. Замальдинов [4, 5], Н. А. Николина [6], В. В. Катермина [7] и др.).

Изучение новых лексических единиц в различных социальных сетях началось относительно недавно (см., например, работы Л. Н. Ребриной [8], Д. А. Петренко, Э. В. Лихачёва, М. В. Чернышёвой [9], М. В. Ивановой, Н. И. Клушиной [10] и др.).

Новообразования в Telegram-каналах могут создаваться с помощью узуальных (общезыко-

вых) и незузуальных (оказиональных) способов деривации. Однако повышенная экспрессивная окраска характерна именно для okazjiональных способов. Это связано с тем, что при создании неологизмов незузуального характера адресант сознательно нарушает действующие в языке словообразовательные законы.

Так, представлены в Telegram-каналах новообразования, возникшие в результате контаминации. Под данным способом компрессионного словообразования мы понимаем «проникновение первой части (не обязательно морфемы) одного слова в другое и вытеснение из этого другого слова его начала» [11, с. 135]. Приведём примеры: *Пивостранный агент* (заголовок) (Че. 03.06.2022) ← пиво + (ин)остранный; *Воскнедельник* (заголовок). *Момент, когда воскресенье перестает ощущаться как воскресенье, и начинается понедельничное беспокойство* (СловоДня. 26.06.2022) ← воск(ресенье) + (по)недельник.

Настороженность у адресата могут вызывать контаминированные заголовки, в которых адресант использует речевую стратегию дискредитации православия и тактику приравливания данного направления в христианстве к психическим расстройствам. Г. А. Копнина пишет: «В информационно-психологической войне применительно к православию широко используются лексические единицы, репрезентирующие концепт “Болезнь” с целью формирования устойчивой негативной ассоциации православия с психическим заболеванием и тем самым отторжения от этой религии» [12, с. 210]. Приведём пример: *Иисус депрестос* (заголовок) (Че. 23.12.2022) ← депресс(ия) + (Иисус) (Христос). Контаминированное новообразование *депрестос* способствует расшатыванию традиционных духовных ценностей общества, нарушает этическую приемлемость речи, участвует в формировании насмешливого отношения к представителям религиозной группы. Кроме того, подобные новые лексические единицы могут быть

поводом для возбуждения уголовного дела по ст. 148 Уголовного кодекса РФ (Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий) [13].

Используются в Telegram-каналах новые лексические единицы, образованные с помощью тмезиса (вставки/вклинивания сегмента, морфемы, слова, словосочетания или предложения внутрь узувального слова). Проиллюстрируем сказанное: **Самотостоятельно** (заголовок). Когда пытаешься что-то сделать сам, но получается не очень (СловоДня. 19.05.2022) ← самотостоятельно + отсто(й); **Актуаллочка** (заголовок). Алла, которая всегда кстати (СловоДня. 03.06.2022) ← актуалочка + Алл(а); **Анастезия** (заголовок). Настя, которая всё время отмораживается (СловоДня. 08.09.2022) ← анестезия + Наст(я); **СерНеГей** (заголовок). Сергей, к которому нет вопросиков (СловоДня. 05.02.2023) ← Сергей + (отрицательная частица) не; **Не налыжать** (заголовок). Девиз любого лыжника (СловоДня. 16.02.2023) ← налажать + лыж(и); **ВоЛолДя** (заголовок). Владимир, у которого всё хорошо с чувством юмора (СловоДня. 10.05.2023) ← Володя + лол.

Продуктивны в интернет-коммуникации новообразования, созданные путём междусловного наложения. Суть данного неузувального способа деривации заключается в том, что на финаль одной исходной лексемы накладывается омонимичное начало другой узувальной лексемы. Приведём примеры из нашей картотеки: **Тюльпаническая атака** (заголовок) (СловоДня. 08.03.2022) ← тюльпан + паническая; **Яндексюха** (заголовок). Ксения, которая вечно что-то ищет (СловоДня. 08.09.2022) ← «Яндекс» + Ксюха; **Отвалиса** (заголовок). Алиса, которую все достали (СловоДня. 03.10.2022) ← отвали + Алиса; **Телеграмотный** (заголовок). Человек, который использует только правильные мессенджеры (СловоДня. 28.10.2022) ← «Телеграм» («Telegram») + грамотный; **Тупятница** (заголовок). Конец рабочей недели, когда все уже тупят (СловоДня. 11.11.2022) ← тупят + пятница; **Космостас** (заголовок). Просто космос Тас (СловоДня. 05.02.2023) ← космос + Тас; **ХулигАня** (заголовок). Анна, которая любит подебосировать (СловоДня. 05.02.2023) ← хулиган + Аня; **Извинишко** (заголовок). Купить вино, чтобы загладить вину (СловоДня. 08.02.2023) ← извини + винишко; **Корзинаида** (заголовок). Зиночка, которая любит складывать всё в корзиночку (СловоДня. 02.03.2023) ← корзина + Зинаида; **Созвонь** (заголовок). Неприятный

созвон (СловоДня. 02.03.2023) ← созвон + вонь; **ГематоГена** (заголовок). Гена, которого любят дети (СловоДня. 18.03.2023) ← гематоген + Гена; **ВедьМаша** (заголовок). Мария, которая не стареет, всё про всех знает, и её лучше не обижать (СловоДня. 12.05.2023) ← ведьма + Маша; **Извинининдзя** (заголовок). Человек, который умеет мастерски оправдываться за свои косяки (СловоДня. 13.06.2023) ← извини + ниндзя; **АнаЛиза** (заголовок). Лиза, которая вечно всё анализирует (СловоДня. 02.07.2023) ← анализ + Лиза; **Русландыш** (заголовок). Руслан, который вкусно пахнет (СловоДня. 10.07.2023) ← Руслан + ландыш; **Поговорислинг** (заголовок). Когда надо хорошенько поговорить, попивая рислинг (СловоДня. 25.08.2023) ← поговори + рислинг; **Приколлега** (заголовок). Коллега, который думает, что умеет шутить (СловоДня. 08.09.2023) ← прикол + коллега; **Сергейзер** (заголовок). Сергей, который фонтанирует идеями (СловоДня. 18.09.2023) ← Сергей + гейзер; **ВулКАня** (заголовок). Анна, которая очень горяча и может однажды сильно вспыхнуть (СловоДня. 22.09.2023) ← вулкан + Аня; **Чекапитан** (заголовок). Человек, который постоянно делает чекапы (СловоДня. 10.10.2023) ← чекап (check-up) + капитан.

При междусловном наложении может происходить усечение конечной части первого производящего слова. Проиллюстрируем сказанное: **Оптимиша** (заголовок). Михаил, который всегда оптимистично настроен (СловоДня. 07.09.2022) ← оптимист(а) + Миша; **Оправданя** (заголовок). Даниил (Данила), который всегда может найти оправдание (СловоДня. 07.09.2022) ← оправдан(ие) + Даня; **Склера** (заголовок). Очень забывчивая Валерия (СловоДня. 08.09.2022) ← склер(оз) + Лера; **Свалентин** (заголовок). Валя, который свалил (СловоДня. 03.10.2022) ← свал(ить) + Валентин; **ОтсТаня** (заголовок). Татьяна, к которой лучше не приставать (СловоДня. 05.02.2023) ← отстан(ь) + Таня; **ЗЛюся** (заголовок). Альтер эго любой Людмилы, которую выбесили. Безопаснее не трогать, не говорить с ней, не смотреть на неё (СловоДня. 18.03.2023) ← злюс(ь) + Люся; **ТоКсюша** (заголовок). Токсичная Ксения (СловоДня. 18.03.2023) ← токс(ичный) + Ксюша; **ПодЛИван** (заголовок). Ваня, который следит, чтобы у всех было налито (СловоДня. 10.05.2023) ← подлива(ть) + Иван; **РаспиСаха** (заголовок). Александр, у которого всё расписано (СловоДня. 10.05.2023) ← расписа(ть) +

Саша; **ЦелеустремЛёха** (заголовок). Алексей, который горы свернёт (СловоДня. 10.05.2023) ← целеустремлё(нный) + Лёха; **ПерезаГрузия** (заголовок). То, что мне срочно нужно (СловоДня. 10.05.2023) ← перезагруз(ка) + Грузия; **КардиОлег** (заголовок). Олег, который принимает всё близко к сердцу (СловоДня. 25.05.2023) ← кардиол(ог) + Олег; **Дизайка** (заголовок). Дизайнер, который всё понимает с первого раза (СловоДня. 13.06.2023) ← дизайн(ер) + зайка; **ВечерИнга** (заголовок). Инга, с которой что ни день – то праздник (СловоДня. 30.06.2023) ← вечерин(ка) + Инга; **Алколлега** (заголовок). Коллега, который всегда может принять не только ответственность (СловоДня. 08.09.2023) ← алко(голь) + коллега; **Похмеладзе** (заголовок). Состояние после весёлой тусовки, когда дошло до пения Меладзе (СловоДня. 10.09.2023) ← похмел(ье) + Меладзе.

Междусловное наложение может сопровождаться формальной заменой графем в новых лексических единицах: **Натащак** (заголовок). Вечно голодная Наталья (СловоДня. 22.08.2022) ← натошак + Наташа; **Прадевушка** (заголовок). Бывшая девушка (СловоДня. 08.11.2022) ← прадедушка + девушка; **Отстанься** (заголовок). Вечное женское да, или нет, или не знаю (СловоДня. 26.01.2023) ← отстань + останься; **Пожружки** (заголовок). Подружки, любящие пожрать (СловоДня. 17.02.2023) ← подружки + пожру; **Димагог** (заголовок). Дмитрий, который умеет незаметно манипулировать людьми (СловоДня. 18.03.2023) ← демагог + Дима; **НаДеньга** (заголовок). Надежда, которая очень любит деньги (СловоДня. 18.03.2023) ← Наденька + деньги; **Настящая** (заголовок). Трушная Анастасия (СловоДня. 10.07.2023) ← Настя + настоящая; **Брутал** (заголовок). Человек, предпочитающий брут (СловоДня. 25.08.2023) ← брутал + брут; **Куртизанка** (заголовок). Девушка с лёгкой социальной ответственностью, которая играет в теннис (СловоДня. 11.09.2023) ← куртизанка + курт.

Особый интерес для потребителей представляет новообразование **Гдепрессия** (Состояние из-за отсутствия пресса) (СловоДня. 03.03.2023) ← где пресс + депрессия. Оно образовано сочетанием междусловного наложения и голофразиса (слияния слов в одну языковую единицу). Голофрастические конструкции обладают, как правило, отрицательной оценочностью, контрастируют с остальным текстом публикации. По мнению И. А. Нефляшевой, «голофразис как

способ словообразования оказывается противопоставленным остальным способам сложения. Компрессия здесь <...> происходит только в области семантики» [14, с. 150].

Популярны в интернет-пространстве новообразования, возникшие в результате графической гибридизации (графиксации). Под данным неузальным способом деривации мы понимаем использование адресантом разнообразных средств параграфемии: шрифтового выделения, дефиса, скобок, кавычек и т.д.

Разновидностью графиксации является капитализация – употребление в узальной лексеме прописных букв. Так, в мессенджере «Telegram» она представлена следующими структурными типами:

– выделением одной буквы: **ПиРожное** (заголовок). То, что может умножить мою розу на число Пи (СловоДня. 11.12.2021); **ВиноВник** (заголовок). Человек, который вник в вино (СловоДня. 17.09.2022); **РюМашка** (заголовок). Мария, которая никогда не откажет от «ну что, по последней?» (СловоДня. 18.03.2023); **РазвАлина** (заголовок). Алина, которая переработала (СловоДня. 18.03.2023);

– выделением трёх букв: **ЗаБАДали** (заголовок). Когда надарили много БАДов и витаминов (СловоДня. 21.11.2022); **Всем причастным хорошего дня, РАБотягам** соболезнаем (Лепра. 28.01.2023); **Резорт энд СПАть** (заголовок). Мой любимый вид отелей (СловоДня. 30.01.2023); **БАДминтон** (заголовок). Когда советуешь БАДы знакомым, а они тебе (СловоДня. 10.10.2023).

Кроме того, в интернет-коммуникации встречаются такие разновидности графиксации, как полиграфиксация (создание новых номинаций с помощью средств разных алфавитов) и голофразис: **QRacотица** (заголовок). Когда можно оплачивать мгновенно через СБП по куар-коду (СловоДня. 14.03.2023); **ЯжеВика** (заголовок). Виктория, которая постоянно говорит о себе (СловоДня. 18.03.2023).

Нередко в Telegram-каналах используются новообразования на базе прецедентных феноменов (ПФ). Под ПФ мы понимаем феномены «хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества <...>; актуальные в когнитивном <...> плане; обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества» [15, с. 44–45]. К ПФ относятся

стихотворные и прозаические цитаты, строки из известных песен, названия кинофильмов и художественных произведений, пословицы, поговорки и т.д.

Так, например, в социальной сети «Telegram» встречаются трансформации названий таких кинофильмов, как «Побег из Шоушенка» и «Звёздные войны»: «Побег из **хлебушенка**» (заголовок) (Че. 08.10.2021) ← хлеб + (Шо)ушенка; **Звёздные хвойны** (Че. 29.12.2022) ← хво(я) + войны. Подобные новообразования возникают в результате контаминации и междусловного наложения.

Довольно часто при создании новообразований адресант использует прецедентное имя – индивидуальное имя, связанное с известной ситуацией или прецедентным текстом: **Снеговиктор цой** (заголовок) (Че. 06.01.2023) ← снеговик + Виктор Цой. Отметим, что новая лексическая единица произведена путём междусловного наложения.

Новообразования на базе прецедентных феноменов получают широкое распространение в Telegram-каналах, задают тон публикации, привлекают внимание пользователей.

Отдельного внимания заслуживают дериваты, мотивированные бранной и обценной лексикой. Приведём примеры: **Еданутый** (заголовок). Человек, который повернут на еде (СловоДня. 19.04.2022); **Крипздец** (заголовок). Падение рынка криптовалют (СловоДня. 16.06.2022); **Пезделушка** (заголовок). Девушка, которая не хочет работать... (СловоДня. 07.10.2022); **Mood'ак** (заголовок). Человек-настроение (СловоДня. 22.12.2022); **Пиздекабрь** (заголовок). Когда каждый день аврал... (СловоДня. 25.12.2022); **Влю(блять)ся** (заголовок). Русский язык очень мудрый, в нём всё что-то значит (СловоДня. 23.01.2023); **Снегопадла** (заголовок). Когда только расчистили снег, а его навалило ещё больше (СловоДня. 09.03.2023); **ХуЯна** (заголовок). Яна, которая может послать куда надо и куда не надо (СловоДня. 18.03.2023); **Заебарби** (заголовок). Когда уже нет сил смотреть, как переделывают свои фотки в барби (СловоДня. 31.07.2023); **Заебигль** (заголовок). Порода, у которой всё хорошо... (СловоДня. 03.10.2023). Для создания данных номинаций адресант использует разнообразные неузальные способы деривации: междусловное наложение, контаминация, графическая гибридизация. Новые лексические единицы имеют грубо-агрессивный характер, вызывают у пользователей нежелательную эмоциональ-

ную реакцию, противоречат нормам речевого этикета. В связи с этим пишущие должны быть корректными и внимательными ко всем гражданам, проявлять терпимость к чужим мнениям, преподносить информацию максимально объективно. Как справедливо отмечает В. Н. Базылев, журналист «не имеет права переходить незримую для общественности грань, за которой наступает ответственность по закону» [16, с. 42].

Подводя итог, отметим, что на современном этапе развития языка Telegram-каналы являются главными «поставщиками» словообразовательных неологизмов. Нельзя не согласиться с Е. Я. Шмелёвой, что «интернет-коммуникация обладает не только большими возможностями для создания новообразований, но и гораздо большими возможностями отслеживания времени появления нового слова, частоты его употребления, особенностей функционирования и степени освоенности русским языком» [17, с. 46–47]. Для создания новых лексических единиц в интернет-коммуникации адресант, как правило, использует те же неузальные способы деривации, что и в печатных СМИ. Однако в Telegram-каналах становятся актуальными экспрессивные способы, которые находятся на периферии языка. К ним можно отнести, например, голофразис. Новообразования, возникшие в результате неузальных способов словообразования, имеют игровой характер, участвуют в создании комического эффекта, помогают выразить авторское отношение к предмету речи. На наш взгляд, многие словообразовательные неологизмы так и не выйдут за пределы интернет-среды с утратой актуальности явления или события.

Список литературы

1. Иванова М. В., Клушина Н. И. Креативные возможности языка в интернет-коммуникации // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 1 (103). С. 52–62. <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2021-103-01-52-62>
2. Ильясова С. В. Будет ли covidно? Языковая игра через призму лингвэтики (на материале современных российских СМИ) // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2022. № 7. С. 169–172. EDN: ZSLRPK
3. Петрухина Е. В. Когнитивный механизм словообразовательных актов и универбация // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 336–341. EDN: PILWYY

4. Замальдинов В. Е. Новообразования как средство речевого воздействия в региональных нижегородских СМИ // Язык. Право. Общество : сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 11–13 октября 2016 г.) / под ред. О. В. Барабаш, Т. В. Дубровской, А. К. Дятловой, Н. А. Павловой. Пенза : Изд-во ПГУ, 2016. С. 218–221. EDN: XEXGYT
5. Замальдинов В. Е. Словообразовательные неологизмы в языке СМИ и интернет-коммуникации: эколингвистический аспект // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 4 (1). С. 13–19. <https://doi.org/10.17516/2311-3499-073>
6. Николina Н. А. Постфиксальные глаголы-неологизмы в современной русской речи // Языки и культуры в цифровую эпоху : сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф. (Нижегород, 28–30 октября 2022 г.). Нижний Новгород : ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2022. С. 256–262.
7. Катермина В. В. Английские неологизмы с суффиксом *-ism*: семантический и стилистический потенциал // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. № 1 (48). С. 7–12. <https://doi.org/10.36622/AQMPJ.2023.87.72.001>
8. Ребрина Л. Н. Неодобряемые / одобряемые фрагменты современной социальной реальности: неузуальные неонаминации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2023. Т. 22, № 2. С. 5–22. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.1>
9. Петренко Д. А., Лихачев Э. В., Чернышова М. В. Конструирование виртуальной языковой личности в социальной сети ВКонтакте (на материале немецкого языка) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2023. Т. 9 (75), № 1. С. 78–85.
10. Иванова М. В., Клушина Н. И. Русский язык в современном интернет-пространстве: динамические процессы и тенденции развития // Русистика. 2021. Т. 19, № 4. С. 367–382. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-367-382>
11. Намитокова Р. Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. Ростов н/Д : Изд-во Ростовского ун-та, 1986. 156 с.
12. Копнина Г. А. Речевые тактики и приемы дискредитации православия в современной информационно-психологической войне (на материале интернет-текстов // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 206–216.
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022, с изм. от 15.03.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Нефляшева И. А. Окказиональное сращение: хештеги и мемы как факторы актуализации способа словообразования // Неология. Неография. 2021 : сб. ст. Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 01–02 декабря 2021 г.). СПб. : Ин-т лингвистических исследований РАН, 2022. С. 143–152.
15. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. М. : Гнозис, 2002. 284 с.
16. Базылев В. Н. Инвективность медийного языка: логика понятия и оценочные коннотации // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : сб. науч. тр. Вып. 16. Орел : Орловский гос. ин-т культуры, 2019. С. 30–43. EDN: EXZRIE
17. Шмелева Е. Я. Интернет-коммуникация: новые тенденции в русском словообразовании // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2. С. 46–52.

Поступила в редакцию 12.10.2023; одобрена после рецензирования 25.10.2023; принята к публикации 10.11.2023

The article was submitted 12.10.2023; approved after reviewing 25.10.2023; accepted for publication 10.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 26–32

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 26–32

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-26-32>, EDN: VSEPCZ

Научная статья

УДК 81'25+811.111

Интернационализация текста в парадигме лингвистических и транслатологических исследований: глобальное и предлокализационное направления интернационализации

О. Е. Шеповский

Волгоградский государственный университет (ВолГУ), Россия, 400062, г. Волгоград, Университетский пр-т, д. 100

Шеповский Олег Евгеньевич, аспирант, ассистент кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики, o.shepovskiy@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4155-622X>

Аннотация. Исследование посвящено лингвистическим и экстралингвистическим особенностям процесса интернационализации текстовых материалов мультимедийных продуктов. Термин «интернационализация» в работе рассматривается в рамках направления переводческой деятельности «GILT processes» (процессы глобализации, интернационализации, локализации и перевода). Описано современное состояние лингвистических и транслатологических исследований процесса интернационализации. Представлено определение понятия «интернационализация». Определен ряд процедур, проводимых в процессе интернационализации. Рассмотрены наиболее значимые технические процедуры, производимые над продуктом в ходе интернационализации. Приведены некоторые характерные лингвистические преобразования, обусловленные задачами интернационализации. В статье предложен ряд примеров использования интернационализации в видеоигровой индустрии, киноиндустрии и при создании многоязычных и глобальных версий сайтов. В результате проведенного исследования было выделено два направления интернационализации: предлокализационное и глобальное. Предлокализационное направление интернационализации заключается в создании промежуточной версии продукта (преимущественно на английском языке), служащего для упрощения следующей за интернационализацией локализации на другие языки. Такой подход значительно удешевляет процесс создания многоязычной версии продукта. Глобальное направление интернационализации состоит в создании глобальной версии этого продукта на английском языке. Предполагается, что пользователями глобальной версии могут быть не только носители английского языка, но и владеющие им как иностранным. Благодаря широкому распространению английского языка как иностранного в мире создание интернационализованной английской версии продукта позволяет компаниям выйти на глобальный рынок со значительно меньшими финансовыми затратами и в более короткий срок, чем в случае создания многоязычной версии того же продукта.

Ключевые слова: интернационализация, глобализация, локализация, перевод, GILT, переводоведение, межкультурная коммуникация, германские языки, английский язык

Для цитирования: Шеповский О. Е. Интернационализация текста в парадигме лингвистических и транслатологических исследований: глобальное и предлокализационное направления интернационализации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 26–32. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-26-32>, EDN: VSEPCZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**Text internationalization in the paradigm of linguistic and translational studies:
Global and pre-localization directions of internationalization**

O. E. Shepovskiy

Volgograd State University, 100 Universitetskii Ave., 400062 Volgograd, Russia

Oleg E. Shepovskii, o.shepovskiy@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4155-622X>

Abstract. The research deals with linguistic and extralinguistic features of the internationalization process of multimedia products text materials. The term internationalization is considered in the paper within the framework of the translation activity “GILT processes” (processes of globalization, internationalization, localization and translation). The article describes the current state of linguistic and translational studies of the internationalization process. The paper presents the definition of the internationalization concept. The range of procedures carried out in the process of internationalization is defined. The paper describes the most significant technical procedures performed on the product during internationalization. The paper provides some characteristic linguistic transformations caused by the tasks of internationalization. The research paper offers several examples of using internationalization in the video game industry, the film industry and in creating multilingual and global

versions of websites. As a result of the conducted research, two directions of internationalization were identified: pre-localization and global ones. The pre-localization direction of internationalization is to create an intermediate version of the product (mainly in English), which serves to simplify localization (following internationalization) into other languages. This approach significantly reduces the cost of creating a multilingual version of the product. The global direction of internationalization is to create a global version of this product in English. It is assumed that users of the global version can be not only native English speakers, but also those who speak it as a foreign language. Due to the wide spread of English as a foreign language in the world, the creation of an internationalized English version of the product allows companies to enter the global market with significantly lower financial costs and in a shorter timeframe than in the case of creating a multilingual version of the same product.

Keywords: internationalization, globalization, localization, translation, GILT, translation study, cross-cultural communication, Germanic languages, the English language

For citation: Shipovskiy O. E. Text internationalization in the paradigm of linguistic and translational studies: Global and pre-localization directions of internationalization. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 26–32 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-26-32>, EDN: VSEPCZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В лингвистике термин «интернационализация» первоначально нашел отражение в контексте нового направления в практике перевода – локализации, образовавшей новую сферу переводческой деятельности и парадигму транслатологических исследований «GILT processes – Globalization, Internationalization, Localization, Translation» (процессы глобализации, интернационализации, локализации и перевода).

Значимый вклад в разработку терминологии индустрии GILT был внесен Ассоциацией стандартов индустрии локализации (LISA – the Localization Industry Standards Association), образованной в 1990 г. и просуществовавшей до 2011 г. На данный момент стандарты, разработанные LISA, размещены на сайте другой организации – Ассоциации глобализации и локализации (GALA – The Globalization and Localization Association) [1].

В Ассоциации стандартов индустрии локализации предлагали понимать глобализацию как широкий спектр технических, а также бизнес-процессов, необходимых для подготовки продукта к выходу на международный рынок. Основными процессами при этом выступают локализация и интернационализация [1].

В соответствии с определением LISA локализация представляет собой процесс адаптации продукта или контента к использованию в конкретном регионе и на конкретном языке. Единство региона с его языком обозначается в оригинале термином «locale (local)» [1]. По причине отсутствия общепринятого эквивалента в русском языке в отечественных исследованиях появился термин «лингвотоп» [2, с. 17]. При этом перевод является лишь частью процесса локализации. Помимо перевода локализация также может включать: адаптацию графики к целевым рынкам, изменение контента в соответствии со вкусами и привычками пользователей других

рынков, адаптацию дизайна и макета для правильного отображения переведенного текста, преобразование валюты, единиц измерения, форматов дат, адресов и телефонных номеров, а также изменения, связанные с требованиями законодательства конкретного региона [1].

Интернационализацию LISA определяет как процесс генерализации продукта с целью сделать возможным его адаптацию к конкретным языкам и регионам без необходимости внесения изменений в его исходный код. Интернационализация производится на этапе создания продукта [1].

Предложенная Ассоциацией стандартов индустрии локализации терминология оказалась востребованной как в практике перевода, так и в исследовательской практике. Многие исследователи в своих работах опираются на стандарты, разработанные LISA, среди них А. Пим [3, 4], К. Лако [5], Б. Эсселинк [6], В. Г. Якунина, Е. В. Шевченко [2], Е. Е. Сухарева [7], О. В. Шурлина [8], И. В. Сулейманова [9], М. Кренц, М. Рамлоу [10] и др.

Следует отметить, что в современном переводе все еще ведутся споры о необходимости введения в теорию перевода таких терминов, как «глобализация», «интернационализация» и «локализация». В частности, В. В. Сдобников высказывает мнение о «неудуманности» необходимости разграничения перевода и локализации. В своей статье он отмечает, что перевод неотделим от прагматической, культурной адаптации, которая, по его мнению, и выступает поводом выделения локализации в отдельный вид переводческой деятельности [11, с. 76]. Такая позиция действительно кажется во многом справедливой, ведь, как замечает В. В. Сдобников, в практике перевода локализацию зачастую воспринимают как перевод более высокого уровня. Тем не менее, многие

исследователи указывают на более значимую отличительную особенность локализации, а именно многозадачность этого процесса, а перевод при этом является лишь одной из таких задач. Например, Е. Е. Сухарева и О. В. Шурлина считают, что локализация веб-сайта включает в себя четыре составляющих: перевод текстового содержания; перевод программного обеспечения; социокультурная адаптация структуры и дизайна; оптимизация сайта. Авторы отдельно отмечают, что данные задачи вовлекают в локализацию и других специалистов, помимо переводчиков, среди которых немаловажную роль играют разработчики программного обеспечения и дизайнеры [12, с. 168]. Также можно заметить, что многие исследователи выделяют культурную адаптацию как отдельную задачу локализации. Это связано с тем, что хотя культурная адаптация и является неотъемлемой частью практики перевода в целом, ее применение может не всегда быть необходимым, а иногда даже уместным в отдельных случаях. Необходимость использования адаптации определяется задачами, стоящими перед переводчиком, а локализация как раз выдвигает такую задачу. Таким образом, локализация не является исключительно переводческой сферой деятельности и тем более не гарантирует высокого качества перевода. Хотя перевод и является одной из наиболее важных задач, локализация может включать и другие не менее важные задачи в зависимости от объекта локализации, требующие вовлечение специалистов, вовсе не связанных с переводческой деятельностью.

По мнению Б. Эсселинка, интернационализацию производят на этапе разработки продукта, она может преследовать две цели – упростить дальнейшую локализацию продукта либо сделать его как можно более понятным и функциональным для иностранного пользователя [6, р. 2–3]. Это определение основано на вышеописанном определении, данном Ассоциацией стандартов индустрии локализации, вместе они указывают на существование двух направлений интернационализации, соответствующих представленным целям.

В частности, Э. Пим рассматривает интернационализацию преимущественно как промежуточную версию между оригинальным продуктом и локализованным. В своей статье «Локализация и лингвистика» (Localization and linguistics) он пишет, что создание промежуточной версии продукта значительно сокращает затраты на локализацию, так как большая часть самой

тяжелой работы производится лишь один раз [3].

Такое использование интернационализации оказывается эффективным при реализации крупных проектов, которые впоследствии должны быть переведены на множество языков. Одним из направлений деятельности, для которого применяется такой подход, является видеоигровая индустрия. Компьютерная игра «Ведьмак 3. Дикая охота» (The Witcher 3. Wild Hunt) была разработана польской студией Project Red. Все сценарии к игре были написаны на польском языке, однако для последующей ее локализации параллельно с польской была создана промежуточная англоязычная версия игры. Именно с английской версии осуществлялась локализация на 12 языков, для пяти из которых (а также для польской и английской) был подготовлен полный дубляж. Такой подход позволяет значительно сократить расходы на локализацию продукта, а при условии контроля качества процесса локализации, который был обеспечен компанией Project Red, также значительно повысить уровень качества перевода. Интересно, что в ходе локализации на некоторые языки (в частности, русский) переводчики, помимо английской, также обращались и к польской версии игры.

В другой своей работе Э. Пим утверждает, что интернационализированным может считаться не только текст, преобразованный из ИТ путем удаления локальных черт, но и сам исходный текст при условии контроля используемых языковых средств [4, р. 33]. Другими словами, интернационализированным может считаться текст, изначально созданный таким образом, чтобы упростить его локализацию на другие языки.

Такого подхода зачастую придерживаются разработчики сайтов транснациональных компаний, а именно в тех случаях, когда впоследствии предполагается создание локализованных версий этих сайтов на нескольких языках. Контроль оригинальной предлокализационной версии сайта носит преимущественно технический характер. В частности, чтобы избежать дополнительных трудностей при локализации, разработчикам сайтов важно использовать кодировку, содержащую символы всех языков, на которые предполагается выполнять перевод сайта. Кроме того, веб-дизайнерам необходимо помнить, что одни и те же блоки текста могут занимать больше или меньше места на странице в зависимости от языка [13]. Например, фраза «Закон о передаче обязанностей контроля маркировки говядины» на немецкий язык переводится одним словом

«Rindfleischetikettierungsüberwachungsaufgabenübertragungsgesetz», что делает невозможным разместить немецкое слово, в отличие от русского или английского, в узком окне, не разорвав его при переносе. Значительно усложняет локализацию тот факт, что наполненность сайта может быть различной для разных регионов. В локализованной версии могут не только различаться некоторые культурно значимые тексты, но и полностью отсутствовать некоторые разделы, присутствующие в оригинальной версии, если информация, содержащаяся в них, не является актуальной для пользователей региона, для которого создана версия сайта (см.: [14]). Например, если доставка товара пока не предусмотрена для региона, то и соответствующий раздел не должен быть представлен в версии сайта для этого региона. Таким образом, простой перевод всего контента сайта оказывается недостаточным для создания многоязычной версии. Этот процесс так или иначе вовлекает множество специалистов из сферы информационных технологий, поэтому интернационализация лингвистических материалов, а также оптимизация используемых технических решений на этапе создания оригинальной версии сайта оказывается эффективным способом сокращения затрат, а также времени на создание многоязычного веб-ресурса.

На важность технической подготовки оригинальной версии продукта также указывает У. Зеевальд-Хеег, утверждая, что с целью его локализации экономически эффективным образом требуется заранее произвести тщательную интернационализацию этого продукта. Рассматривая интернационализацию как предлокализационный этап глобализации, автор выделяет несколько конкретных деталей, которые должны быть учтены в ходе интернационализации исходного продукта. Разработчики программных продуктов, по мнению автора, должны избегать использования каких-либо символов, характерных для одних культур и не понятных для других и способных привести к недоразумениям, по возможности не вставлять текст в графику, чтобы текстовые поля имели достаточно места для лингвистического выражения на другом языке и символы из других систем письма могли отображаться правильно. Наилучший исход при таком подходе достигается тогда, когда интернационализированное приложение состоит из независимого от языка программного кода и взаимозаменяемых программных частей,

которые зависят от языка и содержат тексты пользовательского интерфейса. Независимый от языка программный код моделируется, проектируется и реализуется только один раз для всех языковых версий. Пользовательские интерфейсы на разных языках могут быть реализованы посредством локализации без изменения программного кода [15, с. 86].

В отечественных исследованиях так же, как и в зарубежных, интернационализацию рассматривают преимущественно как промежуточную версию, предшествующую локализации. В частности, Я. В. Тараскина с соавт. в своем исследовании отмечают, что интернационализация, являясь промежуточной версией, охватывает этапы планирования и технической подготовки продукта для использования в любой местности. В процессе интернационализации, по их мнению, происходит адаптация продукта для международного рынка с целью снятия всех культурных особенностей. В свою очередь, локализация в понимании авторов представляет собой заключительную стадию в общемировом процессе глобализации продукта, состоящую из лингвистической и культурной адаптации продукта для целевого региона [16, с. 23].

Помимо технической подготовки продукта, интернационализация также включает и ряд лингвистических процедур, нацеленных на упрощение языковых выражений и элиминации или экспликацию локальных культурно-специфических элементов оригинального текста. Различиям культур, находящим отражение в языках, посвящено значительное количество исследований. В современных работах отечественных лингвистов изучаются вопросы, связанные с репрезентацией различных концептов, категорий, а также общественных и природных явлений в различных языках (см.: [17–19] и др.). Результаты таких исследований указывают на значимые расхождения в репрезентации различных понятий в разных культурах. Данные расхождение могут оказать сильное влияние на восприятие переводного текста. Интернационализация текстовых элементов распространяемого продукта может способствовать нейтрализации этих различий, а следующая за ней локализация адаптирует текст таким образом, чтобы он репрезентировал соответствующие понятия, концепты и категории привычным, приемлемым и понятным для получателя конкретной лингвокультуры способом.

Стремясь расширить значение понятия интернационализации, Э. Пим предлагает включить в него следующие практики языкового взаимодействия:

- составление многоязычных терминологических баз данных, где термины из разных языков сгруппированы по выполняемой ими функции;

- использование контролируемого языка ввода. Уменьшение лексического разнообразия и упрощение синтаксиса позволяет существенно облегчить локализацию;

- создание глоссариев, включающих описания специфичных для региона ИТ элементов;

- использование универсальных форматов презентации текста, разработанных таким образом, чтобы их было возможно легко адаптировать к различным регионам [4, р. 33].

Рассматривая интернационализацию с позиции переводоведения, К. Лако указывает на преобладание на этапе интернационализации двух процессов:

- внутриязыковой перевод или перефразирование с целью стандартизации исходного текста;

- преобразование исходного сообщения посредством использования невербального кода или иконизации.

Для иллюстрации последнего процесса автор приводит в пример часто используемые на различных веб-сайтах значки, обозначающие домашнюю страницу (значок домика) и меню (несколько горизонтальных полосок) [5, р. 154].

Использование иконизации оказывается действенным приемом в ходе интернационализации отдельных видеофрагментов фильмов. Например, в начальной сцене мультфильма «Вверх» авторы картины заменили надпись на листке в бутылке-копилке «Paradise Falls» («Райский водопад») рисунком водопада. Во фрагменте, в котором появляется эта надпись, отсутствуют диалоги и повествование ведется исключительно при помощи визуальной составляющей. По этой причине для авторов мультфильма было важно сделать так, чтобы зритель, независимо от того, знает он английский язык или нет, мог бы без труда понять смысл этой сцены.

Важный аспект, который, по мнению К. Лако, необходимо определить в ходе интернационализации, – это ориентация перевода, другими словами, необходимо сделать выбор между стратегией доместикации и форенизации [5, р. 154]. Два этих термина были предложены

Л. Венути для обозначения культурно-ориентированных стратегий перевода. Под доместикацией принято понимать стратегию перевода, ориентированную на культурные особенности получателя текста перевода. Форенизация же направлена на сохранение в тексте перевода инокультурных особенностей, заключенных в оригинале [20, р. 241–242]. Если вспомнить определение локализации, которой предшествует интернационализация, может показаться очевидным сделать выбор в пользу доместикации. Тем не менее, К. Лако настаивает, что в некоторых случаях, когда получателей текста интересует происхождение и история продукции, форенизация может оказаться более действенной стратегией перевода. Автор отмечает, что форенизация часто может применяться фрагментарно, в частности для передачи рекламных слоганов, приводя в пример слоган компании Volkswagen – «Das Auto», сохраняющийся неизменным в рекламных кампаниях многих стран. Исследователь объясняет это тем, что немецкие машины известны своим качеством во многих странах, поэтому сохранение в слогане немецкого языка, отсылающего к стране-производителю продукции, положительно влияет на рекламную кампанию [5, р. 154].

На практике на этапе интернационализации большая часть культурно-специфических элементов нейтрализуется. На сайте международной компании АВВУУ, имеющей российское происхождение, в разделе, посвященном истории ее основания, в английской версии присутствует следующая фраза: «For David Yang, our founder, it was the challenge of learning a new language while at university». В русскоязычной версии того же сайта этот отрывок звучит иначе: «Так, у Давида Яна, основателя АВВУУ, а тогда – студента МФТИ, во время лекции по французскому родилась идея...». В английской версии, которая предназначена для глобального получателя, реалия «МФТИ» была нейтрализована при помощи генерализации до «university». Кроме того, «лекция по французскому» была преобразована в «new language». Аналогичные преобразования обнаруживаются и в немецкой версии «Für unseren Gründer David Yang war dieses Problem das Erlernen einer neuen Sprache in der Universitätszeit». Из этого можно сделать вывод, что для интернационализации более характерным оказывается ориентация на нейтрализацию культурно-специфических элементов либо на их сохранение. В последнем

случае уже на этапе локализации переводчикам предстоит сделать выбор между стратегиями доместикации и форенизации.

Несмотря на то что представленные выше исследования описывают интернационализацию как предлокализационный этап, проведенное нами ранее исследование показывает, что интернационализированные версии, в частности, сайтов международных компаний, в некоторых случаях могут существовать самостоятельно (см.: [14]). Как правило, такие версии используются для небольших стран, в которых компания уже представлена, однако создавать локализованную версию сайта для них экономически невыгодно. В качестве примера здесь можно привести сайт компании «Procter & Gamble». Многоязычный веб-ресурс предлагает 44 отдельных языковых версии. Для ряда регионов (например, таких как Аравийский полуостров, Египет, Марокко), помимо национальной языковой версии, предлагается ее англоязычный вариант. Для некоторых регионов (Южная Африка, Индия, Пакистан, Филиппины) на сайте присутствует только англоязычная версия. Такие версии мы рассматриваем как глобальные, они имеют практически идентичную наполненность и внешнее оформление и при этом в значительной степени отличаются от национальных англоязычных версий, таких как версия для США или Великобритании. Глобальные версии сайта Procter & Gamble характеризуются значительно меньшей наполненностью и содержат меньшее количество разделов и ссылок на другие страницы.

В некоторых случаях глобальные версии могут существовать независимо от локальных. В качестве примера приведем сайт китайской компании «Xiaomi». На сайте представлены 35 локализованных версий, а также глобальная версия (Global) на английском языке. Отдельную глобальную версию можно обнаружить также на сайте российской компании «Лаборатория Касперского». Сайт предлагает, помимо глобальной, 45 локализованных версий для отдельных регионов. Кроме того, к созданию одной интернационализованной глобальной версии на английском языке прибегают и менее крупные компании из неанглоязычных стран. Такой подход позволяет сделать продукт компании доступным не только для носителей английского языка, но и для всех тех, кто владеет им как иностранным.

Более того, другое наше исследование, сделанное на материале фильмов, показывает, что

изменения, произведенные в процессе интернационализации, можно обнаружить и идентифицировать уже в локализованных версиях (см.: [21]), например, во второй части мультфильма «История игрушек», когда один из основных персонажей Базз Лайтер произносит речь для других игрушек, вдохновляя их на поиски Вуди, в оригинальной версии, вышедшей на экраны в Соединенных Штатах, за его спиной появляется развевающийся флаг Америки, и на фоне звучит гимн США. Для мирового релиза создатели мультфильма заменили флаг на изображение земного шара, а гимн – на мелодию под названием «One World Anthem». Подобные примеры оставляют много возможностей для практических исследований интернационализации.

Таким образом, интернационализация может быть разделена на два направления: предлокализационное и глобальное. Первое заключается в создании промежуточной версии продукта (обычно на английском языке), служащего для упрощения последующей локализации на другие языки. Такой подход сильно удешевляет процесс создания многоязычной версии продукта путем его подготовки к последующему переводу как с технической, так и лингвистической стороны, а также упрощает подбор переводчиков для создания многоязычной версии в том случае, если продукт разрабатывается не в англоязычной стране, благодаря отсутствию необходимости искать переводчиков с парой языков оригинал – целевой язык. Второе направление интернационализации состоит в создании глобальной версии продукта на английском языке. Пользователями глобальной версии являются не только носители английского языка, но и владеющие им как иностранным. Благодаря широкому распространению английского языка как иностранного в мире создание интернационализованной английской версии продукта позволяет компании выйти на глобальный рынок со значительно меньшими затратами, чем в случае создания многоязычной версии того же продукта. Тем не менее, английским языком владеют далеко не все жители планеты, поэтому глобальная версия зачастую оказывается лишь временным решением и часто используется для тех регионов, для которых еще не была подготовлена локализация. В обоих случаях интернационализация предполагает множество технических и лингвистических преобразований исходного материала, которые отражаются на конечном продукте и требуют дальнейших исследований и описания.

Список литературы

1. GALA – Globalization and Localization Association. URL: <https://www.gala-global.org/industry/introduction-language-services> (дата обращения: 02.04.2023).
2. Якунина В. Г., Шевченко Е. В. Лингвоиндустрия: локализация и перевод // Наука без границ. 2017. № 6 (11). С. 16–20.
3. Рым А. Localization and linguistics // SLE Conference, August. 2001. URL: <https://usuaris.tinet.cat/apym/online/translation/loclinguistics.pdf> (дата обращения: 02.04.2023).
4. Рым А. The Moving Text: Localization, translation, and distribution. Amsterdam/Philadelphia : John_Benjamins_Pub._Co., 2004. 220 p. (Benjamins translation library, vol. 49). <https://doi.org/10.1075/btl.49>
5. Lako C. On internationalization (I18N) // Studia Universitatis Petru Maior. Philologia. 2015. № 19. P. 151–160.
6. Esselink B. A Practical Guide to Localization. Amsterdam/Philadelphia : John_Benjamins_Pub._Co., 2000. 497 p. (Benjamins translation library, vol. 4). <https://doi.org/10.1075/liwd.4>
7. Сухарева Е. Е., Шурлина О. В. Локализация сайта как форма межкультурной коммуникации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 166–169.
8. Шурлина О. В. Трудности «локализации» как лингвокультурной адаптации текстов программного обеспечения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 1. С. 83–87.
9. Сулейманова И. В. Локализация и перевод // «Дни науки – 2015» : материалы XV Всерос. науч.-практ. конф. К 100-летию со дня рождения Ю. И. Корчёмкина. Озерск : ОТИ НИЯУ МИФИ, 2015. С. 19–21.
10. Krenz M., Ramlow M. Maschinelle Übersetzung und XML im Übersetzungsprozess: Prozesse der Translation und Lokalisierung im Wandel. Zwei Beiträge, hg. von Uta Seewald-Heeg. Berlin : Frank & Timme GmbH, 2008. 368 p.
11. Сдобников В. В. Новые тенденции в переводоведении // Казанский вестник молодых учёных. 2018. Т. 2, № 4 (7). С. 72–79.
12. Сухарева Е. Е., Шурлина О. В. Локализация сайта как форма межкультурной коммуникации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 166–169.
13. Как сделать сайт на нескольких языках? Многоязычность сайта. 16 проблем и 5 способов решения // CMS Magazine. 2023. URL: <https://cmsmagazine.ru/journal/items-bitrix-multylanguage-site/> (дата обращения: 02.04.2023)
14. Шеповский О. Е. Интернационализация текстов международных компаний // Artium Magister. 2022. Т. 22, № 2. С. 60–64. EDN: FWCCHP
15. Зеевальд-Хег Ю. Localization of software information technology requirements to translators in the age of globalization // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2012. № 16. С. 85–96.
16. Тараскина Я. В., Цыремпилов А. О., Платицина Т. В. Локализация веб-сайта университета: переводческий аспект // Филология: научные исследования. 2020. № 3. С. 22–31. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2020.3.30092>
17. Шамне Н. Л., Ребрина Л. Н. Репрезентация феномена памяти глагольными коллокациями памяти в германских и российских СМИ // Научный диалог. 2016. № 2 (50). С. 137–149.
18. Шамне Н. Л., Макарова М. В. Лингвокультурные характеристики языковых средств выражения субкатегорий близость / дальность в русском и немецком языках // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2012. № 1 (15). С. 114–119.
19. Мещерякова Ю. В. Концепт «красота» в английской и русской культурах // Языковая личность: Проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики : сб. науч. тр. Волгоград : ВГСПУ, 1999. С. 209–215.
20. Venuti L. Strategies of translation // Routledge Encyclopedia of Translation Studies / ed. by M. Baker, ass. by K. Malmkjær. London ; New York : Routledge, 1998. P. 240–244.
21. Шеповский О. Е. Интернационализация поликодовых текстов // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации : сб. материалов II Всерос. науч.-практ. онлайн-конф. (Орел, 31 марта 2022 г.). Орел : Орловский гос. ун-т им. И. С. Тургенева, 2022. С. 1434–1439. EDN: ECNCPG

Поступила в редакцию 18.04.2023; одобрена после рецензирования 03.07.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 18.04.2023; approved after reviewing 03.07.2023; accepted for publication 10.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 33–38

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 33–38

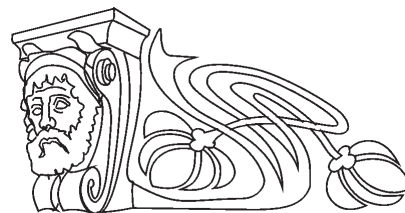
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-33-38>, EDN: VVATFZ

Научная статья

УДК 821.134.2.09-31+929 Перес Гальдос

Лексико-семантические особенности создания образа протагониста в романе Б. Переса Гальдоса «Сумалакарреги»

А. А. Терещук

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия, 191186, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48

Терещук Андрей Андреевич, Ph.D., доцент кафедры романской филологии, san_petersburgo@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8838-9302>

Аннотация. В статье анализируются языковые особенности романа испанского писателя Бенито Переса Гальдоса «Сумалакарреги» («*Zumalacárregui*»), впервые опубликованного в 1898 г. Произведение, открывающее третью серию «Национальных эпизодов» («*Episodios Nacionales*»), посвящено Первой Карлистской войне в Испании. Главный герой романа – карлистский генерал Т. де Сумалакарреги, двойником («*Doppelgänger*») которого является священник Хосе Фаго. Фигура Т. де Сумалакарреги часто встречается в периодике, мемуаристике и художественной литературе XIX–XX вв. В статье анализируются имена существительные, прилагательные и субстантивные сочетания, используемые писателем для создания образа протагониста. Среди лексических единиц, употребляемых по отношению к генералу, выделяются семантические поля «война», «политика» и «религия». Отдельно анализируется образ Т. де Сумалакарреги в прямой речи персонажей романа. Наиболее частотными лексемами, используемыми для описания полководца, являются *caudillo* («вождь»), *guerrero* («воин») и *héroe* («герой»). Данные лексические единицы, обычно употребляющиеся с положительными коннотациями, в контексте романа приобретают комический оттенок либо служат для выражения негативного оценочного суждения. Лексика, относящаяся к семантическому полю «религия», на первый взгляд повторяет клише карлистской пропаганды, в соответствии с которыми Т. де Сумалакарреги предстает как «мученик», пострадавший за «правое дело». При этом путем замены отдельных лексических единиц автор превращает протагониста в пародию на Христа. Анализируется лексика, относящаяся к семантическому полю «политика». Т. де Сумалакарреги предстает в произведении как сторонник «абсолютизма». Делается вывод о том, что Б. Перес Гальдос, внешне копируя некоторые штампы карлистской пропаганды, создал отрицательный образ Т. де Сумалакарреги.

Ключевые слова: карлизм, язык карлизма, испанская литература, Бенито Перес Гальдос, Сумалакарреги

Для цитирования: Терещук А. А. Лексико-семантические особенности создания образа протагониста в романе Б. Переса Гальдоса «Сумалакарреги» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 33–38. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-33-38>, EDN: VVATFZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Lexico-semantic features of creating the image of the protagonist in the novel *Zumalacárregui* by B. Pérez Galdós

A. A. Tereshchuk

Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., St. Petersburg 191186, Russia

Andrei A. Tereshchuk, san_petersburgo@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8838-9302>

Abstract. The article analyzes the linguistic features of the novel *Zumalacárregui* by the Spanish writer Benito Pérez Galdós, first published in 1898. The novel opens the third series of the *National episodes* (*Episodios Nacionales*) and is dedicated to the First Carlist War in Spain (1833–1840). The protagonist is the Carlist general T. de Zumalacárregui, whose *Doppelgänger* is the priest José Fago. General T. de Zumalacárregui is frequently mentioned in periodical publications, in memoirs and in fiction of the 19–20th centuries. The article analyzes nouns, adjectives and substantive combinations used by the writer to create the image of the protagonist. The semantic fields “war”, “politics” and “religion” are distinguished among the lexical units used in relation to the general. The image of T. de Zumalacárregui is analyzed separately in the direct speech of the characters of the novel. The most common lexemes used to describe the general are “*caudillo*” (“leader”), “*guerrero*” (“warrior”), and “*héroe*” (“hero”). These lexical units, commonly used with positive connotations, acquire a comic connotation in the context of the novel or serve to express a negative value judgment. The vocabulary related to the semantic field “religion” at first sight repeats the clichés of Carlist propaganda, according to which T. de Zumalacárregui appears as a “martyr” who suffered for the “Cause”. At the same

time, by replacing individual lexical units, the author turns the protagonist into a parody of Christ. The vocabulary related to the semantic field "politics" is analyzed. T. de Zumalacárregui appears in the work as a supporter of "Absolutism". It is concluded that B. Pérez Galdós, copying some clichés of Carlist propaganda, created a negative image of T. de Zumalacárregui.

Keywords: Carlism, language of Carlism, Spanish literature, Benito Pérez Galdós, Zumalacárregui

For citation: Tereshchuk A. A. Lexico-semantic features of creating the image of the protagonist in the novel *Zumalacárregui* by B. Pérez Galdós. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 33–38 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-33-38>, EDN: VVATFZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Томас де Сумалакарреги (Tomás de Zumalacárregui) (1788–1835) – один из самых известных испанских военачальников XIX в. В 1833 г. он примкнул к восстанию сторонников претендента на престол дона Карлоса (карлистов), относившихся к наиболее консервативной части общества (об идеологии карлизма см.: [1]). За два года Сумалакарреги создал боеспособную армию и добился ряда побед над правительственными войсками. Гибель генерала во время осады Бильбао в июне 1835 г. стала тяжелым ударом для карлистского движения (о жизни и деятельности Сумалакарреги см.: [2, с. 121–122]).

Образ Сумалакарреги всегда вызывал интерес и в самой Испании, и за ее пределами. Силезский аристократ князь Ф. фон Лихновски, оказавшийся в Испании через несколько лет после смерти лидера карлистов, писал, что в горах Наварры и Страны Басков о полководце уже слагают «песни и баллады» [3, р. 185]. Французский писатель Виктор Гюго утверждал, что «дело дона Карлоса было проиграно в тот день, когда скончался Сумалакарреги» [4, р. 121]. Военачальник вызывал интерес и в России: новостные заметки о его деятельности регулярно появлялись на страницах отечественной прессы [5, с. 45], а в 1852 г. специально для Военной исторической библиотеки Генерального штаба штабс-капитаном Г. Ш. Беленченко был подготовлен перевод на русский язык книги, посвященной карлистскому генералу [6, с. 93]. С течением времени образ Сумалакарреги мифологизировался. В XX в. полководец парадоксальным образом стал культовой фигурой как для франкистского режима (1939–1975), так и для противников франкизма – террористов из баскской националистической организации «ЕТА» [7]. Мифы о Сумалакарреги относятся не только к политической сфере, но и к культурной: так, по одной из версий, именно генералу принадлежит пальма первенства в изобретении тортильи – популярного блюда испанской кухни [8, с. 54].

Как известно, «история и нарратив всегда были неразрывно связаны в литературной теории» [9, р. 12]. Закономерно, что в XIX–XX вв. Сумалакарреги стал героем ряда художествен-

ных произведений. При этом «запечатление в произведении литературы или живописи исторического лица является не простым воспроизведением, а сотворением его аналога, наделенного семиотической значимостью и эстетически концептуальным смыслом» [10, с. 29–30]. В 1846 г. Патрисио де ла Эскосура вывел генерала в качестве одного из персонажей своего романа «Патриарх долины» («El Patriarca del valle»), создав образ сурового, но в то же время справедливого и внушающего симпатию лидера восстания. Рамон Мария дель Валье-Инклан в своей знаменитой «Зимней сонате» («Sonata de invierno») упоминает о монахе, который каждый день служит мессы за упокой души Сумалакарреги. Особенную роль в создании образа полководца сыграл роман выдающегося испанского прозаика Б. Переса Гальдоса (часто именуемого просто «Гальдос») «Сумалакарреги» («Zumalacárregui»), впервые опубликованный в 1898 г.

Произведение занимает важное место в творчестве писателя: оно открывает третью серию «Национальных эпизодов» («Episodios Nacionales»), представляющих собой, по мнению ряда испанских литературоведов, уникальный жанр «национального исторического романа» [11, р. 613]. Если в первых двух сериях Гальдос – «испанский либеральный крестоносец»¹ – четко делил своих персонажей на «хороших» (либералов) и «плохих», к которым относились идеологические предшественники карлистов, то начиная с третьей серии образы героев становятся гораздо сложнее [13, р. 566]. В романе «Сумалакарреги» мы видим страшную картину страны, охваченной Первой Карлистской войной (1833–1840), и определить, на чьей стороне симпатии автора, можно только проанализировав подтекст произведения². Более того, при поверхностном

¹ «Spanish Liberal Crusader» – название известной монографии американского филолога Х. Х. Берковица, посвященной Гальдосу [12].

² По словам специалиста по творчеству Гальдоса из университета Лас-Пальмас-де-Гран-Канария К. Аренсиби, в третьей серии «Национальных эпизодов» наиболее заметны антивоенные мотивы [14, р. 199], хотя писатель оправдывает войну в тех случаях, когда она неизбежна [14, р. 204].

прочтении может сложиться впечатление, что Гальдос выводит в романе Сумалакарреги как положительного персонажа.

Наиболее актуальным направлением в изучении романа «Сумалакарреги» является анализ средств создания образа протагониста в произведении. Как известно, художественный образ «представляет собой результат осмысления художником какого-либо явления, процесса»; он «пересоздает мир в соответствии со взглядами и духовными запросами человека» [15, с. 12]. Для создания образа персонажа в литературном произведении могут использоваться «композиционные приемы, диалоги и монологи, все виды описаний (портрет, пейзаж, интерьер), отступления, в которых автор может высказать свое отношение к герою, речевые средства языка» [15, с. 25]. В работах последних лет особенный интерес у исследователей вызывает фигура священника Хосе Фаго – вымышленного персонажа, «двойника» («Doppelgänger») карлистского генерала [16, 17]. Образ Сумалакарреги у Гальдоса сопоставляется с изображением полководца в других литературных произведениях [18]; кроме того, показывается, как в романе смешиваются карлистские и либеральные мифологемы, связанные с военачальником [2]. Цель настоящей статьи – охарактеризовать лексико-семантические средства создания образа протагониста в произведении, что будет релевантным как для изучения принципов изображения Сумалакарреги в художественной литературе, так и для рассмотрения особенностей авторского стиля Гальдоса. Объектом для исследования служит текст романа «Сумалакарреги» [19]. В работе используются метод семантических полей, метод количественного анализа и семантико-стилистический метод научного исследования.

Мы рассматриваем имена прилагательные, а также имена существительные и субстантивные сочетания, используемые Гальдосом для создания образа генерала Сумалакарреги в одноименном романе. Большинство лексических единиц, относящихся к протагонисту, можно разделить на следующие семантические поля: 1) война; 2) религия; 3) политика. При этом, как известно, семантические поля не являются замкнутыми и могут пересекаться [20, с. 254–255].

Анализ языкового материала показал, что наиболее частотные единицы, употребляющиеся по отношению к Сумалакарреги, – это лексемы, относящиеся к семантическому полю «война». Данное наблюдение представляется закономерным: действие романа происходит во время боевых действий в 1834–1835 гг., а протагонист

является главнокомандующим карлистской армией на севере Испании. Наиболее частотной лексической единицей из данной категории является существительное *caudillo* («вождь, каудильо») (лексические значения приводимых слов уточнялись по Словарю Королевской академии испанского языка). В XIX–XX вв. эта лексема получила широкое распространение в испанском языке: так называли целый ряд испанских и латиноамериканских политических лидеров, происходивших из армейской среды и, как правило, обладавших единоличной властью. В качестве примера наиболее известных исторических фигур, вошедших в историю как «каудильо», можно назвать мексиканского генерала Антонио Лопеса де Санта-Анна (1794–1876) и испанского генералиссимуса Франсиско Франко (1892–1975). Гальдос шесть раз именует Сумалакарреги *caudillo*, сопровождая данную лексему следующими эпитетами: *orgullosa* («гордый») [19, р. 58], *gran* («великий») [19, р. 257], *bravo* («отважный») [19, р. 289], *afortunado* («удачливый») [19, р. 295]; также он называет генерала *caudillo del absolutismo* («вождем абсолютизма») [19, р. 244] и один раз употребляет данную лексему без каких-либо определений [19, р. 57]. На первый взгляд, во всех случаях *caudillo* употребляется с положительными коннотациями и подчеркивает власть и авторитет Сумалакарреги в карлистской армии. В то же время, проанализировав экстралингвистическую информацию, можно прийти к выводу о том, что употребление лексемы *caudillo* по отношению к генералу имело отрицательный подтекст. Дело в том, что недоброжелатели Сумалакарреги из окружения дона Карлоса обвиняли полководца в «бонапартизме», желании сместить претендента на престол и самому занять место лидера движения. Гальдос, употребляя данную лексему по отношению к протагонисту, намекает на то, что слухи о политических амбициях Сумалакарреги были небеспочвенны и что генерал совсем не обладал «рыцарственной отвагой, непоколебимой суровостью и бескорыстным рвением», как впоследствии писали офицеры из окружения военачальника [21, р. 92].

Следующая по частотности лексема – *guerrero* («воитель, воин»), которая употребляется по отношению к генералу пять раз, например: *afortunado guerrero del absolutismo* («удачливый воин абсолютизма») [19, р. 23]. Кроме того, один раз употребляется лексико-грамматический омоним данного имени существительного – прилагательное *guerrero* («воинский»): (*Zumalacárregui guiado por su prodigiosa inteligencia y conocimientos*

del arte guerrero... («Сумалакарреги, ведомый своим чудесным умом и познаниями в воинском искусстве...») [19, р. 24]. Однако на самом деле Гальдос далек от мысли представить Сумалакарреги как идеального воина: повествуя о первой встрече Фаго с генералом, писатель указывает, что священник был разочарован внешним видом полководца, так как представлял последнего более «грозным» и похожим на «библейских воителей» («*guerreros bíblicos*») Аарона³, Самсона и Иисуса Навина [19, р. 56]. Соответственно, в глазах Гальдоса Сумалакарреги является воином «второго порядка», который не соответствует образцовым героям древности.

Это несоответствие проявляется и в употреблении лексемы *héroe* («герой»), которая фиксируется применительно к генералу четыре раза. Трижды она употребляется исключительно с положительными коннотациями, например *héroe de aquella campaña* («герой той кампании») [19, р. 249], однако в начале произведения она помещается в такой контекст, в котором приобретает иронический оттенок. Гальдос сообщает, что полководец провел тяжелую ночь («*noche de perros*», досл. «собачью ночь») из-за проблем с мочеиспусканием [19, р. 50], а затем показывает, как «герой» («*héroe*») занимается таким «обыденным делом» («*cosa tan vulgar*»), как бритье⁴, наблюдая при этом за женщинами, которые спускались по веревочной лестнице из окруженной карлистами колокольни [19, р. 55]. Отметим, что вместо лексемы *mujer* («женщина»), *paisana* («крестьянка») или какого-либо другого нейтрального синонима автор использует в данном предложении стилистически сниженное слово *hembra* («самка, баба»). Обозначение Сумалакарреги как героя в данном контексте превращается в насмешку; в дальнейшем в романе лексема *héroe* воспринимается уже с ироническим оттенком. Данный эпизод отделяет «историческую» часть романа, в которой находят отражение карлистские мифологемы о Сумалакарреги, от «художественной», в которой автор вводит либеральные представления о генерале [2, с. 124].

С самого начала конфликта карлисты позиционировали себя как борцов за католическую

³ Гальдос упоминает Аарона в числе полководцев Ветхого Завета, хотя брат Моисея был первосвященником и получил известность за свое миролюбие.

⁴ П. Блай задается резонным вопросом, почему генерал бреется в «столь критический момент», когда в занятом карлистами городе продолжают уличные бои, и пишет, что описание бритья также служит для создания комического эффекта [22, р. 98].

веру против «атеистов», «либералов» и «масонов». «Наварра! Слава тебе! Ты защищаешь дело Господа», – восклицает в начале своих воспоминаний французский доброволец А. Сабатье, служивший под началом Сумалакарреги [23, р. XV]. Закономерно, что при создании образа полководца Гальдос обратился к словам, относящимся к семантическому полю «религия». Писатель называет протагониста *mártir glorioso* («славный мученик») [19, р. 277], который обладает *cristiana paciencia* («христианским терпением») [19, р. 250] и *soberana modestia* («наивысшей скромностью») [19, р. 294]⁵. Но и религиозный компонент в создании образа Сумалакарреги приобретает у Гальдоса иронический оттенок: автор пишет, что в конце жизни *insigne guerrero* («знаменитый воин») добавил к своим «лавровым венкам» («*coronas de laurel*») еще и «терновый» («*la de abrojos*») [19, р. 252]. На первый взгляд, писатель сопоставляет полководца с Иисусом Христом – сравнение, встречающееся в карлистском политическом дискурсе. Однако в испанском тексте Нового Завета терновый венец именуется *corona de espinas*. Существительное *espinas* обозначает не какое-либо конкретное растение, а просто «шип» (т. е. точный перевод на русский язык *corona de espinas* – «венец с шипами»). В то же время исп. *abrojo* относится к целому ряду растений и может переводиться как «чертополох, репейник». Терновый венец Сумалакарреги превращается в венец из чертополоха. Таким образом, религиозный компонент в образе генерала также оказывается сниженным, и Сумалакарреги становится пародией на Христа.

Лексические единицы, относящиеся к категории «политика», характеризуют Сумалакарреги как противника либеральных преобразований и сторонника абсолютизма. При всей неоднозначности и спорности термина «абсолютизм» (особенно применительно к карлистам) именно эту лексему неоднократно использует Гальдос, напоминая о политических взглядах протагониста. Называя его *alma y brazo de la monarquía absoluta* («душа и тело абсолютной монархии»), автор пишет, что вместе с генералом умерла и карлистская *causa* («дело») [19, р. 295]. Сумалакарреги предстает под пером Галь-

⁵ Отметим, что в последних двух примерах прилагательное употреблено в препозиции к существительному, в отличие от постпозиционного положения, которое в испанском языке является немаркированным.

⁶ Десять лет спустя Р. М. дель Валье-Инклан публикует роман о карлизме под названием «Крестоносцы правого дела» («*Los cruzados de la Causa*»).

доса как «самый выдающийся из подданных» («el más ilustre de sus súbditos») дон Карлоса [19, р. 251], однако в одном эпизоде романа писатель проводит разграничительную линию между политическим лидером карлистов и его лучшим полководцем. Автор показывает последнюю встречу дон Карлоса со смертельно раненым Сумалакарреги, а затем указывает, что в то время как первый был *representación viva del absolutismo* («живым воплощением абсолютизма»), второй представлял собой *formidable fuerza nacional* («грозную национальную силу») [19, р. 281]. Первым значением лексемы *formidable* является «тот, кто внушает страх»; данный эпитет далеко не всегда можно рассматривать как положительную оценку. Однако показательно, что для Гальдоса Сумалакарреги становится чем-то большим, чем просто сторонником возвращения ко временам Старого режима.

Заслуживает внимания то, как именуется генерал в прямой речи персонажей романа. Для большинства карлистов он выступает как *gran don Tomás* («великий дон Томас») [19, р. 106]; либералы, естественно, негативно воспринимают своего противника и называют его *don Zamarra* [19, р. 68]. Лексема *zamarra* означает «овчина, тулуп» – одежда, которую часто надевал Сумалакарреги; также существительное *zamarra* созвучно фамилии генерала. В дискурсе либералов грозный карлистский полководец превращается в почти карикатурную фигуру, чье имя можно перевести как «дон Тулуп». В мемуаристике участников конфликта нам не удалось найти подтверждения тому, что противники действительно использовали прозвище *don Zamarra* по отношению к генералу; возможно, оно является изобретением Гальдоса. В таком случае данное словосочетание является отсылкой к дон Кихоту – имя идалго из Ла-Манчи происходит от *quijote* («набедренник, элемент доспеха»). Как и Сервантес, Гальдос сочетает уважительное обращение, происходящее от лат. *dominus* («господин»), с наименованием предмета одежды, достигая тем самым комического эффекта.

Писатель использует подобный прием (который можно было бы охарактеризовать как своего рода стилистический антиклимакс) в последнем предложении романа. «Открытие – высший уровень восприятия, наблюдаемый в текстах классического литературного репертуара. Уровень потрясающего душу открытия, внезапного озарения, озорного откровения, как он обнаруживает себя в финале текста, связан с заветными, «невыразимыми» смысловыми глубинами ав-

торской стратегии», – пишет В. В. Прозоров [24, с. 184]. Именно такое «открытие» имеет место в концовке: Гальдос показывает скорбь карлистов, оплакивающих смерть Сумалакарреги, а потом дает реплику героини, которую на протяжении всего романа безуспешно разыскивает Хосе Фаго: «Теперь он точно мертв. Он приказал расстрелять моего отца» [19, р. 297]. Эта фраза перечеркивает длительное описание достоинств и положительных черт покойного и подводит итог под всем произведением.

Таким образом, в романе «Сумалакарреги» Гальдос создает сложный образ протагониста, допускающий различные интерпретации. Писатель отходит от изображения клишированных, «простых» персонажей, которые фигурируют в первых двух сериях «Национальных эпизодов». При поверхностном прочтении романа может сложиться впечатление, что карлистский полководец рисуется автором с симпатией, а для характеристики генерала используются преимущественно лексемы с положительными коннотациями. Однако привлечение экстралингвистических данных и анализ контекста употребления лексических единиц, использованных для описания Сумалакарреги, показывают, что Гальдос заложил в подтекст произведения негативную оценку фигуры лидера карлистов.

Список литературы

1. Василенко Ю. В. Генезис карлизма и проблемы типологии испанского консерватизма // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2016. № 16, вып. 1. С. 92–111.
2. Терещук А. А. Роман Бенито Переса Гальдоса «Сумалакарреги» и трансформации исторических мифов в литературе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 2. С. 120–129. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2020-2-120-129>
3. Lichnowsky F. von. Recuerdos de la Guerra Carlista (1837–1839). Madrid : Espasa-Calpe, S. A., 1942. 360 p.
4. Hugo V. En voyage, Alpes et Pyrénées. Paris : J. Hetzel, 1880. 233 p.
5. Терещук А. А. Образ карлистского генерала Т. де Сумалакарреги в российской прессе 1830-х гг. // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2022. № 4 (27). С. 43–47.
6. Михайлов А. А. «Доставлять по два экземпляра... всех изданий, до какой-либо части военного искусства относящихся». Труды по мировой военной истории в военной исторической библиотеке генерального штаба ВС РФ // Военно-исторический журнал. 2018. № 2. С. 90–95.

7. *Urquijo Goitia J. R.* Tomás Zumalacárregui, literatura y mito // *Revista de historia Jerónimo Zurita*. 2011. № 86. P. 249–280.
8. *Чеснокова О. С., Фернандес Санчес Ю. В.* Гастрономический тезаурус испанцев и басков через призму юмористического дискурса // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 425. С. 50–58. <https://doi.org/10.17223/15617793/425/6>
9. *Hillis Miller J.* Literature As Conduct: Speech Acts In Henry James. New York : Fordham University Press, 2005. 350 p. <https://doi.org/10.5422/fso/9780823225378.001.0001>
10. *Тюна В. И.* Анализ художественного текста. М. : Академия, 2009. 336 с.
11. *Serrano Sanz. J. M.* La Guerra de la Independencia en los Episodios Nacionales // *Anales de la Real Academia de Ciencias Morales y Políticas*. 2008. № 85. P. 611–626.
12. *Berkowitz Ch. H.* Pérez Galdós, Spanish Liberal Crusader. Madison : University of Wisconsin Press, 1948. 499 p.
13. *García López J.* Historia de la literatura española. Barcelona : Vicens Vives, 2003. 790 p.
14. *Arencibia C. Y.* La guerra y la patria en el pensamiento de Galdós // *Boletín Millares Carlo*. 1987. № 9–10. P. 195–205.
15. *Фесенко Э. Я.* Теория литературы. М. : Академический проект ; Фонд «Мир», 2008. 780 с.
16. *Behiels L.* José Fago, personaje de transición en los Episodios Nacionales de Benito Pérez Galdós // *Rumbos del hispanismo en el umbral del Cincuentenario de la AIH*. 2012. Vol. 5. P. 18–25.
17. *Delano C.* Masculinity, Affect, and Carlist Malestar in Zumalacárregui // *Anales Galdosianos*. 2020. Vol. 55. P. 13–26. <https://doi.org/10.1353/ang.2020.0004>
18. *Serrano E.* Formas y temas en la trayectoria literaria del héroe: el caso de Tomás Zumalacárregui // *Signa: Revista de la Asociación Española de Semiótica*. 2013. № 22. P. 643–674. <https://doi.org/10.5944/signa.vol22.2013.6370>
19. *Pérez Galdós B.* Zumalacárregui. Madrid : Editorial Castalia, 2003. 318 p.
20. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М. : Наука, 1974. 368 с.
21. *Henningesen C. F.* The most striking events of a twelve-month's campaign with Zumalacárregui in Navarre and the Basque Provinces : in 2 vols. London : J. Murray, 1836. Vol. 1. 308 p.
22. *Bly P.* Las idiosincrasias humanas y la estrategia narrativa en Zumalacárregui // *Anales galdosianos*. 1986. № 21. P. 95–106.
23. *Sabatier A.* Tio Tomas. Souvenirs d'un soldat de Charles V, par Alexis Sabatier, lieutenant-colonel d'infanterie au service d'Espagne, deux fois chevalier de première classe de l'ordre royal et militaire de Saint-Ferdinand. Bordeaux : Chez Granet, 1836. 211 p.
24. *Прозоров В. В.* Об авторских стратегиях в литературе // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 180–185. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-180-185>

Поступила в редакцию 09.04.2023; одобрена после рецензирования 02.07.2023; принята к публикации 10.11.2023

The article was submitted 09.04.2023; approved after reviewing 02.07.2023; accepted for publication 10.11.2023

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 39–46

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 39–46

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-39-46>

EDN: UNEMQF

Научная статья

УДК 821.161.1.09(470.44-45)+929Пыпин

«Нашу семью называли в городе “благословенной семьей”...» (к биографии Александра Николаевича Пыпина)

Е. В. Степанова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

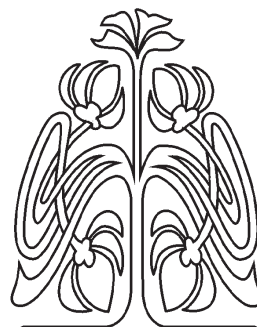
Степанова Елена Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры начального языкового и литературного образования, ste-jelena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0802-4368>

Аннотация. Работа посвящена вопросам биографии выдающегося отечественного ученого-гуманитария, академика Императорской академии наук А. Н. Пыпина (1833–1904). Цель исследования – выявить и обобщить материалы о саратовском периоде жизни ученого, представить историю его семьи, раскрыть роль отца и матери в интеллектуальном и духовном становлении. В результате исследования на основе привлечения широкого круга мемуарных, документальных и эпистолярных источников установлено, что история дворянского рода Пыпиных восходит к 1791 г. Предки по линии отца, Н. Д. Пыпина, были чиновниками, по линии матери, А. Е. Голубевой, – священниками. Показано, что А. Н. Пыпин воспитывался в семье религиозной, с высокими нравственными идеалами, в атмосфере любви и заботы. Значима роль родителей в формировании его гуманитарных интересов. Отмечается, что отличавшая Александра Николаевича с раннего возраста любовь к книгам, к чтению, шла из семьи, от матери, и была естественной потребностью всех младших членов семьи. Родители разными средствами формировали картину мира сына: мать – посредством литературы, первичных учебных знаний, отец – через соприкосновение с реальной жизнью. Он знакомил сына с миром крестьянского быта, крепостного права. По признанию ученого, Н. Д. и А. Е. Пыпины оказали существенное влияние на формирование его личности, повлияли на выбор жизненных приоритетов. В статье впервые публикуется первоисточник о рождении А. Н. Пыпина – запись в метрической книге саратовской Нерукотворно-Спасской церкви, формулярные списки его прадеда, деда и отца.

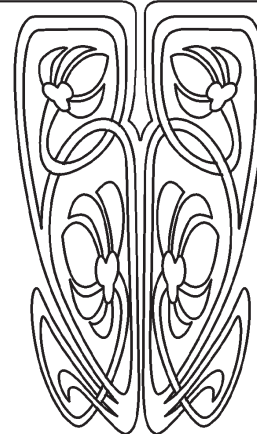
Ключевые слова: А. Н. Пыпин, род Пыпиных, приобретение дворянства, родители, Н. Д. и А. Е. Пыпины, семья, Саратов

Для цитирования: Степанова Е. В. «Нашу семью называли в городе “благословенной семьей”...» (к биографии Александра Николаевича Пыпина) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 39–46. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-39-46>, EDN: UNEMQF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

Article

"Our family was called the 'blessed family' in the city..." (to the biography of Alexander Nikolaevich Pypin)

E. V. Stepanova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena V. Stepanova, ste-jelena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0802-4368>

Abstract. The work deals with the questions of the biography of the outstanding Russian scientist-humanitarian, academician of the Imperial Academy of Sciences A. N. Pypin (1833–1904). The purpose of the study is to identify and summarize materials about the Saratov period of the scientist's life, to present the history of his family, to reveal the role of his father and mother in intellectual and spiritual development. The study of a wide range of memoirs, documentary and epistolary sources resulted in establishing that the history of the noble family of the Pypins dates back to 1791. The ancestors on the father's side, N. D. Pypin, were clerical workers, on the side of the mother A.E. Golubeva they were priests. It is shown that A. N. Pypin was brought up in a religious family, with high moral ideals, in the atmosphere of love and care. The role of parents in the formation of his humanitarian interests is significant. It is noted that the love of books and reading that distinguished Alexander Nikolaevich from an early age came from his family, from his mother, and was a natural necessity for all younger family members. Parents formed a picture of the world of their son by various means. If the mother did so through literature, primary educational knowledge, then the father formed it by means of contact with real life. He introduced his son to the world of peasant life, of serfdom. According to the scientist, N. D. and A. E. Pypins had a significant impact on the formation of his personality, influenced the choice of life priorities. The paper publishes for the first time the primary source about the birth of A. N. Pypin, the record in the metrical book of Saratov Church of the Holy Saviour, the formulary lists of his great-grandfather, grandfather and father.

Keywords: A. N. Pypin, the Pypin family, acquisition of nobility, parents, N. D. and A. E. Pypin, family, Saratov

For citation: Stepanova E. V. "Our family was called the 'blessed family' in the city..." (to the biography of Alexander Nikolaevich Pypin). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 39–46 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-39-46>, EDN: UHEMQF

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Корпус исследований о жизни и деятельности выдающегося ученого, основателя культурно-исторического направления в отечественном литературоведении академика Александра Николаевича Пыпина (1833–1904) начал формироваться сразу же после его смерти. Однако многие вопросы биографии и научного наследия и сегодня, в год 190-летия со дня его рождения остаются открытыми. Так, своего подробного изучения требует начальный саратовский период жизни ученого, в который под влиянием ближнего окружения, внешних событий проходило формирование его личности, становление системы жизненных ценностей.

Многие члены семьи А.Н. Пыпина – Александра Егоровна и Екатерина Николаевна Пыпины [1, 2], Николай Гаврилович и Михаил Николаевич Чернышевские [3, т. 1, с. 566–691; 4] – оставили воспоминания, в которых содержатся ценные сведения о предках, родителях ученого, духовном и бытовом укладе семьи. Важным источником биографических сведений являются мемуары самого академика «Мои заметки» [5]. Весомый вклад в освещение различных вопросов саратовского периода детства и юности Александра Николаевича был внесен исследователями его жизни и деятельности: Б. Б. Глинским [6], П. Л. Юдиным [7], В. А. Пыпиной [8], А. А. Демченко [9], А. С. Озерянским [10, 11], которые существенно расширили биографические сведения

корпусом ценных архивных документов. Целью нашего обращения к биографии А. Н. Пыпина стало намерение обобщить имеющиеся факты саратовского периода, расширить их новыми архивными материалами, представить роль отца и матери в линии духовного и интеллектуального становления будущего ученого.

Александр Николаевич Пыпин родился в 1833 г. в Саратове. Долгое время в биографических трудах документальным свидетельством этому выступал архивный документ – копия консисторского свидетельства о его рождении от 31 мая 1842 г. [9, с. 67; 11, с. 7]. Между тем в Государственном архиве Саратовской области (далее – ГАСО) сохранился первоисточник – запись в метрической книге саратовской Нерукотворно-Спасской (Сергиевской) церкви за 1833 г. Текст записи никогда не публиковался, восполним это упущение и приведем его: «Двадцать третьего числа, из дворян у канцеляриста, служащего в саратовской казенной палате Николая Дмитриева Пыпина и законной жены Александры Егоровой от второго ее с ним брака родился сын Александр». Крещение младенца состоялось 24 марта, восприемниками, как значится из записи, стали «протоиерей Гавриил Иванов Чернышевский, саратовской духовной семинарии учителя кандидата Якова Андреева Розанова жена Лариса Федорова». В конце отмечается, что «молитвословил, имя нарек и

крещение совершил означенный протоиерей Гавриил Иванов Чернышевский, при крещении был также церковный дьячок Максим Константинов Семеновский» [12, л. 37 об.].

При всей определенности фактической даты рождения – 23 марта – Александр Николаевич и все члены семьи днем его рождения считали 25 марта. Причины этого установить не удалось. Даже дочь ученого, В. А. Пыпина, располагавшая архивом отца, семейными документами, отмечает это расхождение в датах, но не объясняет его: «Днем рождения А. Н. Пыпина в семье всегда считалось 25 марта, но в саратовской метрической книге Сергиевской церкви рождение его записано под 23 марта» [8, л. 8].

В отеческом доме дни рождения не отмечались. Родители А. Н. Пыпина были людьми старого порядка, религиозными, соблюдали православные традиции, согласно одной из них в семье почитались именины, детей поздравляли с днем ангела. День именин для новорожденного был выбран не ближний ко дню рождения, а достаточно отдаленный – 30 августа. Это день памяти нескольких святых: преподобного Александра Свирского, благоверного князя Александра Невского и Александра Константинопольского. Сведения о святом покровителе А. Н. Пыпина в семейной переписке, мемуарных источниках не встречаются. Известно лишь, что в семье «для каждого из детей заказывалась икона хорошего письма – мальчикам в золоченых ризах, девочкам в серебряных...» [8, л. 6]. В фондах музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского хранится один из таких образов – Варвары великомученицы [13], принадлежавший старшей сестре ученого Варваре. Вероятно, что икона с изображением покровителя была и у Александра Николаевича, однако след ее затерян.

Родители ученого принадлежали к разным сословиям. В своих воспоминаниях А. Н. Пыпин отмечает, что отец, Николай Дмитриевич (1808–1893), происходил из «довольно старого мелкопоместного дворянского рода» [5, с. 50], история которого уходила в тамбовское наместничество. Эти сведения конкретизируют и существенно расширяют обнаруженные нами документы в саратовском архиве.

Основателем потомственного дворянского рода Пыпиных был Козьма Николаевич Пыпин (прадед Александра Николаевича). Каких-либо сведений о его родителях, месте и дате рождения не сохранилось, но до нас дошел его послужной список. Козьма Николаевич был военным, дослужился до высшего обер-офицерского звания – 12 апреля 1765 г. ему было присвоено звание ка-

питана. В 1775 г. он вышел в отставку и поселился в Тамбове. Гражданскую службу начал в чине коллежского асессора по должности казначея Тамбовской казенной палаты. В марте 1786 г. получил гражданский чин надворного советника [14, л. 31]. Был женат на Аграфене Ивановой, имел троих сыновей: Андрея, Дмитрия и Василия [14, л. 12 об.]. Скончался в 1799 г.

Отметим, что уже офицерское звание давало прадеду А. Н. Пыпина право на получение потомственного дворянства. Однако, как показывают документы, лишь спустя годы, уже находясь на гражданской службе, он подает соответствующее прошение на имя императора. 21 декабря 1791 г. Козьме Николаевичу была пожалована грамота о принадлежности его привилегированному сословию, а в дворянскую родословную книгу Тамбовской губернии внесена запись о потомственном дворянском роде Пыпиных [14, л. 1].

С именем Козьмы Николаевича связано и первое упоминание об имении Пыпиных – сельце Дмитриевском (Иткарка), расположенном в семнадцати верстах от Аткарска, которое для последующих поколений станет родовым, будет передаваться по наследству.

Его сын, Дмитрий Кузьмич, родился в 1775 г. Из формулярного списка, составленного в 1825 г., значится, что уже в возрасте девяти лет, 8 апреля 1784 г., он поступил на службу в государственную ревизионную коллегию Тамбовской губернии подканцеляристом [14, л. 4 об.]. Спустя два года становится коллежским регистратором, а 12 ноября 1789 г., в четырнадцать лет, назначается столоначальником той же палаты [14, л. 4 об.]. Начало службы в столь раннем возрасте было типичным для первой четверти XIX в., лишь в 1828 г. были введены возрастные ограничения о приеме на службу – не моложе 14 лет. В дальнейшем дед А. Н. Пыпина служил в различных казенных учреждениях Тамбова, затем Аткарска Саратовской губернии, однако так и не преодолел низшую ступень в табельной лестнице. Он был дважды женат. В браке с Марфой Перфильевой имел сыновей – Михаила (1806 г.р.), Николая (1808 г.р.), Василия (1811 г.р.), Якова (1815 г.р.), дочь Марью (1817 г.р.) [14, л. 5–6 об.]; овдовев, женился на Марье Козьминичне (фамилия не установлена), от которой родился младший сын Аркадий (1828 г.р.) [14, л. 44]. Скончался Д. К. Пыпин в 1830 г. от холеры в Аткарске [14, л. 44].

Вслед за отцом Дмитрий Кузьмич был вписан в дворянскую родословную книгу Тамбовской губернии, но поселившись в Аткарске, он подает прошение императору о внесении его с

сыновьями Василием, Михаилом и Николаем в дворянскую родословную книгу Саратовской губернии. Прошение было удовлетворено, и 25 мая 1825 г. саратовское депутатское собрание приняло соответствующее решение [14]. С этого времени потомственный дворянский род Пыпиных начинает свою историю на Саратовской земле.

Деятельность третьего поколения дворян Пыпиных была predetermined. Старшие сыновья, как их дед и отец, стали чиновниками. Как писал А. Н. Пыпин, его отец всю жизнь «занимал мелкие должности... с очень небольшим жалованьем» [5, с. 50]. Формулярный список Николая Дмитриевича Пыпина, составленный 25 июля 1852 г., выборочно публиковался [9, с. 67–68]. Представим его в хронологии с перечнем занимаемых им должностей, дополнив сведениями, охватывающими последующие двадцать лет деятельности Николая Дмитриевича.

Государственную службу Н. Д. Пыпин начал 15 апреля 1824 г. канцеляристом в Тамбовской палате уголовного суда, в которой дослужился до коллежского регистратора. 15 марта 1829 г. был перемещен в Саратовскую гражданскую палату. В продолжении последующих пятнадцати лет проживал в Саратове, выполняя обязанности старшего коллежского регистратора, письмоводителя в разных учреждениях: Казенной и Гражданской палатах, Окружном управлении, непродолжительное время – с 28 апреля по 28 ноября 1842 г. – занимал должность надсмотрщика (проводил осмотр тюрем). В октябре 1844 г. был переведен письмоводителем в Аткарское окружное управление. В январе 1846 г. по выборам дворянства определен заседателем в Аткарский уездный суд. По выслуге лет 5 февраля 1849 г. высочайшим приказом по гражданскому ведомству Н. Д. Пыпин был произведен в титулярные советники со старшинством [15, л. 5–10]. Лишь в 1853 г. он получил перевод в Саратовскую губернскую казенную палату [3, т. 14, с. 246, 248]. Последние годы служил в соляной конторе [4, с. 28]. К концу 1860-х гг. здоровье его ухудшилось, возникли проблемы со зрением. В сентябре 1871 г. Николай Дмитриевич вышел на пенсию [16, л. 27].

В общей сложности трудовая деятельность Н. Д. Пыпина продолжалась 47 лет. Современники отзывались о нем как о честном порядочном человеке, имевшем авторитет [2, с. 21]. При всем трудолюбии, ответственном отношении к делу, свойственных ему высоких нравственных убеждениях он не сделал карьеры, не нажил ка-

питала. Устройством для него более выгодного места нередко занимались родные. Так, его зять И. Г. Терсинский в августе 1850 г. сообщает о своих хлопотах в высших кругах Петербурга относительно Николая Дмитриевича, определения его «или ассессором в Палату, или же Окружным начальником по Саратовскому уезду... Я сегодня же пишу об этом в Аткарск, если Николай Дмитриевич захочет воспользоваться этим случаем, то поруководительствуйте его... Конечно, нехорошо заноситься слишком высоко, но не советую принимать незначительного места» [17, л. 9]. Николай Дмитриевич, несомненно, выделялся на общем чиновничьем фоне и отсутствием честолюбия. Желания приобрести высокое общественное положение или заслужить официальное признание и связанные с ними почести и награды не захватывали его. Показательны в этом отношении строки в письме к сыну от 7 сентября 1849 г.: «...на днях открыл в Высочайших приказах чин свой титулярного советника, приказ последовал еще от февраля сего 1849 года. А я и не знал» [18, л. 3].

Мать ученого, Александра Егоровна (1806–1884), была дочерью протоиерея саратовской Нерукотворно-Спасской (Сергиевской) церкви, Егора Ивановича Голубева. Его жизненный путь в исследовательской литературе описан в связи с близкородственной Пыпиным семье Чернышевских [19, с. 24–25]. «Отец мой, – писала она, – первый священник в Саратове, кончивший курс в семинарии» [1, с. 90]. Воспитание было строгим. Мать, Пелагея Ивановна (в девичестве Кириллова), с детских лет приучала дочерей, Александру и ее старшую сестру Евгению, к ведению хозяйства. Их образованием занимался отец, а после его смерти – Гавриил Иванович Чернышевский, ставший мужем Евгении и принявший церковный приход.

К моменту знакомства с Н. Д. Пыпиным Александра Егоровна была вдовой с двумя малолетними детьми, Любовью (1824 г.р.) и Егором (1828 г.р.) Котляревскими. Решение о втором замужестве принималось ее матерью под влиянием трагических событий. Летом 1830 г. в Саратове свирепствовала холера, унесшая жизни многих знакомых. Пелагея Ивановна, переживая за младшую дочь, которая в случае ее смерти осталась бы одна с малолетними детьми без поддержки, занялась устройством ее брака. Вот как описывает свое знакомство с Н. Д. Пыпиным Александра Егоровна: «В один день в октябре приходит к нам постоялка и просит маменьку и нас с сестрою вечером пить чай ... Отправились. Немного спустя явился Подъяпольский (знако-

мый семьи. – Е. С.) с Николаем Дмитриевичем [Пыпиным], отрекомендовал своего родственника, просидели вечер. Дня через два явились оба к нам, опять вечером, и через день Подъяпольский приехал уже один с предложением. Ну, тут уже сказали и мне, что значит это знакомство и решили все-таки старшие, что должно выходить» [1, с. 99–100].

По традиции того времени брак был «слаженным», без горячего чувства, близкого знакомства. Несмотря на это, вместе они прожили 53 года во взаимном уважении, с открытым искренним отношением друг к другу, ответственно выполняя семейные обязательства. По словам младшей дочери Екатерины, в Саратове семью Пыпиных называли «благословенной» [2, с. 20]. Вероятно, такому стороннему восприятию способствовал тот факт, что семья была многодетная. Пыпины, кроме детей от первого брака Александры Егоровны, вырастили еще восьмерых детей, которые делились на старших и младших. Старшие – Варвара (1831 г.р.), Александр (1833 г.р.), Евгения (1835 г.р.), Пелагея (1837 г.р.), Сергей (1838 г.р.); младшие – Екатерина (1847 г.р.), Петр (1849 г.р.) и Михаил (1851 г.р.).

С детских лет А. Н. Пыпин не был одинок. Его окружали многочисленные братья и сестры. Разница в возрасте детей, а между некоторыми существенная, не способствовала общей дружбе, однако все жили интересами семьи, поддерживали друг друга. И в этом, безусловно, была заслуга родителей. Письма к А. Н. Пыпину периода его обучения в университете писались всей семьей: мать, отец, старшие дети сообщали что-то свое Сашеньке, как называли Александра Николаевича в семье. В свою очередь в ответных письмах он также обращался приписками к каждому: «Милые маменьки и папенька», «Милые Еничка, Поленька...». В ближайший круг А. Н. Пыпина с детских лет входили сестры Евгения и Пелагея, а также двоюродный брат Николай Чернышевский. Взаимоотношения братьев достаточно подробно освещены в целом ряде исследований [10, 20, 11].

В воспоминаниях «Мои заметки», написанных в конце жизни, ученый обращается к годам детства и юности. Однако о матери и отце говорит скупно. Он не ставит цели создать их образы, раскрыть характеры, суть своих отношений с ними. «О себе самом говорить я не имею охоты», – так начинает он мемуары [5, с. 46]. Для него говорить о родителях – то же самое, что говорить о самом себе, глубоко личное. Приводимые же сведения о родителях в большей степени вплетены в историю его рода, к которому Александр

Николаевич не проявлял пристального интереса, не изучал его, не составлял генеалогического древа. Его память сохранила лишь отрывочные сведения из когда-то услышанных семейных историй. Этот фактографический материал, собранный воедино, является для ученого не столько выражением личного, сколько иллюстрацией давнопрошедшего, позволяющего на примере жизни своих предков показать нравы ушедшей старины, традиционного, патриархального уклада, в условиях которого прошло его детство.

И тем не менее образы родителей, бытовой строй их жизни достаточно подробно воссозданы в воспоминаниях других членов семьи. Написанные в разные годы, они имеют много общего, что свидетельствует о целостности характеров Александры Егоровны и Николая Дмитриевича Пыпиных, их постоянстве.

Образ Н. Д. Пыпина содержательно представлен в воспоминаниях М. Н. Чернышевского, который в детские годы жил в саратовской семье подолгу. «Росту он был среднего, – отмечал Михаил Николаевич, – походка спокойная и твердая, фигура довольно плотная, большая голова, черты лица скорее резкие, большие брови придавали ему на первый взгляд суровое выражение, но это было только до первого разговора: после нескольких слов был уже виден его настоящий характер: открытая добродушная натура...» [4, с. 29].

Доброта была главной чертой характера Николая Дмитриевича, отмечаемая всеми мемуаристами: «Простой, добрый человек», – писал об отце А. Н. Пыпин [5, с. 52]; «это был мягкий, добродушный до бесконечности человек», – подчеркивала его сестра Екатерина [2, с. 20]. В чем выражалось это свойство натуры, попытался сформулировать М. Н. Чернышевский: «Ко мне он [Николай Дмитриевич] относился очень хорошо и ласково, т.е. нельзя сказать, что “ласково”, т.к. это понятие включает в себе непосредственную “ласку”. Нет, непосредственной “ласки” вообще у Пыпиных не было – эта ласка была, так сказать, духовная и лишь ощущалась тем лицом, к которому была направлена; она проявлялась главным образом в интонации голоса и общими заботами и вниманием» [4, с. 29].

Н. Д. Пыпин был сдержанным в проявлении чувств и эмоций. Свою любовь к близким он выражал заботой о них. Проследить движения его души и мысли по отношению к родным позволяют сохранившиеся письма Пыпиных к Александру Николаевичу в период его обучения в Казанском университете. Традиционно письма писала мать, отец, как правило, делал приписки, в которых давал наставления сыну

о ведении домашнего хозяйства, сообщал о посылке денег, нередко указывая конкретную цель их траты: «...я скажу коротко и ясно: вот шесть рублей серебра за шитье сюртука и на перчатки...» [21, л. 19]¹; интересовался, не испытывает ли он денежных затруднений: «...получил ли ты посланные тебе деньги, не нужно ли еще?» [22, л. 21]. Наставительный тон меняется, приобретает теплоту, добродушный юмор, когда отец сообщает сыну о семейных радостях: «На днях тебе Бог дал брата по имени Петр, прошу любить, он парень славный и не такой курносый, как ты» [23, л. 10]. Обращают на себя внимание и строки иного содержания, так, в письме от 7 сентября 1849 г. он пишет: «Ты хочешь учиться английскому языку, это хорошо, за что же отбрасываешь класс танцевания, почему же не поучиться и потанцевать. Если нужно за это что-нибудь взносить, уведоми, но на этом не постою» [18, л. 4]. При скромных доходах, основу которых составляло небольшое жалование главы семьи, Николай Дмитриевич был готов нести расходы на дополнительное образование старшего сына. Эти факты свидетельствуют о его отношении к образованию, понимании им того, что приобретаемые знания и умения составят капитал будущего благополучия. Для человека «старых устоев», как характеризовал отца А. Н. Пыпин, не раз наблюдавшего, как нужные связи, а не личностные качества продвигают по службе, это, безусловно, прогрессивный взгляд.

«Доброжелательные отношения», по словам родных, сложились у Николая Дмитриевича и с его крепостными. От отца и брата Андрея он унаследовал имение Дмитриевское (Иткарка). В неурожайные годы Н. Д. Пыпин делился с крепостными своими запасами, а после отмены крепостного права добросовестно отделил им землю. Крестьяне относились к нему с полным доверием. Будучи ребенком, А. Н. Пыпин наблюдал, как, уже став свободными, «бывшие крепостные обращались к старому барину за советами в их новом положении...», и потом, многие годы спустя, приезжая в Саратов, оставались в их доме, «полагая себя как будто дома» [5, с. 52]. Существенно иными в своей основе были доброта Н. Д. Пыпина к своим крестьянам и забота о них. Его сын определит это качество отца словом «ответственность», корни которой были заложены патриархальными устоями, свойственными старшим членам семьи. Забота о крестьянах не столько сводилась в область нравственных требований, сколько

выражала осознание им своего места в системе отношений между помещиком и крепостными.

Отец расширял представление сына об окружающем мире. Познакомил его с крестьянской жизнью: «Когда мне в первый раз привелось прожить несколько времени с отцом в деревне, ... для меня в первый раз открылся этот особый круг жизни, ... с его рабочими интересами и работой, с особым складом всего обычая, с его представлениями о природе, повериями и суевериями» [5, с. 52]. Ученый фиксирует свое первое внутреннее движение к живой старине народного слова, интерес к многовековой народной культуре, в которой словесное творчество было неразрывно связано с духовной и бытовой сторонами жизни крестьян. Эти впечатления запомнятся на всю жизнь, дадут толчок к их научному познанию, изучению народнопоэтических воззрений и обрядовой стороны жизни.

Вместе с тем с рассказами отца в его жизнь входили еще «мало сознаваемые, но тем не менее производившие тяжелые впечатления» [5, с. 53] истории о помещичьем произволе над крепостными, о крестьянских бунтах, о рекрутских наборах. Эта грубая социальная реальность была слишком контрастной его размеренной благополучной жизни в родительском доме, она трогала юное сердце, нравственно развивала, но в раннем возрасте была сложна для понимания.

Ввиду служебной занятости Николай Дмитриевич часто отсутствовал, поэтому основная забота о быте и детях ложилась на Александру Егоровну, которая была настоящей главой дома, «твердо державшей бразды правления» [4, с. 30] на протяжении многих десятков лет.

В памяти дочери она осталась «небольшого роста, полной и красивой, со своеобразной старинной прической с завитушками из кос и гребеночками... носила нарядные чепчики ослепительной белизны, красиво вышитые и крахмаленные...» [2, с. 19]. С годами почти не менялась, отмечал М. Н. Чернышевский: «Маленькая, но не очень худенькая, немного сгорбленная, в чепце, в очках во время чтения, и с постоянным вязанием в руках» [4, с. 30].

Среди отличительных качеств Александры Егоровны было трудолюбие. Дети вспоминали, что никогда не видели ее в праздном времяпрепровождении: «...если не шьет, то вяжет и читает, а по праздникам только читает...» [2, с. 21]. Спокойно, без суеты вела хозяйство. При небольших доходах все в доме были одеты, обуты и сыты.

Главной чертой характера А. Е. Пыпиной была рассудительность. Вероятно, она передавалась ей от матери, но вместе с тем формировалась

¹ Здесь и далее письма цитируются по авторитетным копиям В. А. Пыпиной.

в процессе интеллектуального развития. Для дочери священника Александра Егоровна была хорошо образована. Обучалась французскому, греческому и латинскому языкам, и хотя не говорила на них, но умела читать и переводить. По словам ее дочери, первые уроки латыни А. Н. Пыпину были даны ею [2, с. 21]. И в целом начальным образованием детей занималась она. С раннего возраста обучала всех чтению и письму, придумывала дидактические игры, например, путешествие по разным городам, которые надо было отыскивать на карте [2, с. 21], приобщала их к чтению – собирала вечерами вокруг себя и читала вслух [2, с. 21].

Всю жизнь А. Е. Пыпина много читала. Литературные интересы были привиты Г. И. Чернышевским, обширной библиотекой которого пользовались и взрослые, и дети. «В его кабинете, который я с детства знал, – писал А. Н. Пыпин, – было два шкафа, наполненных книгами: здесь была и старина восемнадцатого века, начиная с Роллена, продолжая Шреком и аббатом Милотом, за ними следовала “История государства Российского” Карамзина; к этому присоединялись новые сочинения общеобразовательного содержания: Энциклопедический словарь Плюшара, Путешествие вокруг света Дюмон-Дюрвиля, “Живописное обозрение” Полевого, “Картины света” Вельтмана и т.п. Этот последний разряд книг был и нашим первым чтением. Затем представлена была литература духовная: помню в ней объяснения на Книгу Бытия Филарета, книги по церковной истории, Собрание проповедей, Мистические книги... К нам проникала и новейшая литература... новые книги русские, а также французские: у нас бывали свежие томы сочинений Пушкина, Жуковского, Гоголя, некоторые журналы ...» [5, с. 50].

Для детей, привыкших видеть старших членов семьи за книгой, любовь к чтению была естественным состоянием, насущной потребностью. Екатерина Пыпина вспоминала, как ребенком садилась рядом с читающей матерью на скамеечку и тоже читала.

Любопытен и показателен эпизод из воспоминаний ученого: «В первых классах гимназии я знал “Отечественные записки” и очень сокрушался, что не все мне было понятно, например, статьи писателя Искандера; мать успокаивала меня, что для меня еще рано читать и что я скоро буду понимать все это...» [5, с. 58]. Повидимому, чтение детей было бессистемным. В выборе книг они были предоставлены сами

себе, что не освобождало их от ошибок – чтения книг не по возрасту, и как итог – следовавшие читательские огорчения или разочарования.

В одной из своих рецензий 1889 года А. Н. Пыпин сформулирует требование к литературе для детей: «Остаться в пределах детского или юношеского понимания, но вместе с тем сообщать читателям нечто, до чего они не могут додуматься» [24, с. 412]. Интересно, что в литературном образовании собственных четверых детей Александр Николаевич будет придерживаться системного подхода. По воспоминаниям его дочери, Веры Александровны, он не только читал им книги, мастерски рассказывал сказки, но и давал рекомендации по чтению тех или иных книг. Опираясь на собственный опыт, ученый был убежден, что книги развивают мышление, чувства, воображение, формируют нравственно и эстетически.

Взаимоотношения А. Н. Пыпина с матерью были доверительными. Ей он сообщал о своих мечтах, делился планами научной деятельности. Об этой ее осведомленности свидетельствуют немногие сохранившиеся письма. Так, в письме к сыну, совершающему первое путешествие по Европе, она пишет: «...радуюсь... читая твои письма, что желание твое исполнилось, т.к. видишь чудеса и ума, и труда человеческого» [25, л. 2]. Александра Егоровна знала, что поездка в европейские страны для А. Н. Пыпина складывалась сложно, была долгожданной. За 22 года до выхода «Истории русской литературы» в ее письме к сыну от 18 июня 1867 г. встречается первое упоминание о намерении ученого заняться разработкой этой темы: «Что же твоя история русской литературы, – спрашивает она, – идет ли вперед, или время занято другими работами» [26, л. 13]. Он присылал ей все свои работы, которые она обязательно прочитывала, в чем убеждала сомневающегося в этом сына: «...конечно, твое сочинение о библейском обществе читать буду с удовольствием, ты думаешь, что я что-нибудь не читаю из твоих сочинений, лишь бы знать и иметь в руках твою работу, а читать уже буду, радует меня, что твоя работа принимается многими по достоинству» [27, л. 16].

А. Е. Пыпина оставила воспоминания. История ее семьи, двух замужеств, рождения детей, деятельности Г. И. Чернышевского разворачивается в пространстве провинциального Саратова первой трети XIX в. В ценнейших фактах, имеющих краеведческое и историко-культурное значение, воссозданы картины саратовской действительности.

Влияние родителей на личностное развитие А. Н. Пыпина было велико, он сам это признавал. В письме от 6 ноября 1881 г. обращаясь к ним по случаю пятидесятилетия их женитьбы, отмечал: «Если есть у меня чувство правды, добросовестный труд, полное отсутствие всякого тщеславия, доброе расположение к людям, их главное начало идет, конечно, из впечатлений старой жизни дома... если мне удалось потом сделать что-то хорошее, общественно-полезное и правдивое – вам принадлежит в этом крупная доля, именно то главное зерно чувства правды, которым я обязан вам...» [8, л. 1].

Таким образом, жизнь семьи, поведение отца и матери, их нравственные качества составляли для А. Н. Пыпина значимый источник жизненных впечатлений, тех впечатлений «старой жизни дома», которые обогащали духовно, побуждали к умственному и эмоциональному восприятию, формировали картину мира.

Список литературы

1. Пыпина А. Г. Воспоминания // Пропагандист великого наследия: Из истории Дома-музея Н. Г. Чернышевского / редкол. : А. А. Демченко (отв. ред.) [и др.]. Вып. 1. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1984. С. 88–102.
2. Беседы о прошлом: Рассказы Е. Н. Пыпиной в записях Н. М. Чернышевской. Саратов : Приволжское кн. изд-во, 1983. 128 с.
3. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. : в 15 т. М. : Гослитиздат. 1939–1953.
4. Чернышевский М. Н. Мои личные воспоминания о семье Пыпиных // Пропагандист великого наследия: О работе музея-усадьбы Г. Г. Чернышевского / редкол. : А. А. Демченко (отв. ред.) [и др.]. Вып. 2. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1990. С. 27–47.
5. Пыпин А. Н. Мои заметки. Саратов : Соотечественник. 1996. 332 с.
6. Глинский Б. Б. Александр Николаевич Пыпин. Материалы для биографии и характеристики // Исторический вестник. 1905. № 1. С. 263–307.
7. Юдин П. Л. Из юношеских лет А. Н. Пыпина // Исторический вестник. 1908. № 8. С. 557–566.
8. Пыпина В. А. К биографии А. Н. Пыпина // МУК «Музей-усадьба Н. Г. Чернышевского» (далее – МНГЧ). ОФ. 3915.
9. Демченко А. А. Ученические годы А. Н. Пыпина // Литературная и общественная жизнь Саратова (из архивных разысканий). Саратов : ИЦ «Наука», 2008. С. 66–85.
10. Озерянский А. С. К вопросу взаимоотношений Н. Г. Чернышевского и А. Н. Пыпина (по материалам переписки 1840-х – начала 1860-х гг.) // Пропагандист великого наследия. Сборник научных трудов и материалов / отв. ред. А. А. Демченко. Саратов : ИЦ «Наука», 2011. Вып. 4. С. 124–136.
11. Озерянский А. С. Александр Николаевич Пыпин (к биографии ученого) // А. Н. Пыпин. Материалы к биографии. Саратов : Амирит, 2017. С. 4–94.
12. ГАСО. Ф. 637. Оп. 1. Д. 1612.
13. МНГЧ. ОФ. 3011.
14. ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 494.
15. ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3033.
16. Письмо С. Н. Пыпина А. Е. и Н. Д. Пыпиным от 2 сентября 1871 г. // МНГЧ. ОФ. 3741/21.
17. Письмо И. Г. Терсинского Е. Е. Чернышевской от 8 августа 1850 г. // МНГЧ. ОФ. 3726/8.
18. Письмо А. Е. и Н. Д. Пыпиных А. Н. Пыпину от 7 сентября 1849 г. // МНГЧ. ОФ. 3704/2–3.
19. Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография (1828–1858). М. ; СПб. : Петролгиф, 2015. 624 с.
20. Озерянский А. С. Две жизни – две судьбы // Волга XXI век. 2013. № 9–10. С. 206–213.
21. Письмо А. Е. и Н. Д. Пыпиных А. Н. Пыпину от 15 марта 1850 г. // МНГЧ. ОФ. 3704/12.
22. Письмо А. Е. и Н. Д. Пыпиных А. Н. Пыпину от 29 марта 1850 г. // МНГЧ. ОФ. 3704/13.
23. Письмо А. Е. и Н. Д. Пыпиных А. Н. Пыпину от 26 ноября 1849 г. // МНГЧ. ОФ. 3704/7.
24. Книга для детей. Дневник школьника Эдмонда де Амичис. Редакция перевода и предисловие В. Крестовского (псевдоним). Оригинальные рисунки русских художников. СПб., 1889 [Рец.] // Вестник Европы. Март. 1889. С. 411–415.
25. Письмо А. Е. и Н. Д. Пыпиных А. Н. Пыпину от 3 октября 1858 г. // МНГЧ. ОФ. 3703/2.
26. Письмо А. Е. и Н. Д. Пыпиных А. Н. Пыпину от 18 июня 1867 г. // МНГЧ. ОФ. 3703/12.
27. Письмо А. Е. и Н. Д. Пыпиных А. Н. Пыпину от 8 декабря 1868 г. // МНГЧ. ОФ. 3703/15-16.

Поступила в редакцию 22.03.2023; одобрена после рецензирования 24.04.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 22.03.2023; approved after reviewing 24.04.2023; accepted for publication 10.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 47–54

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 47–54

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-47-54>, EDN: DQIQVT

Научная статья

УДК 821.161.1.09-1-31+929[Есенин+Чернышевский]

О влиянии романа «Что делать?» Н. Г. Чернышевского на творчество С. А. Есенина

Е. А. Самоделова

Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН), Россия, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а

Самоделова Елена Александровна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклора, helsa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3856-0578>

Аннотация. В статье рассматриваются истоки знакомства Сергея Есенина с романом «Что делать?» Н. Г. Чернышевского в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе в 1909–1912 гг. Произведение входило в круг чтения интеллигенции, а учащиеся вне школьных занятий вели о нем споры и проникались идеалами «новых людей». Затем Есенин встретился с романом Чернышевского на лекциях по русской литературе П. Н. Сакулина в Московском городском народном университете им. А. Л. Шанявского. В итоге целый ряд элементов поэтики Чернышевского ассоциативно отразился в поэмах и стихотворениях Есенина и повести «Яр». В произведениях Есенина заметны образные переклички с Чернышевским. Главные идейные моменты, волновавшие обоих писателей: прекрасное будущее Отчизны, сознательное творческое устройство земного рая. Из художественных средств писатели использовали эпитет «новый», применяя его к переосмыслению библейских законов человеческого общежития – свободы, равенства и братства. Оба писателя считали этот эпитет главным элементом описания как процесса построения справедливого государственного строя, так и характеристики творцов лучшей жизни. Понимая важность нюансов психологии для каждого человека, Чернышевский и Есенин разрабатывали концепт тайны. Удачно найденное философское решение Чернышевский применял при создании достоверных житейских картин, а Есенин наделял его дополнительными библейскими и мифологическими смыслами, утверждая «тайну» как всеобъемлющий постулат софийности. В личной жизни Есенин в юности брал пример с бытовых привычек Рахметова, но не повторяя всю линию поведения литературного героя Чернышевского. Есенин дал своим главным действующим лицам рассказа «У белой воды» (предположительно 1915) необычные имена, которые фигурируют у второстепенных и просто упомянутых персонажей романа Чернышевского. Однако, чтобы не утверждать всеобъемлющий характер заимствований Есениным творческих находок Чернышевского, в статье приведены другие возможные источники имен и биографические основы некоторых поведенческих линий поэта.

Ключевые слова: Николай Чернышевский, роман «Что делать?», Рахметов, эпитет «новый», концепт *тайна*, рассказ «У белой воды», поэзия Есенина

Для цитирования: Самоделова Е. А. О влиянии романа «Что делать?» Н. Г. Чернышевского на творчество С. А. Есенина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 47–54. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-47-54>, EDN: DQIQVT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the influence of the novel *What Is to Be Done?* by N. G. Chernyshevsky on the work of S. A. Yesenin

E. A. Samodelova

A. M. Gorky Institute of World literature of the Russian Academy of Sciences, 25a Povarskaya St., Moscow 121069, Russia

Elena A. Samodelova, helsa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3856-0578>

Abstract. The article discusses the origins of Sergei Yesenin's acquaintance with the novel *What Is to Be Done?* by N. G. Chernyshevsky: this happened in Spas-Klepikovskaya second-class teacher's school in 1909–1912. The work was read among the intellectuals, and students outside of school hours argued about it and embraced the ideals of the “new people”. Later Yesenin encountered Chernyshevsky's novel at the lectures on Russian literature by P. N. Sakulin at Moscow City People's University named after A. L. Shanyavsky. As a result, a number of elements of Chernyshevsky's poetics were associatively reflected in Yesenin's long and short poems as well as in his story *Yar*. In the works of Yesenin figurative echoes with Chernyshevsky are noticeable. The main ideological moments that worried both writers include: the wonderful future of the Fatherland, the conscious creative arrangement of the earthly paradise in the country. Among artistic means, the writers used the epithet “new”, applied it to the re-interpretation of the biblical laws of human society in terms of freedom, equality and brotherhood. Both writers considered this epithet to be the main element in describing both the process of building a just state system, and in characterizing the creators of a better life. Understanding the importance of the nuances of psychology for each person, Chernyshevsky and Yesenin developed the concept of mystery. Chernyshevsky used the successfully found philosophical solution to create reliable everyday pictures, and Yesenin endowed it with further biblical and mythological

meanings, asserting the “mystery” as a comprehensive postulate of sophianism. In his personal life, Yesenin in his youth followed the example of the everyday habits of Rakhmetov, but without repeating the entire line of behavior of Chernyshevsky’s literary character. Yesenin gave his main characters in the story *At the White Water* (<1915>) unusual names that appear in minor characters and characters mentioned in passing in Chernyshevsky’s novel. However, in order not to assert the comprehensive nature of Yesenin’s borrowings of Chernyshevsky’s creative findings, the article presents other possible sources of names and biographical foundations for some of the poet’s behavioral lines.

Keywords: Nikolay Chernyshevsky, novel *What Is to Be Done?*, Rakhmetov, the epithet “new”, the concept *mystery*, story *At the White Water*, Yesenin’s poetry

For citation: Samodelova E. A. On the influence of the novel *What Is to Be Done?* by N. G. Chernyshevsky on the work of S. A. Yesenin. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 47–54 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-47-54>, EDN: DQIQVT

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Логично думать, что Есенин прочитал роман «Что делать?» Н. Г. Чернышевского во время учебы в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе в 1909–1912 гг., в которой один из одноклассников во время дружеских споров именовался фамилией писателя из-за симпатии к его общественно-философским воззрениям, хотя произведения этого автора не входили в школьный курс [1, с. 66; 2, т. 1, с. 127]. Об этом же свидетельствует упоминание Рахметова в письме школьному другу Г. А. Панфилову в середине (?) декабря 1912 г. из Москвы [3, т. 6, с. 27. № 16].

Впервые с официальным вниманием к творчеству Н. Г. Чернышевского, прослеживающимся в университетских лекциях, Есенин соприкоснулся в Москве. Согласно «Программам лекций по литературе в рамках историко-философского цикла Московского городского народного университета имени А. Л. Шанявского» в курсе «Русская литература середины XIX века» проф. П. Н. Сакулина на 1913–1914 академический год под пунктом 9 значилось: «Народ в литературе шестидесятых годов. Чернышевский и его роман “Что делать?”» [1, с. 169; 2, т. 1, с. 593]. П. Н. Сакулин в записной книжке «День за днем» за 1914 г. под 17 февраля сделал помету: «Шанявский» до социализма <?> Чернышевского» [4, с. 252]. Есенин учился в частном университете с 1913 по начало 1915 г., преимущественно слушая лекции по литературе [2, т. 1, с. 176 и др.]. Его друг детства Н. А. Сардановский в воспоминаниях второй половины 1950-х гг. указывал об учебе Есенина в Университете им. Шанявского: «Мне Сергей говорил, что он посещал там исключительно лекции по литературе. Этот предмет читали наиболее видные профессора того времени: Айхенвальд, автор книги “Силуэты русских писателей”, и Сакулин» [5, т. 1, с. 133]. П. Н. Сакулин был автором лекций «Русская литература после Пушкина. Лекции, читанные в

1911–1912 г. на Высших женских курсах» [6], законспектированных и изданных курсистками. О том, что на Есенина оказал большое влияние роман Чернышевского, свидетельствует наибольшее число переключек и аллюзий, наблюдающихся в повести «Яр» (<1915>)¹, созданной вскоре после прекращения поэтом занятий в Университете им. А. А. Шанявского [7].

Заметны и совсем далекие от «Яра» параллели из романа Чернышевского с другими произведениями Есенина. У Чернышевского в разделе² XVI главы 4 в «Четвертом сне Веры Павловны» описан счастливый мир – с прекрасным пейзажем (с золотистой нивой, с цветами на лугах), с помогающей труженикам техникой, с чугунно-хрустальным зданием и справедливым устройством общества, со всеобщей трапезой и песней после завершения работ: «Роскошный пир. Пенится в стаканах вино; сияют глаза пирующих» [8, с. 251–252]. У Есенина также присутствуют сельские мотивы нивы, юрт (ср. «шатры» у Чернышевского), дружеского пира в «маленькой поэме» «Отчарь» (19–20 июня 1917), написанной в с. Константиново, что во многом обусловило сельскую образность. Вот наиболее яркие среди художественных образов, в том числе метафорические и мифологические (последних не было у Чернышевского), соотносящие небесный рай с земной жизнью: «Там лунного хлеба // Златятся снопы» и «Свет ангельских юрт»; «Всех зовешь ты на пир», «Все русское племя // Сзывает к столам» и «Сычёною брагой // Обносит их круг» [3, т. 2, с. 38–40]. У Есенина это счастливое и благополучное отечество, распространенное на всю планету в результате Февральской революции 1917 г., в перспективе которой он поверил: «Под облач-

¹ Здесь и далее угловые скобки при датах произведений Есенина показывают их приблизительность и условность, внесены современными текстологами-комментаторами, в отличие от дат, поставленных самим поэтом.

² Название «раздел» дано нами условно, так как у Чернышевского стоят только римские цифры.

ным древом // Верхом на луне // Февральской метелью // Ревешь ты во мне» [3, т. 2, с. 36].

У Чернышевского подобная прекрасная страна, прогнозируемая в будущем, обнимающая собой и прежнюю пустыню, теперь орошаемую, «называется Новая Россия» (в разделе XVI главы 4) [8, с. 261]; ср. «Инонию» (январь 1918) Есенина и его пристрастие к эпитету «новый» в творчестве, начиная с предчувствия революционной эпохи. Прилагательное «новый» с оттенком значения 'преобразование, переустройство' появляется в стихотворении Есенина «Наша вера не погасла...» (<1915>) со строчками «Он закован в белом плаче // Разгадавших новый свет» [3, т. 4, с. 120]; в «Покраснела рябина...» (1916) со стихами «Новой свежестью ветра // Пахнет зреющий снег» [3, т. 1, с. 101]; в первой редакции «Как покладинка лег через ров...» к стихотворению «Ночь и поле, и крик петухов...» (<1916–1922>) со словами «Песня новая в тихой избе» [3, т. 1, с. 301]; в стихотворении «Мечта» (<1916>) с утверждением «Новый короб чувства я навьючил // И пошел по новым берегам» [3, т. 4, с. 152]; в стихотворении «О родина!» (<1917>) с зачином «О родина, о новый // С золотою крышей кров» [3, т. 4, с. 166]; в стихотворении «Не пора ль перед новым Посемьем» (<1917>) уже в зачине [3, т. 4, с. 273] и др. Особенно обильны употреблением лексемы «новый» так называемые «маленькие поэмы» революционного периода, основанные на переосмыслении Библии: «Певущий зов» (апрель 1917) со стихами «Земля предстала // Новой купели!» и «Новый Назарет // Перед вами» [3, т. 2, с. 26–27]; «Преображение» (ноябрь 1917) со стихами «Новый Содом // Сжигает Егудиил», «Новый из красных врат // Выходит Лот» и «Новый сеятель бредет по полям, // Новые зерна // Бросает в борозды» [3, т. 4, с. 53–54]; «Иорданская голубица» (20–23 июня 1918) с троекратным усилением «О новый, новый, новый, // Прорезавший тучи день!» [3, т. 3, с. 59]; «Сельский часослов» (<1918>) с утверждением «Деве твоей Руси // Новое возвестил я // Рождение» [3, т. 4, с. 176] и др.

И вскоре после свершившихся двух революций 1917 г. эпитет «новый» продолжает оставаться частотным в лирике Есенина, напр.: в стихотворении «В час, когда ночь воткнет...» (<январь 1919>) – «Мы идем, мы идем продолжать // Новые двери» [3, т. 4, с. 181]. В авторском творчестве словоупотребление «нового» с глобальным «преобразовательным» смысловым оттенком подкреплено опорой на словотворчество советской эпохи: ср. «Новая экономическая политика», «новаторы» и т.п.

В раннем творчестве поэта эпитет «новый» встречался с иными семантическими акцентами – 'другой, видоизменившийся, пришедший на смену, еще один', напр.: в «Березе» (<1913>) – «Обсыпает ветки // Новым серебром»; в «Кузнец» (<1914>) – «Взвейся к солнцу с новой силой» [3, т. 4, с. 45, 65] и др. В 1920-е гг. слово «новый», пройдя через смысловую связь с идеей преобразования государства и даже всего мира, часто (но не всегда) возвращается у Есенина к прежнему «словарному» толкованию, напр.: в «Цветах» (<1924>) – «И эту гробовую дрожь // Как ласку новую приемлю» [3, т. 4, с. 203]. Но в ряде произведений последних лет «преобразующий» оттенок лексемы «новый» остается по-прежнему актуальным: в стихотворении «Издатель славный! В этой книге...» (<1924>) во второй строчке зачина «Я новым чувствам предаюсь» [3, т. 4, с. 190]; в «Капитане Земли» (17 января 1925) в стихах «Споет вам песни // В честь борьбы // Другими, // Новыми словами» [3, т. 4, с. 217]; в стихотворении «Неуютная жидкая лунность» (<1925>) в строчке «Может, в новую жизнь не гожусь» [3, т. 4, с. 221].

Чернышевский в романе поставил вопрос о наличии тайны как сокровенного смысла у простого народа: «...да и не у всякого есть они [тайны], многим и ровно нечего прятать от близких»; и далее обосновал, что каждому присущ свой «уголок» внутренних переживаний, но он еще надеется иметь личную «особую комнату», чтобы на нее распространялась «святыня порога, через который никто не имеет права переступить без воли живущего за ним»; пока же обществом признается право владеть собственной комнатой лишь для главы семейства, только хозяин-большак может вытолкать за дверь любого вошедшего без спроса [8, с. 214]. По мнению Чернышевского, идея персональной комнаты напрямую связана со сферой психологического комфорта. Есенин, воспитанный в многодетной крестьянской семье и учившийся в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе – по сути, в школе-интернате, естественным образом воспринимал отсутствие личного пространства и невозможность уединения, закрытости от людей, пусть и близких. Вероятно, поэтому родные и односельчане в с. Константиново часто наблюдали и описывали в воспоминаниях, как Есенин подростком сидел на камне на старом кладбище у часовни на высоком берегу р. Оки, глядел вдаль и о чем-то мечтал и размышлял. Сестра А. А. Есенина поведала о том, как справа на кладбище, на откосе высокого холма (среди местных кре-

стьян подобные высоты назывались «буграми»), между надгробных камней-валунов, обросших зеленым мхом и высокой крапивой, находилась небольшая часовенка из камня с тесовой крышей; около нее на земле лежала старинная памятная плита, на которой «любил сидеть Сергей» и откуда «открывался чудесный вид на наши приокские раздолья» [9, с. 56]. Когда он стал уже признанным поэтом и приезжал на «малую родину» в конце мая 1924 г., после пожара в родительской избе 3 августа 1922 г. и своего путешествия в Европу и Америку в 1922–1923 гг., он уединялся в уцелевшем амбаре и там писал стихи [2, т. 3 (2), с. 128; 2, т. 4, с. 290]. «Святыня порога <...> главы семейства» Чернышевского перекликается с образом стихотворения «К теплому свету, на отчий порог...» (<1917>) Есенина [3, т. 4, с. 159].

Концепт *тайна* Есенин, по сравнению с вычитанным у Чернышевского в романе, существенно расширяет: кроме личной тайны, это также «тайна Бога» (т. е. сокровенное общение с Богом и другими божественными лицами, святыми), тайна творчества, тайна Родины и ее будущего. На идею тайны личности, тайны национального характера, тайны творчества могли повлиять таинства православия, принятие присяги в армии – «Клятвенного обещания на верность службы» с подписью под стереотипным словесным клише: «...всякую вверенную *тайность* крепко хранить буду...» [3, т. 7 (2), с. 227]; чтение стихов А. В. Кольцова и других поэтов о тайне [3, т. 6, с. 25, № 14]; изучение трактатов современников о творчестве (например, «Лилия и роза (из статейной подборки 1905–1911 гг.)» Г. И. Чулкова, «Ключи тайн» (1904) В. Я. Брюсова и др.) [10, с. 344–345].

Интересно, что в романе Чернышевского имеются суждения Рахметова о принятии обычных жизненных наслаждений исключительно как платы за принесенную жертву, когда он «выпил пять стаканов чаю, с ними опростал половину огромного сливочника и съел страшную массу печенья» и оправдывал себя – «имею право на это наслаждение, потому что жертвую целую половиною суток» (в разделе XXX главы 3) [8, с. 195]; ср. суждение Есенина в письме к Г. А. Панфилову между 16 марта и 13 апреля 1913 г.: «...прихотливые вещи, как-то вроде шоколада, какао, кофе, не употребляю и табак не курю» [3, т. 6, с. 33, № 20]. Совпадает даже фразеология Есенина и Чернышевского – при характеристике Рахметова (в XXIX разделе 3-й главы), который «отказался от белого хлеба, ел только черный», несколько недель подряд не вкушал ни

куска сахара, месяцами не пробовал фруктов и даже необходимых для жизненных сил телятины или пулярки (особо откормленной курицы) [8, с. 186]. По словам Рахметова, он не тратил деньги «на прихоть, без которой могу обойтись» [8, с. 186], несмотря на тонкий вкус и приобщение с детства к роскошному столу. Только Никитушка Ломов (как называли Рахметова знакомые) ел говядину для набирания физической силы и не смог отрешиться от сигар, а отказ будущего поэта от «прихотливых вещей» в юности базировался еще на толстовстве и вегетарианстве (по мнению друга Н. А. Сардановского), хотя последнее он наблюдал в новом знакомом Исае Павлове и отрицал в себе: «Итак, я бросил есть мясо, рыбы тоже не кушаю, сахар не употребляю, хочу скидывать (так! – Е. С.) с себя всё кожаное, но не хочу носить названия “Вегетарианец”» [3, т. 6, с. 35, № 21; ср. с. 26, № 15; 2, т. 1, с. 125, 153–154, 162].

Для постижения творческой лаборатории Есенина в целом необходимо отметить, что в романе Чернышевского в разделе XII главы 4 указан Корнелий Непот [8, с. 244], имя которого могло повлиять на выбор героя Корнея Бударки – мужа главной героини Палаги в рассказе «У белой воды» (<1915>), написанного примерно в то же время, что и его «Яр», и в содержательном смысле составляющего с ним единое целое, своего рода разножанровую дилогию в прозе (повесть и рассказ). Более того, и сюжет рассказа построен по принципу любовного треугольника, как в романе Чернышевского и в повести Есенина, причем дважды возникшего и при этом сильно ослабленного, ибо нельзя считать ни встречного парня, ни работника Юшку действительным соперником мужа Палаги.

Муж героини – Корней Бударка – имеет фамилию или прозвище, образованное от слова «бударка» («будара») – «лодка <или судно>, используемая для рыбной ловли и перевозки грузов» [11, с. 26 – со ссылкой: 12, с. 241–242]. Ареал бытования этого диалектизма и однокоренных слов – Псковская, Пермская, Самарская, Симбирская, Казанская, Астраханская губ., Каспийское побережье и Урал [12, с. 241–242]; очевидно, Есенин услышал данное словечко от знакомых из тех краев или вычитал в литературе, например у В. И. Даля, который привел переносное значение – «дылда, верзила» [11, с. 26; 13, с. 37]. А. А. Никольский ищет смысл «прозвища» – его «мог получить большой, неповоротливый человек» [11, с. 26]; но ведь это слово еще похоже на фамилию, в том числе «говорящую фамилию», образованную от «бударки»-лодки, т. е. с указа-

нием на род занятий человека: именно поэтому Есенину было сподручнее взять не рязанский диалектизм, а привнесенный с других территорий. Ведь если в бассейне р. Ока в Рязанской губ. лодки имели свои названия (лодка, барка, чёлн, челнок, струг – см. с. Стружаны Клепиковского р-на и озеро Стружаны Рязанского р-на и др.) [14, с. 594; 15, с. 405; 16, с. 156], то все их владельцы могли быть обозначены общим словом, известным каждому (в рассказе фигурируют «лодочка», «лодка», «чёлн», «баркас») [3, т. 5, с. 147, 153–154, 155]; следовательно, не сработал бы принцип уникальности, выделения конкретного человека из подобных, на чем базируется прозвище и порождая им фамилия как имена собственные. Наоборот, незнакомое словечко легко становится прозвищем именно из-за своей чужеродности, необычности для жителей определенной местности.

Заметим, что читательское (и исследовательское) восприятие Бударки как прозвища, а не фамилии (например, по украинской модели), встречается в научной литературе, что видно по способу образования родовых (фамильных) прозвищ родственников исходного носителя (первопредка). Так, Ю. Л. Прокушев рассуждал о трагической судьбе героини рассказа – «честнейшей русской женщины Палаги Бударкиной» вместо Палаги Бударки [17, с. 31]; ср.: Серёга Монах, Монашкины – о членах семьи А.Н. Есенина. В с. Константиново проживали украинцы, в том числе Афанасий Павлюк – друг Есенина [10, с. 35, 161, 599, 617, 751], однако еще предстоит выяснить окружение поэта в юности в родном селе и в с. Спас-Клепики, где он учился в 1909–1912 гг., на предмет выявления фамилий и прозвищ, созданных по той же словесной модели, что и Бударка.

Имя Корней (также Корнил) является редким, причем производным, разговорным и сокращенным, происходящим от однокоренных – Корнелий / Корнилий, представляющих заимствованием, предположительно возникшим от лат. *cornu* – «рог» либо от лат. *cornut* – «ягода кизила» [18, с. 135]. Показательно, что Есенин выставил Корнея Бударку «рогоносцем» (но без соответствующего обозначения), что вряд ли является случайностью, хотя пока неизвестно, из какого источника мог узнать Есенин семантику имени, связанную с рогом; наиболее вероятно – из церковной литературы.

Есенин, обучавшийся в Московском городском народном университете им. А. Л. Шанявского и еще ранее в учительской школе в

с. Спас-Клепики, вероятно, располагал сведениями о псевдониме Н. А. Добролюбова – Анастасий Белинский, в котором имя значило «воскресший»; судя по воспоминаниям современников, творчеством Белинского поэт прицельно интересовался в школьные и университетские годы. Согласно «Программам для церковно-учительских школ» (а Спас-Клепиковская второклассная учительская школа одно время числилась по более высокому разряду церковно-учительских школ), «Программа теории словесности и истории русской литературы» на 3-м году обучения включала раздел IV «Критика», предлагавший изучить роль одного типичного представителя: «Белинский; значение в истории русской литературы его критических трудов» [19, с. 45]. Возможно, для уяснения его роли учитель Е. М. Хитров мог рассказать о возрождении возглавляемого им направления критики последователем Анастасием Белинским. В Спас-Клепиковской второклассной учительской школе одноклассник Я. А. Трепалин вспоминал о вечерних дискуссиях на третьем году обучения, в 1911/1912 уч. г., указывая псевдоним-прозвище товарища: «...наиболее активных спорщиков называли именами писателей и критиков: Есенин – Пушкин, Смирнова – Белинский, Тиранова – Чернышевский» [1, с. 66; 2, т. 1, с. 127]. Есенин читал произведения П. И. Мельникова, известного под псевдонимом Андрей Печерский [20, с. 102]. Следовательно, он должен был обратить внимание на то, что писатели, используя псевдоним, выбирают символическое имя.

В «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И.А. Ефрона в статье «Собственные имена» С. Б-ч сообщал о генезисе таких имен от обычных реалий, в том числе заимствованных даже из неродственных языков и уже не означавших ничего в воспринимающем языке, хотя они обладали первоначальным конкретным смыслом в породившем их языке: например, «греч. Алексий, Андрей, Никифор, Николай, лат. Максим и т.д. все имели первично известное значение (защитник, храбрый, победоносец, победитель народов, величайший и т.д.)» [21, с. 667–668]. О происхождении личных имен от нарицательных писал священник М. Морошкин в «Славянском именослове, или Собрании славянских личных имен в алфавитном порядке» (1867), во «Введении»: если разложить и разделить личные имена (как имена собственные) на части и выделить из них корни, то это «прямо и наглядно обнаружит их происхождение от прозвищ, имеющих нарицательное значение»

[22, с. 1]. В поэме «Пугачев» (март-август 1921) Есенин обыграл этимологию царского имени (Петр – от древнегреч. «камень»), принятого на себя заглавным героем ради своей исторической миссии и размышляющего о восприятии толпой подставного царя: «Что ей Петр? – Злой и дикой ораве? – // Только камень желанного случая» [3, т. 3, с. 27; 23, с. 169].

Известен интерес Есенина к собственной фамилии, которую он и его окружение производили от древнерусской формы «есень» (осень), названия дерева «ясень», обозначения цвета «синь», качества «ясный» (в других огласовках – Ясенин и Ясенин, встречавшихся у родни, а первое – и у него) и т.п. [5, т. 1, с. 132]; в наброске 1923 г. он писал: «Фамилия моя древнерусская – Есенин. Если перевести ее на сегодняшний портовый язык и выискивать корень, то это будет – осень» [3, т. 7 (2), с. 92, № 21], хотя в действительности она являлась производной от уменьшительного и искаженного личного имени его дальнего предка – Евсигней [24].

Еще раз подчеркнем редкость имени Корней, несмотря на то, что в церковном календаре имеется 9 дней, посвященных святому Корнилию (10 января, 5 марта, 11 апреля, 1 июня, 6 июля, 4 августа, 3 и 26 сентября, 7 декабря по ст. ст.); по разным данным, некоторые даты различаются; две из них обращены к новомученикам, которых не было при Есенине [25]. Причем один из святых, преподобный Корнилий Переяславский, являлся рязанским по происхождению, вел затворнический образ жизни. Есенин во время обучения в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе обязан был посещать церковные службы и мог обратить внимание на этого святого. Другим важным святым считается Корнилий Сотник (I в.), епископ Кесарии Палестинской, исповедник; упоминается в Деяниях апостолов и в Четьях-минеех, составленных Дмитрием Ростовским, под 13 сентября ст. ст. [26, с. 276–286]. В этом житии цитируется Евангелие от Луки (гл. 2, стих 14): «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение»; две начальных части фразы имеются в «маленькой поэме» Есенина «Инония» (январь 1918) [3, т. 2, с. 68]. Согласно «Программам для церковно-учительских школ» на 2-й год обучения по «Истории русской словесности (книжной)», при изучении Просвещения XVII в. фигурировал Дмитрий Ростовский [19, с. 41].

Необходимо произвести специальные разыскания, чтобы установить: проживали ли в с. Константиново и его окрестностях люди по

имени Корней при жизни Есенина; были ли в его роду или у соседей предки с таким именем, о которых ему могли рассказывать родные; имелись ли однокашники по Спас-Клепиковской второклассной учительской школе и учащиеся старших и младших классов с этим именем; слышал ли он его при посещениях родных в других деревнях (например, в д. Рябиновке) по пути в эту школу и про гощении в семьях друзей неподалеку от с. Спас-Клепики; писали ли о каком-нибудь Корнелии или Корнилии рязанские газеты и т.п.? Также не было ли знакомых или случайных лиц с таким именем в окружении Есенина в Москве и Петрограде?

Есенин слышал редкое имя Корней в составе псевдонима К. И. Чуковского (Николая Корнейчукова), позже встретился с ним в имени «Пенаты» И. Е. Репина под Петроградом 16, 23 или 30 декабря 1916 г. [2, т. 1, с. 301, 316]. В то же время все-таки среди крестьян, мещан и духовенства Рязанщины встречались люди по имени Корнилий / Корней или с образованными от них отчествами, фамилиями, и несколько их даже попало в «Памятную книжку Рязанской губернии» [27]. В Рязском у. на станции Подвислово Рязанско-Уральской железной дороги служил «запасным агентом» крестьянин Корнилий Иванович Колесников [27, с. 408]. В г. Зарайск в канцелярии был служащим мещанин Петр Корнеевич Корнеев, он же являлся письмоводителем в местном комитете Российского общества Красного Креста [27, с. 283, 295]. В Михайловском у. водяную мукомольную мельницу содержал Корнеев Григорий Васильевич в с. Осово Окульновской вол. [27, с. 346]. В Рязани на Маломещанской ул. в доме Корнеевых жил «содержатель артели» печников Андрей Алексеевич Карнеев (фамилия дана в «акающей» диалектной огласовке) [27, с. 203].

Есенин мог прочесть имя Корнилий в четырехтомном «Историко-статистическом описании церквей и монастырей Рязанской епархии...» И. Добролюбова, в нем в т. 1 содержалась интересная информация о родном для поэта с. Константиново. В с. Стружаны Рязанского у., расположенном сравнительно недалеко от с. Спас-Клепики, где учился Есенин, в Успенской церкви был священником Тит Корнилов, упомянутый около 1724 г.; в упраздненном Горетовском Рождественском монастыре Зарайского у. назван в 1652 и 1657 гг. Корнилий в качестве настоятеля; в той же должности указан его тезка в 1678 г. в закрытом позднее Новорождественском монастыре в г. Михайлове [16, т. 1, с. 157, 262, 282].

Также имя Корней у Есенина могло иметь литературное происхождение, хотя и вариативное: поэт прочитал «Ночь перед Рождеством» из цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя, где фигурирует один из «самых степенных козаков» Корний Чуб, у которого есть дочь Оксана, в нее влюблен кузнец Вакула, а сам он захаживал к его матери Солохе. Имеется еще один, достаточно сложный, путь усвоения имени Корнелий из романа «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, оказавшего влияние на мировоззрение Есенина. В романе в разделе XII главы 4 есть фрагмент фразы автора (рассказчика) о Вере Павловне, которая вряд ли «достигнет такого совершенства в латинском языке, чтобы перевести хотя две строки из Корнелия Непота <...>» [8, с. 244].

Имя Палага, являясь разговорной и диалектной уменьшительной формой от полного имени Пелагея, имеет аристократический синоним, возникший под влиянием французского имени – Полина, и уже это имя тоже фигурирует в романе Чернышевского, например в адресате «Письма Катерины Васильевны Полозовой» в разделе XVIII главы 4 и др. [8, с. 266]. Есенин обладал прекрасной памятью и мог обратить внимание на эти художественные нюансы. Имя Пелагея было широко распространено в крестьянской среде, в том числе на Рязанщине и в соседних местностях, где имело эту же сокращенную форму: например, Полина Гавриловна Еремина, около 1918 г. р., и Полина Кузьминична Сударикова, 1929 г. р., обе родом из с. Озёрки Сараевского р-на Рязанской обл., переселились в Москву и Подмоскowie, и так их уважительно звали окружающие люди, игнорируя официальную полную форму имени (экспедиционная запись Е. А. Самоделовой от А. М. Самоделовой (1929–2023), г. Москва, 17.07.2022).

У Есенина было две тети по отцу – Пелагеи (1880–1882 и 1885–1902?), умершие во младенчестве и отрочестве [2, т. 1, с. 432]; еще необходимо проследить родословную ветвь Титовых по материнской линии – вдруг там тоже отыщутся обладательницы этого имени? Упорство родителей в наречении дочерей одинаковым именем, несмотря на плохую примету – называть последующего ребенка именем его безвременного скончавшегося предшественника, показывает пристрастие к этому имени или безоговорочное принятие решения священника, действовавшего согласно «Святцам», хотя и в них именослов отличался разнообразием. Л. Е. Крючкова, В. А. Кузнецова исследовали частотность имен

в Напольновской вол. Сапожковского у. (одного из южных уездов Рязанской губ.) в 1900–1905 гг. по метрическим книгам Сергиевской церкви с. Напольное и получили имя Пелагея вторым по употреблению после Марии – 7 против 11 на 104 рожденных девочки в 1902 г., и 6 на 120 девочек в 1903 г. [28, с. 122–123; 29, т. 1, с. 140–141]. Имя Корнелий / Корнилий не встретилось в указанном исследовании ни разу; не попадалось оно (в том числе в форме отчества) нам и в фольклорных экспедициях 1980–2020-х гг. В «Славянском именослове...» (1867) свящ. М. Морощкин привел целый ряд имен, образованных от Пелагеи: Паланька, Палаха, Палаша, Палашенька, Палашка [22], но среди них нет Палаги, как у Есенина.

Итак, мы рассмотрели некоторые философские концепты и личные имена, встретившиеся в романе «Что делать?» Н. Г. Чернышевского и, возможно, отразившиеся в творчестве Есенина (во всяком случае, нашедшие в нем параллели).

Список литературы

1. Прокушев Ю. Л. Юность Есенина. М. : Московский рабочий, 1963. 192 с.
2. Летопись жизни и творчества С. А. Есенина : в 5 т. (7 кн.). М. : ИМЛИ РАН, 2003–2018.
3. Есенин С. А. Полн. собр. соч. : в 7 т. (9 кн.). М. : Голос ; Наследие, 1995–2001.
4. Скорыходов М. В. Сергей Есенин: Истоки творчества. М. : ИМЛИ РАН, 2014. 383 с.
5. Сардановский Н. А. На заре туманной юности // С. А. Есенин в воспоминаниях современников : в 2 т. / вступ. ст., сост., комм. А. А. Козловского. М. : Художественная литература, 1986. Т. 1. С. 129–134.
6. Сакулин П. Н. Русская литература после Пушкина. Лекции, читанные в 1911–1912 г. на Высших женских курсах : в 3 ч. М. : Типо-лит. И. Х. Кавыкина, 1912.
7. Самоделова Е. А. О влиянии романа «Что делать?» Н. Г. Чернышевского на повесть «Яр» С. А. Есенина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 73–79. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-73-79>, EDN: CQXGTE
8. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. 9. Современник 1862–1863 (статьи экономические, отдел «Политика»); роман «Что делать?». СПб. : Изд-е М. Н. Чернышевского, Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1906. 246, 317 с.
9. Есенин А. А. Родное и близкое // С. А. Есенин в воспоминаниях современников : в 2 т. / вступ. ст., сост., комм. А. А. Козловского. М. : Художественная литература, 1986. Т. 1. С. 55–125.
10. Самоделова Е. А. Антропологическая поэтика С. А. Есенина: Авторский жизнеописание на перекрестке культурных традиций. М. : Языки славянской культуры, 2006. 920 с. (Studia philologica).

11. Никольский А. А. Рязанские топонимы в художественной литературе: Материалы и комментарии. Рязань : РГУ им. С. А. Есенина, 2007. 48 с.
12. Словарь русских народных говоров. Л. : Наука, 1968. Вып. 3. 360 с.
13. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 2-е изд. СПб. ; М. : Изд-е книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880. Т. 1. 723 с.
14. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И. А. Оссовета. М. : Наука, 1969. 611 с.
15. Бабурин А. В. Рязанский топонимический словарь (названия рязанских деревень). Рязань : Рязанский обл. центр нар. творчества, 2004. 546 с. (Рязанский этнографический вестник. Вып 32).
16. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, ныне существующих и упраздненных, со списками их настоятелей за XVII, XVIII и XIX ст. и библиографическими указаниями / сост. свящ. Иоанн Добролюбов : в 4 т. Т. 4. Зарайск : Тип. А. Н. Титовой, 1884. 363, V с.
17. Прокушев Ю. Л. Прозрения Гения (Штрихи к портрету Героя Летописи) // Летопись жизни и творчества С. А. Есенина : в 5 т. (7 кн.). Т. 1. М. : ИМЛИ РАН, 2003. С. 5–60.
18. Словарь русских личных имен. Около 2600 личных имен. М. : Советская энциклопедия, 1966. 384 с.
19. Программы для церковно-учительских школ. Изд-е Училищного совета при Святейшем Синоде. СПб. : Синодальная тип., 1903. 145 с.
20. Самоделова Е. А. Старообрядческие и сектантские ключи к «Ключам Марии» Есенина // Сергей Есенин и искусство. М. : ИМЛИ РАН, 2014. С. 97–113. (Есенин в XXI веке. Т. 2). EDN: SWBIWN
21. Б-ч С. Собственные имена // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб. : Тип. Акц. О-ва «Издательское дело», Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон, 1900. Т. XXX^A. С. 667–668.
22. Славянский именослов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке / сост. свящ. М. Морошкиным. Санкт-Петербург : тип. 2 Отд-ния Собственной е. и. в. канцелярии, 1867. 108, 213 с.
23. Самоделова Е. А. Историко-фольклорная поэтика С. А. Есенина. Рязань : Рязанский обл. центр нар. творчества, 1998. 225 с. (Рязанский этнографический вестник. Вып. 27).
24. Ковалева С. С. Родословная С. А. Есенина: по архивным материалам // МегаЛекции. URL: <https://megalektsii.ru/s25483t10.html> (дата обращения: 14.02.2023).
25. Словарь личных имён и отчеств (с календарем именин) / сост. И. Мостицкий. 2011 // Наука. Искусство. Величие. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/first-names/index.htm> (дата обращения: 14.02.2023).
26. Житие святого священномученика Корнилия сотника // Жития святых святителя Димитрия Ростовского. Сентябрь (Репринт: Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней Св. Димитрия Ростовского с дополнениями из Пролога. С изображениями святых и объяснительными примечаниями. М. : Синодальная типография, 1902. 680 с.) М. : Ставроп. ; Лествица, 2004. С. 779–781.
27. Памятная книжка Рязанской губернии. Рязань : Губернская типография, 1914. 498 с.
28. Крючкова Л. Е., Кузнецова В. А. Мужские и женские имена Напольновской волости – Напольновского сельского поселения (начало XX в. – XXI в.) // Материалы и исследования по рязанскому краеведению / отв. ред. Б. В. Горбунов. Рязань : Первопечатник, 2016. Т. 45. С. 122–134.
29. Самоделова Е. А. Образ ребенка и матери в рязанском фольклоре и этнографии : в 2 т. 2-е изд., доп. Рязань : Рязанский обл. центр нар. творчества, 2019. Т. 1. 356 с. (Рязанский этнографический вестник. Вып. 61).

Поступила в редакцию 17.02.2023; одобрена после рецензирования 10.05.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 17.02.2023; approved after reviewing 10.05.2023; accepted for publication 10.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 55–61

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 55–61

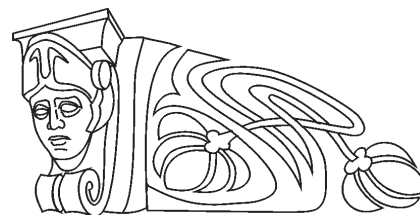
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-55-61>, EDN: BSJMXQ

Научная статья

УДК 821.161.1.09-2+929Арцыбашев

Полемика саратовской общественности вокруг пьесы М. П. Арцыбашева «Ревность»

Ю. С. Ромайкина

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

Ромайкина Юлия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Медиакоммуникации», orel-55555@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0086-7993>

Аннотация. На материале газет «Саратовский листок» и «Саратовский вестник» анализируется полемика саратовской общественности вокруг провокационной драмы о «женоубийце» «Ревность», первой пьесы «модного» и скандального М. П. Арцыбашева. Выявляются причины популярности представленной в «Ревности» упрощенной трактовки философских идей Ф. Ницше, повлиявших на разработку проблемы пола и формирование эпатажно-распущенного образа «новой» женщины-самки в массовом общественном сознании. Приводится обзор 12 постановок драмы, проходивших с неизменными аншлагами в ноябре–декабре 1913 г. в Городском театре Саратова. Большое внимание уделяется диспуту местной интеллигенции на тему «Женщины и ревность» и вызвавшему широкий резонанс в прессе общественному суду, в ходе которого муж был оправдан в убийстве жены, а открыто флиртовавшая с другими мужчинами жена была признана виновной «в предосудительном поведении». Особо выделяется выступление единственной принимавшей участие в диспуте женщины – учительницы Саратовских женских повторительных классов А. И. Лельковой. Описывается реакция саратовской прессы на лекции приезжих москвичей («О женской свободе и мужском рабстве» Н. Я. Абрамовича и «Женщина пред судом современной литературы» С. Глаголя). Отдельно рассматриваются напечатанные в газетах Саратова пародии на «Ревность», которые свидетельствуют об огромной популярности пьесы Арцыбашева. В ходе исследования установлено, что рецензенты саратовских газет пытались объяснить популярность «Ревности» как с точки зрения художественной ценности произведения (сравнение с «Крейцеровой сонатой» Л. Н. Толстого, драмами Л. Н. Андреева), так и в связи с поднимаемыми в пьесе социальными вопросами (права и положение женщин в семье и обществе, абьюзивные отношения, домашнее насилие). Сотрудники газеты «Саратовский листок» отзывались о «Ревности» в целом благосклонно, иногда восторженно, в то время как в «Саратовском вестнике» приводились в основном негативные, саркастические отклики.

Ключевые слова: Арцыбашев, «Ревность», Саратов, «Саратовский листок», «Саратовский вестник», гендерные исследования, серебряный век

Для цитирования: Ромайкина Ю. С. Полемика саратовской общественности вокруг пьесы М. П. Арцыбашева «Ревность» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 55–61. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-55-61>, EDN: BSJMXQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Dispute over M. P. Artsybashev's play *Jealousy* in Saratov community

Yu. S. Romaykina

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia

Yulia S. Romaykina, orel-55555@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0086-7993>

Abstract. Based on the material published in newspapers *Saratovskiy Listok* (*Saratov Leaflet*) and *Saratovskiy Vestnik* (*Saratov Herald*) the article analyzes the dispute in Saratov community over a provocative drama about a "wife killer" *Jealousy* – the first play written by a fashionable and scandalous author, M. P. Artsybashev. The reasons for the popularity of the play's simplified interpretation of F. Nietzsche's ideas that influenced the development of gender issues and shaped the shocking libertine image of a "new" female predator in public consciousness are revealed. The article observes 12 invariably full-house performances that were staged in November and December of 1913 in the City Theatre of Saratov. Much attention is paid to the dispute held by Saratov intellectuals on the topic of "women and jealousy" and to a mock public trial that had caused a wide publicity; in the course of this trial the husband who had murdered his wife was acquitted and the wife who had flirted openly with other men was found guilty of "reprehensible conduct". The speech of the only female speaker taking part in the dispute – a teacher of Saratov refresher courses for women by A. I. Lelkova – stands out. The reaction of Saratov press to the lectures of Moscow speakers (*About Women's Freedom and Men's Slavery* by N. Ya. Abramovich and *The Woman Judged by Modern Literature* by S. Glagol') is described. Parodies on *Jealousy* published in the newspapers of Saratov and therefore indicating the popularity of Artsybashev's play are also discussed. The study concludes that the reviewers of Saratov newspapers were trying to explain the popularity of *Jealousy* both in terms of its artistic value (in comparison with L. N. Tolstoy's *The*

Kreutzer Sonata and L. N. Andreyev's dramas) and from the perspective of social issues reflected in the play (women's rights and social status in the family and society, abusive relationships, domestic violence). The reviewers of *Saratovskiy Listok* gave overall favorable and sometimes rapturous responses to *Jealousy*, while *Saratovskiy Vestnik* printed in general negative, sarcastic reviews.

Keywords: Artsybashev, *Jealousy*, Saratov, *Saratovskiy Listok*, *Saratovskiy Vestnik*, gender studies, Silver Age

For citation: Romaykina Yu. S. Dispute over M. P. Artsybashev's play *Jealousy* in Saratov community. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 55–61 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-55-61>, EDN: BSJMXQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Скандалная репутация «модного» писателя Серебряного века М. П. Арцыбашева широко освещалась не только в столичной, но и в провинциальной прессе. В частности, в газетах «Саратовский листок» и «Саратовский вестник» отмечались популярность автора и влияние его произведений на упаднические умонастроения современников (например, эпидемия самоубийств среди молодежи связывалась с романом «У последней черты»); сообщались подробности судебных дел, обвиняющих Арцыбашева в порнографии (см.: [1]).

В газете «Саратовский листок» талант Арцыбашева и художественная ценность его произведений не ставились под сомнение: Арцыбашев, писатель «упорядоченный, определенный и ясный» [2], считался «законодателем литературных вкусов» [3].

Сотрудники же «Саратовского вестника» относились к творчеству писателя скептически, называя его талант «упадочным» [4, с. 5].

Первая пьеса Арцыбашева «Ревность» была напечатана в тринадцатом выпуске литературного сборника «Земля» в 1913 г. Она является переделкой ранее опубликованного в одиннадцатом альманахе «Земля» (1913) рассказа «О ревности». Рассказ «О ревности» получил холодные отклики в прессе, пьеса же, в которой муж душил откровенно флиртующую с другими мужчинами жену, имела ошеломительный успех. А. И. Гараев в своей кандидатской диссертации об Арцыбашеве объясняет подобный парадокс пониманием того, «что то, что уже не может шокировать в виде текста, вполне может оказать сильное эмоциональное воздействие визуально» [5, с. 126].

Действительно, в пьесе присутствуют довольно откровенные сцены и диалоги. Апогеем щекочущего нервы визуального ряда является последнее, пятое, действие, в начале которого Елена Николаевна предстает в домашнем костюме с полуобнаженной грудью в присутствии лакея. Неожиданно вернувшийся муж застаёт ее с кавказским князем Дарбельяни. Финальный эпизод удушения тоже происходит прямо на сцене: «Елена Николаевна начинает хрипеть, заглушенно стонет и затихает в мелкой дрожи» [6, с. 225].

Откровенно провокационны и мизогинны основные идеи пьесы: представления о женщине-самке («Ей льстит, когда ее “хотят”!..» [6, с. 28]); рассуждения о присущей женщине «особой половой лжи» («Женщина же именно из чужих объятий придет особенно страстная, любящая, нежная...» [6, с. 32]); признание несомненного интеллектуального превосходства мужчины над женщиной («Женщина не только не может быть Лаурой, она и придумать эту Лауру не в состоянии» [6, с. 28]). Женские персонажи в пьесе, с одной стороны, разделяют мнение о себе мужчин («До сих пор женщина еще ни одной самостоятельной мыслишки не выдумала, где же ей бороться с вами!..» [6, с. 19]), но вместе с тем подчеркивают существующее социальное и экономическое неравенство и высказывают интересное предположение о будущем женского движения: «Когда-нибудь, лет через триста, когда вся жизнь изменится и женщина станет совсем другой, тогда, может быть, и она найдет свое собственное дело и мужчины станут на нее смотреть иначе, а теперь...» [6, с. 19].

Появление в андроцентричном обществе начала XX в. представлений о «ложной женственности», «идеале содомском», «Софии падшей» и формирование, по характеристике К. Эконен, «образа “падшей”, активной, угрожающей и сексуальной женщины, *femme fatale*» [7, с. 59] связано с именами О. Вейнингера, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше. О. В. Рябов отмечает, что как для философии, так и для массового сознания Серебряного века характерно противопоставление мужского аполлоновского начала инициативы, власти, разума, культуры, справедливости и женского дионисийского начала пассивности, подчинения, инстинктивности, бессознательного [8, с. 29–30]. Таким образом, женщина считалась носителем половой стихии, ведь «у женщины нет ничего не сексуального...» [8, с. 63].

Рецензент газеты «Новое время» А. А. Бурнакин отмечал происходившую в современной ему литературе «вульгаризацию женственности»: «Женщина развенчана, низвержена в грязь и рабство, придушена похотью и цинизмом» [9]. Литературные критики Серебряного века отмечали представленную в текстах Арцыбашева упро-

ценную трактовку философских идей Ф. Ницше, повлиявшую на формирование эпатажно-распущенного образа «новой женщины» в массовом общественном сознании: «...все женщины его [Арцыбашева] различны только пока одеты, и все половые отношения – в большинстве случаев сводящиеся к изнасилованию – отвратительно похожи одно на другое [10, с. 123]. В. Г. Голиков называл разрабатываемую Арцыбашевым тему женской измены *idée fixe* писателя, «пунктом его помешательства» [11, с. 369].

Еще до постановки «Ревности» в Саратове интерес к пьесе в местной прессе подогревался обсуждением скандалов, происходивших во время спектаклей в столичных и провинциальных театрах. В середине октября 1913 г. газеты Саратова писали о беспорядках во время финальной сцены «Ревности» в театре Незлобина в Москве: «С верхов послышались свистки. Партер начал аплодировать. <...> Когда по окончании спектакля, Арцыбашев опять вышел на вызовы части публики, – его освистали. Составлено несколько протоколов» [12]. Сообщалось и об «инциденте» на представлении «Ревности» в Русском театре в Одессе: артист из труппы театра, законспирировавшийся с помощью накладной бороды, выкрикивал из зала «Женщины, протестуйте!» и «Женщины, уходите из театра!» [13].

Первое представление «Ревности» в Городском театре Саратова состоялось 5 ноября 1913 г. Спектакль прошел при переполненном зрительном зале, с полным сбором, «на кассе висел аншлаг: “Все билеты проданы”» [14].

«Саратовский листок» дал положительную оценку постановке: «Пьеса сыграна стройно. Большая сильно-драматическая сцена последнего акта проведена гг. Самборской и Кривцовым с большой экспрессией и произвела глубокое впечатление» [14]. Рецензент же «Саратовского вестника» Н. М. Архангельский отмечал, что «со сцены произведение г. Арцыбашева кажется еще более пошлым, еще более грубым, чем в чтении – и это несмотря на явное стремление актеров смягчить кричащие краски пьесы» [4, с. 4].

Всего за ноябрь и декабрь 1913 г. в Саратове «Ревность» была сыграна 12 раз, причем с неизменными аншлагами и полным кассовым сбором. Зачастую в газетах сообщалось о замене других спектаклей дополнительной постановкой «Ревности»: «Вчера в городском театре “Ревность” прошла с аншлагом, многие не могли попасть в театр. В субботу вместо “Лабиринта” ставится

“Ревность”» [15]; «Седьмое представление “Ревности” в Городском театре дало почти полный сбор. Пьеса г. Арцыбашева назначена к повторению в воскресенье» [16].

Саратов попал в волну прокатившихся по разным городам России гласных общественных судов над главными героями пьесы Арцыбашева (см.: [17]). Саратовские газеты сообщали подробности прошедшего 9 ноября в литературно-художественном кружке в Москве суда над Сергеем Петровичем. «Саратовский листок» приводил пофамильный перечень судей и участников «судебного заседания», писал о том, что «часть сбора поступила в пользу Яковлевского исправительного приюта для преступных девочек» [18]. «Саратовский вестник» оглашал вердикт москвичей: «Совещание присяжных продолжалось всего несколько минут, и они признали С. П. Ратова невиновным. Из 15 присяжных заседателей 8 были за оправдание и 6 – за обвинение. Среди присяжных были 6 женщин. Их голоса разбились поровну» [19].

20 ноября в Городском театре Саратова общественный суд над Сергеем Петровичем предварялся диспутом на тему «Женщины и ревность». Диспут организовал режиссер Городского театра, поставивший «Ревность» в Саратове, В. К. Висковский. За две недели перед диспутом саратовские газеты призывали лиц, желавших принять участие в дебатах, предоставить в кассу театра свои фамилии, адреса и краткий конспект речей. Эти сведения печатались по мере поступления в последующих номерах «Саратовского листка».

Диспут собрал полный зал, была занята даже часть сцены. «Саратовский листок» отмечал, что «диспут заинтересовал и даже взвинтил публику» [20]. «Саратовский вестник» писал о хлопанье, свисте, «взрывах мужских и женских голосов» во время выступления ораторов [21].

Издатель «Саратовского листка» К. К. Сараханов сочувствовал речи выступавшего в роли обвинителя героини пьесы режиссера В. К. Висковского, соглашаясь с тем, что «Елена Николаевна, вечно играя в любовные приключения, сама себя довела до трагического конца» [20]. Рецензент «Саратовского вестника» под псевдонимом Референт возмущался выводам, к которым пришел В. К. Висковский: «В результате – подсудимая “самый опасный, самый страшный тип женщины”»; «Такие, как Е. Н., не имеют права на существование»; «С. Петр. убивает Е. Н. “не в состоянии аффекта, а в сознании своего нравственного на это права мужа”»

[21]. Референт язвительно отмечал, что во время голосования, помимо ответов на задававшиеся вопросы, были опущены в урны и «отдельные мнения». Например, такое: «В. К. Висковский не имел *нравственного права* призывать публику к мокрому делу...» [21].

К. К. Сараханов отмечал, что защитника Елены Николаевны с псевдонимом «Не-он» (С. Т. Григорьев) освистали за попытку сравнения его подзащитной с чеховской героиней [20]. Критик называл «драматический подъем» г. Не-она «неискренним и достаточно театральным» [20]. Референт писал о том, что «красивая по форме» речь Не-она в начале «слушалась внимательно», но защитник дошел до преклонения перед Еленой Николаевной «как перед женщиной, которой “достался на долю тяжелый крест”...» [21]. Рецензент «Саратовского вестника» скорее согласен с мнением выступавшего на диспуте г. Стечкина, который, сравнивая Елену Николаевну с героинями пьес Л. Н. Андреева «Профессор Сторицын» и «Екатерина Ивановна», пришел к следующему заключению: «Это самые обыкновенные женщины. Неужели же их кто-нибудь имеет *нравственное право* убивать? Это какая-то папуасская мораль» [21].

И К. К. Сараханов, и Референт высоко оценили выступление единственной женщины, участвовавшей в диспуте, – учительницы Саратовских женских повторительных классов А. И. Лельковой, которая проводила параллели между «Ревностью» и «Крейцеровой сонатой» Л. Н. Толстого, говоря, что «корень зла» обеих трагедий – во взаимном непонимании между чужими друг другу мужчиной и женщиной. А. И. Лелькова также считала, что пороки Елены Николаевны происходят от праздности, и выражала надежду на то, что «в будущем, когда женщина завоюет себе равноправие – ее рабство, а с ним рабские и рабовладельческие пороки станут невозможны» [21]. Через четыре дня после диспута, 24 ноября, «Саратовский листок» опубликовал заметку А. И. Лельковой под названием «Взаимное непонимание» – расширенный вариант ее тезисов [22].

После диспута было устроено голосование, в результате которого Сергей Петрович 251 голосом против 97 был оправдан и признан совершившим преступление в состоянии аффекта. Также большинством голосов – 283 против 103 – Елена Николаевна была признана виновной «в предосудительном поведении». «За» то, что Сергей Петрович имел *нравственное право* задушить жену, было подано 179

голосов, «против» – 195. Рецензент «Саратовского вестника» под псевдонимом Референт назвал итоги голосования «знаменательными для переживаемого момента» и «жуткими», «ибо если и половина участвовавших в этом “примерном суде” считают, что мужья “имеют *нравственное право*” душить своих жен за неверность, то этого куда как достаточно, чтобы потерять охоту к шуткам» [21].

Продолжением общественных споров на тему, поднятую в драме Арцыбашева, явилось обсуждение публичных лекций приезжих московских лекторов Н. Я. Абрамовича и Сергея Глаголя (С. С. Голоушева).

29 ноября в Саратове в зале Коммерческого клуба состоялась лекция Н. Я. Абрамовича «О женской свободе и мужском рабстве». Сделать вывод об отношении к этому мероприятию рецензентов саратовских газет можно уже исходя из названий их статей: в «Саратовском листке» была опубликована заметка Софии Железняк (С. И. Гржибовской-Железняк) «Спящая душа», в то время как «Саратовский вестник» напечатал фельетон П. Медведева «Курица не птица».

С. И. Железняк восхищалась «углубленным», «философским взглядом на жизнь» Н. Я. Абрамовича: женское движение – это «борьба за право стать точными копиями мужчин», и потому оно тупиково; женщине не нужно уподобляться мужчине, они различаются и физиологически, и психологически; душа женщины – «спящая королева», о которой тоскует мужчина, «о тоске этой говорят все великие произведения искусства» [23].

П. Медведев писал о том, что лекция Н. Я. Абрамовича «прошла с большим шиком», с сарказмом поясняя: «...сплошным шиком на могучий мотив бури на Волге» [24]. Рецензент «Саратовского вестника» язвительно отмечал только одно «красивое место» в речи московского лектора: это когда он замолчал. По мнению П. Медведева, Н. Я. Абрамович причислял женщину, существо чувствующее, но не мыслящее, к высшей категории «с большими оговорками, больше из любезности». Н. Я. Абрамович знает о женщине «со слов Арцыбашева», что «она вся во флирте, в нарядах, в чаду шантанного угара» [24].

Лекция С. Глаголя на тему «Женщина пред судом современной литературы» собрала 12 декабря в зале Коммерческого клуба более 600 человек [25]. С. Глаголь приводил примеры «эмансипированной женщины» в литературе: от Г. Гауптмана, Г. Ибсена, Н. Г. Чернышевского до А. А. Вербицкой и В. К. Винниченко. Под-

робно останавливался на Екатерине Ивановне Л. Н. Андреева и Елене Николаевне Арцыбашева. «Саратовский листок» не отозвался на это событие. «Саратовский вестник» опубликовал заметку рецензента с инициалами В. С., который отмечал общее в героинях проанализированных произведений: они сделали любовь своим оружием. В таком положении, по мнению лектора, и рецензента «Саратовского вестника», виноваты мужчины, и поэтому они должны предоставить женщине экономические свободы: «Пока женщина не будет материально свободна, не будет и ее моральной свободы». В. С. соглашался с С. Глаголем в том, что нужно внушать молодому поколению, что женщина – друг, а не «предмет наслаждений» [26].

В саратовской прессе велась полемика об «арцыбашевской» женщине – собирательном образе, показанном в «Ревности»: наклеветал ли писатель на современную женщину или сказал правду? К. К. Сараханов («Саратовский листок») утверждал, что Арцыбашев не имел в виду всех женщин, он вывел определенный тип – дама «из породы кавказских “курсовых”». У нее нет детей, нет интереса к дому, нет любимого дела. Такие дамы ездят на Кавказ «не для леченья, а для вояжа и флирта». К. К. Сараханов заключил, что «Арцыбашев сказал горькую правду, записанную даже в протоколах полиции городов Кисловодска и Ялты», и поэтому героиню «Ревности» не стоит защищать [2]. Н. М. Архангельский («Саратовский вестник») с помощью цитат из пьесы доказывал, что Арцыбашев изображал «не женщину какого-нибудь определенного круга или хотя бы какого-нибудь известного момента, а женщину вообще – от сотворения мира и доныне...». Арцыбашевская женщина – не человек, а «соблазнительное тело, существующее для того, чтобы лгать, кривляться, а главное – возбуждать в бедных мужчинах вожделение. Ни на что другое женщина не годится» [27].

Достойны отдельного рассмотрения напечатанные в «Саратовском вестнике» две пародии на драму Арцыбашева. В «маленьком фельетоне» «Ревность» г. Диеза «модный лектор» Сергей Петрович убивает свою жену Логику. Рассмотрим концовку фельетона:

Лектор (Яростно). Ага!
Ты изменила мне... Ну ладно!..
Я не хочу решать проблем,
Хотя и лекции читаю,
К чему нам логика? Зачем?..

Логика (тихо). Ох, задыхаюсь...
Умираю...

Лектор (приканчивая ее). Кто в
силах сложность всех натур
Лауры, Майи, Беатриче
Понять и описать...

Публика (хватаясь за голову).
Сумбур!

Паштет из футуристской дичи!..

Одно лишь видно по всему:

Мы так отстали от столицы,

Что даже не пойдем, к чему

Летят к нам в гости эти птицы...

Зачем весь этот шум и крик?

Чего он хочет? – Неизвестно...

**Софья Железняк (томно закатывая
глазки).**

Пассаж... столица... «венский шик»...

Совсем философ он!.. Прелестно!..

[28].

Видим, что в последних строчках делается намек на слишком, по мнению г. Диеза, восторженные отзывы на речи московских лекторов рецензента «Саратовского листка» Софии Железняк [28].

В другой пародии – «фарсе в одном действии» под названием «Ревность», написанном рецензентом «Саратовского вестника» Ф. Ф. Воскресенским, представлены предоставивший жене абсолютную свободу Иван Петрович и запутавшаяся в ухажерах супруга Елена Львовна. По сюжету к Ивану Петровичу обращается давно живущая отдельно своей жизнью жена с просьбой спасти ее от старого любовника, который ревнует Елену Львовну к новому любовнику. В доме главного героя разыгрывается сцена, в которой он мечется между двух огней, предотвращая убийство. В финале фарса после ухода «гостей» Иван Петрович поясняет тремор рук: «Реакция... <...> Эти благородные олени прекрасно дрались, но они несколько утомили меня» [29].

Один из самых известных саратовских фельетонистов, рецензент «Саратовского листка» С. С. Гусев под псевдонимом Слово-Глаголь писал о «милом дамском щебетанье» в журнале «Заря», рассуждениях московских писательниц и актрис о том, что «дни ревности сочтены» и это понятие исчезнет «с поднятием и развитием культуры», а буквально послезавтра «ревнивцев будут показывать в зверинцах или заспиртованными в музеях патологии» [30]. В конце фельетона Слово-Глаголь как бы невзначай делает убийственно-саркастическую ремарку:

«Излишне прибавлять, что дамская анкета сопровождается изображением дамских личек с глазками стреляющими, опущенными, задумчивыми, манящими. Великолепные шляпы. Самые последние прически. Обворожительные декольте» [30].

Выход пьесы Арцыбашева «Ревность» на сцене Саратовского театра, как и спектакли в других городах, сопровождался активной рекламной кампанией – постоянными упоминаниями в прессе. Анонимный рецензент «Саратовского вестника» отмечал парадокс: чем яростнее ругают «Ревность», тем выше «настраиваются этажи» ее «курьезной славы», обеспечивая автору материальный успех [31, с. 2]. «Саратовский вестник» также анонсировал выход продолжения первой пьесы Арцыбашева. Новая драма, тесно связанная с «сенсационной пьесой сезона», должна была быть посвящена второстепенной героини «Ревности» – молодой невинной девушке Соне. Подобная пьеса так и не вышла в свет. Стоит также отметить, что заметки из криминальной хроники об убийствах женщин мужьями или любовниками в саратовской прессе предварялись подзаголовком «“Ревность” в жизни» [32].

Занимая срединное положение между литераторами первого ряда и создателями бульварного чтива, скандальный беллетрист Арцыбашев являлся камертоном эпохи, транслировал массовому читателю и зрителю модные и эпатажные социальные и философские идеи Серебряного века. Поднятая в пьесе «Ревность» тема границ раскрепощения «новой» женщины и постановка проблемы пола взбудоражили саратовскую общественность, попали в ее нерв, вызвали бурную полемику: общественный суд над героями драмы, диспут на тему «Женщины и ревность», обсуждение выступлений приезжих лекторов. Рецензенты саратовских газет пытались объяснить популярность «Ревности» как с точки зрения художественной ценности произведения (сравнение с «Крейцеровой сонатой» Л. Н. Толстого, драмами Л. Н. Андреева), так и в связи с поднимаемыми в пьесе социальными вопросами (права и положение женщин в семье и обществе, абьюзивные отношения, домашнее насилие). Интересно, что сотрудники газеты «Саратовский листок» (К. К. Сараханов, С. И. Железняк, А. И. Лелькова, корреспонденты под псевдонимами Слово-Глаголь, Референт, Свой) отзывались о «Ревности» в целом благоклонно, иногда восторженно, в то время как в «Саратовском вестнике» (Н. М. Архангельский,

П. Медведев, Ф. Ф. Воскресенский) приводились в основном негативные, зачастую саркастические отклики. Пародии свидетельствуют об огромной популярности первой пьесы Арцыбашева.

Список литературы

1. Оштрафование М. П. Арцыбашева // Саратовский листок. 1911. 8 мая (№ 101). Отд.: Русские известия. С. 5.
2. Сараханов К. Модные авторы. По поводу «Не убий» Л. Андреева и «Ревности» Арцыбашева // Саратовский листок. 1913. 5 нояб. (№ 242). С. 3.
3. Южанин А. Законодатели литературных вкусов // Саратовский листок. 1911. 8 июля (№ 149). С. 2.
4. Н. А. [Архангельский Н. М.]. Гор. театр // Саратовский вестник. 1913. 7 нояб. (№ 244). Отд.: Театр и искусство. С. 4–5.
5. Гараев А. И. М. П. Арцыбашев: история формирования литературной репутации : дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. 198 с.
6. Земля. М. : Московское книгоизд-во, 1913. Сб. 13. 298 с.
7. Эконен К. Творец, субъект, женщина : Стратегии письма в русском символизме. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 400 с.
8. Рябов О. В. Женщина и женственность в философии Серебряного века. Иваново : Ивановский гос. ун-т, 1997. 157 с.
9. Бурнакин А. Женофобия // Новое время. 1914. 16 (29) мая (№ 13712). Отд.: Литературные заметки. С. 5.
10. [Б. п.]. «Земля». Сборник четвертый. Московское книгоиздательство. М. 1910. Стр. 368. Ц. 1 р. 50 к. // Русское богатство. 1910. № 11 (нояб.). Отд.: Новые книги. С. 121–126.
11. Голиков В. Г. «Яма» Куприна // Вестник Знания. 1915. № 6 (июнь). Отдел литературы и искусства. Критика. С. 360–369.
12. Скандал из-за «Ревности» // Саратовский листок. 1913. 24 окт. (№ 232). С. 4.
13. Саратовский листок. 1913. 20 нояб. (№ 255). Отд.: Театр. С. 3.
14. Первое представление «Ревности» // Саратовский листок. 1913. 6 нояб. (№ 243). Отд.: Театр. С. 3.
15. Городской театр // Саратовский вестник. 1913. 15 нояб. (№ 251). Отд.: Театр и искусство. С. 3.
16. Саратовский листок. 1913. 29 нояб. (№ 262). Отд.: Театр. С. 3.
17. Петросян Д. В. Отклики литературных судов над произведениями М. Арцыбашева в армянской прессе 1910-х годов // Русская литература и журналистика в движении времени. 2017. № 2. С. 241–251.
18. Суд над женоубийцей // Саратовский листок. 1913. 9 нояб. (№ 246). Отд.: Театр. С. 3.

19. Суд над героями «Ревности» // Саратовский вестник. 1913. 12 нояб. (№ 248). Отд.: Театр и искусство. С. 5.
20. К. С. [Сараханов К. К.]. На диспуте // Саратовский листок. 1913. 21 нояб. (№ 256). С. 5.
21. Референт. Суд над «Ревностью» // Саратовский вестник. 1913. 23 нояб. (№ 257). С. 2.
22. Лелькова А. Взаимное непонимание // Саратовский листок. 1913. 24 нояб. (№ 258). С. 4.
23. Соф. Ж. [Гржибовская-Железняк С. И.]. Спящая душа (Лекция г. Абрамовича) // Саратовский листок. 1913. 30 нояб. (№ 263). С. 3.
24. Медведев П. Курица не птица (По поводу «лекции» Н. Абрамовича) // Саратовский вестник. 1913. 1 дек. (№ 264). С. 4.
25. Лекция Сергея Глаголя // Саратовский вестник. 1913. 14 дек. (№ 274). Отд.: Хроника. С. 3.
26. В. С. «Женщина пред судом современной литературы» (Лекция Сергея Глаголя) // Саратовский вестник. 1913. 15 дек. (№ 275). С. 4.
27. Архангельский Н. «Ревность» или «Пошлость»? (По поводу пьесы М. Арцыбашева «Ревность») // Саратовский вестник. 1913. 5 нояб. (№ 242). С. 2.
28. Диез. Маленький фельетон. Ревность // Саратовский вестник. 1913. 1 дек. (№ 264). С. 4.
29. Воскресенский Ф. Ревность. Фарс в одном действии // Саратовский вестник. 1913. 25 дек. (№ 283). С. 3.
30. Слово-Глаголь [Гусев С. С.]. Со дня на день // Саратовский листок. 1913. 28 нояб. (№ 261). С. 3.
31. Вокруг Арцыбашевской «Ревности» // Саратовский вестник. 1913. 7 нояб. (№ 244). С. 2–3.
32. «Ревность» в жизни // Саратовский листок. 1913. 8 нояб. (№ 245). Отд.: Хроника. С. 3.

Поступила в редакцию 03.06.2023; одобрена после рецензирования 01.09.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 03.06.2023; approved after reviewing 01.09.2023; accepted for publication 10.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 62–69

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 62–69

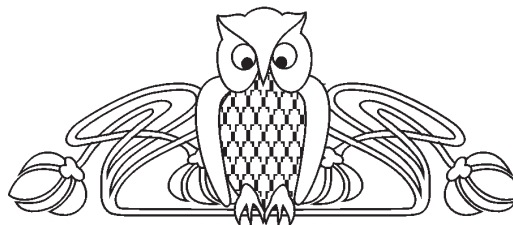
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-62-69>, EDN: BOBBEI

Научная статья

УДК 821.161.1.09-31+791(47+57)|1950|+929[Бабаевский+Райзман]

Гимн сталинской номенклатуре в «Кавалере Золотой Звезды»: роман Семена Бабаевского и фильм Юлия Райзмана

В. Ю. Михайлин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Михайлин Вадим Юрьевич, доктор философских наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, vmikhailin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3744-9763>

Аннотация. Роман Семена Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды» (1947–1948), один из самых популярных художественных текстов позднесталинского СССР, стал представительным символом «большого» или «лакировочного» сталинского стиля в литературе ничуть не в меньшей степени, чем снятый на его основе фильм Юлия Райзмана (1950) – в кино. Высокий официальный статус обоих текстов, подкрепленный Сталинскими премиями, в данном случае сочетался со вполне реальной востребованностью со стороны массового читателя и зрителя. Статья представляет собой попытку разобраться в причинах этой востребованности и предлагает прочтение романа и фильма как адекватного ожиданиям целевой аудитории панегирического описания, одновременно и номенклатуры как нового социального слоя, консолидировавшегося в СССР после окончания Второй мировой войны, и связанных с ней социальных лифтов. Анализируются способы проективной ре-интерпретации реальных бюрократических процедур, а также работы с ключевыми персонажами, представляющими те или иные номенклатурные позиции, и с персонажами «этнографическими», за счет которых ретушируется граница между разными социальными стратами, а советский «новый правящий класс» продолжает восприниматься как неотъемлемая часть «трудового народа». Рассматриваются механизмы формирования манипулятивных политических метафор и те модели, с помощью которых Семен Бабаевский и Юлий Райзман, каждый в своем виде искусства, обеспечивают режим максимально продуктивного пропагандистского воздействия на целевую аудиторию. Отдельная часть статьи посвящена работе авторов с образом Сталина как с ключевой мифологемой «большого стиля», исподволь организующей суггестивную структуру текста.

Ключевые слова: Семен Бабаевский, Юлий Райзман, «Кавалер Золотой Звезды», номенклатура, сталинский «большой стиль»

Для цитирования: Михайлин В. Ю. Гимн сталинской номенклатуре в «Кавалере Золотой Звезды»: роман Семена Бабаевского и фильм Юлия Райзмана // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 62–69. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-62-69>, EDN: BOBBEI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Praising Stalin's nomenklatura in *The Bearer of the Golden Star*: The novel by Semyon Babayevsky and the film by Yuliy Raizman

V. Yu. Mikhailin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

VadimYu. Mikhailin, vmikhailin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3744-9763>

Abstract. One of the most popular novels in late Stalinist USSR, *The Bearer of the Golden Star* (1947–1948) by Semyon Babayevsky, is seen now as a representative symbol of “grand” or “varnishing” style in literature – to the same measure as the eponymous film (1950) by Yuliy Raizman did for the Soviet cinematic tradition. High official status of both texts guaranteed by Stalin's awards matched the overwhelming success they both enjoyed with general public. The author here makes an attempt to examine the possible reasons of this popularity and offers a look at *The Bearer of the Golden Star* as at panorama both of a newborn after the World War II privileged social stratum, nomenklatura, and a system of social elevators leading to it – as much demanded by its target audience. The modes of fictional re-interpretation of real bureaucratic procedures are considered as well as the authors' dealing with the key characters representing different nomenklatural positions; and also some «ethnographic» characters used to blur the border between social strata, so that the Soviet “new ruling class” could still be seen as an integral part of “working people”. The paper also deals with operational mechanisms of manipulative political metaphors and with those means Semyon Babayevsky and Yuliy Raizman used to ensure the highest possible level of propaganda impact. Special attention is also paid to the figure of Stalin as the key element in the “Grand style” mythology that form a hidden suggestive structure of the text.

Keywords: Semyon Babayevsky, Yuliy Raizman, *The Bearer of the Golden Star*, nomenklatura, Stalinist “Grand style”

For citation: Mikhailin V. Yu. Praising Stalin's nomenklatura in *The Bearer of the Golden Star*: The novel by Semyon Babayevsky and the film by Yuliy Raizman. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 62–69 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-62-69>, EDN: BOBBE1

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В 1950 г. Юлий Райзман, к этому времени уже известный советский кинорежиссер, обладатель пяти Сталинских премий и Большой международной премии Каннского фестиваля, снял самый «сталинский» из своих фильмов – «Кавалер Золотой Звезды». Литературным материалом для переработки в киносценарий стал одноименный роман Семена Бабаевского, сорокалетнего ставропольского писателя, впервые попробовавшего свои силы в крупной эпической форме и сразу же удостоенного за этот свой дебют Сталинской премии первой степени. Райзману был очень нужен успешный идеологически выверенный проект, чтобы вернуться в Москву из «ссылки» на Рижскую киностудию, куда его отправили после того, как сам Сталин, главный ценитель и цензор советского кино, выказал недовольство при просмотре его предыдущего фильма, легкой комедии «Поезд идет на восток» (1948). Борис Чирсков, автор сценария, который до собственных трех Сталинских премий середины 1940-х гг. знал и куда менее счастливые времена, отсидев в середине предшествующего десятилетия три года за принадлежность к эсеровско-народнической организации, также был кровно заинтересован в успехе. И успех пришел: в 1952 г. Сталинскую премию первой степени вручили всем ключевым участникам съемочной группы, включая оператора, художника и пятерых актеров – при том, что еще двое, Сергей Бондарчук и Иван Перевозчиков, получили ту же премию за другой, параллельно номинированный фильм. Не в накладе остался и Семен Бабаевский, который после успеха «Кавалера Золотой Звезды» сразу же начал писать продолжение, роман «Свет над землей». Властный заказ на эту книгу был настолько неотложным, что в 1950 г. она была удостоена очередной «Сталинки», даже несмотря на то, что автор не успел ее дописать. В итоге в следующем, 1951 г., премию получила вторая часть того же романа, и Семен Бабаевский стал уникальной фигурой в истории отечественной литературы, умудрившись получить две высшие на тот момент государственные профессиональные награды за одну книгу.

Самое любопытное, что заказ на «Кавалера Золотой Звезды» исходил не только «сверху», но и снизу. Если, принимая во внимание особенности советского книжного дела, оценить реальный читательский спрос на выпущенную

миллионными тиражами в десятках разных изданий книгу достаточно трудно, то экранизация позволяет – со всеми понятными оговорками – сделать это применительно к спросу зрительскому. Билеты на премьерный показ райзмановского фильма купили 21,5 млн человек, и в советском прокате 1951 г. он занял третье место, уступив первые два остросюжетным «блокбастерам» – советскому «В мирные дни» Владимира Брауна (23,5 млн) и немецкому «Тигр Акбар» Гарри Пила (23,4 млн), и оставив позади даже самые популярные в том году кинокомедии – «Щедрое лето» Бориса Барнета (20,9 млн) и венгерскую «Янику» Мартона Келети (19,3 млн). Для производственного фильма из колхозной жизни это был невероятный успех. Массовая популярность «Кавалера Золотой Звезды» – и в кинематографической, и, судя по всему, в литературной версиях – не могла объясняться исключительно их идеологической «выверенностью». Эти тексты должны были предлагать массовому советскому зрителю некую крайне привлекательную для него проективную реальность: данная статья как раз и представляет собой попытку разобраться в причинах этой привлекательности.

«Кавалер Золотой Звезды» предлагает аудитории – и читательской, и зрительской – близкое знакомство со вполне конкретным социальным феноменом: с новой советской элитой, с которой и писатель, и режиссер себя так или иначе соотносили, – с «номенклатурой». Понятно, что в силу сложившихся в советской культуре конвенций оба автора воспринимают эту реальность не в марксистском понимании, как новый правящий класс (именно в этой перспективе ее видел Михаил Восленский [1]). Но в любом случае они видят в ней самостоятельную социальную страту, неотъемлемую от советского образа жизни и воплотившую в себе самую суть советского проекта.

Любой текст – литературный, изобразительный или перформативный, – выполненный в эстетике сталинского «большого стиля», по сути, представляет собой «переведенный» на язык соответствующего искусства политический плакат и, как и положено плакату, решает три основные задачи. Во-первых, он предлагает аудитории удобную для нее воображаемую реальность, максимально упрощенную, выстроенную в соответствии с доступной аудиториям логикой и не

допускающую разночтений. Во-вторых, создает поле эмпатии, связывающее наличную ситуацию, частью которой ощущает себя зритель, и ситуацию проективную. А в-третьих, подталкивает его к выбору, который необходимо сделать здесь и сейчас. Таким образом достигается главная цель, ради которой существует плакат: он помогает аудитории сформировать набор социальных установок (которые он должен принять как собственные установки) и систему поведения (которое он должен счесть результатом самостоятельного выбора) так, как это выгодно заказчику [2, с. 38].

Текст, функционирующий в рамках сталинского «большого стиля», не рассчитан на рефлексию со стороны целевой аудитории: как раз наоборот, он должен, минуя рефлексию, обращаться к тем механизмам, которые регулируют ее поведение. Тексты, рассчитанные на прямое мобилизационное воздействие, именно так и работают; с теми же, что приглашают аудиторию в мифологическое пространство советского золотого века, дело обстоит несколько сложнее. Послевоенный СССР – если выйти за стены номенклатурных квартир и дач – был мало похож на ту райскую реальность, которую транслировало с экрана советское кино. Цены здесь росли, а заработная плата становилась ниже, не говоря уже о том, что значительная ее часть конфисковалась через принудительные госзаказы; голод 1946 и 1948 гг. унес сотни тысяч жизней при том, что огромные запасы зерна расходовались на внешнеполитические цели или просто гнили в буртах; бандитизм и нищенство были неотъемлемыми элементами городской повседневности, а при попытке сменить место работы или проживания подавляющее большинство граждан сталкивались с весьма серьезной системой ограничений и запретов [3–6]. Экранная же реальность выглядела совершенно иначе: в ней простые советские люди обитали в многокомнатных квартирах с высокими потолками и добротной мебелью; колхозники свободно перемещались по всей стране и буквально захлебывались обилием и разнообразием доступных в деревне продуктов и товаров – и никто не опасался уличного насилия. И тем не менее, у послевоенного отечественного зрителя, как правило, не возникало при просмотре этих фильмов ничего, похожего на когнитивный диссонанс: более того, картины эти были востребованы массовой советской аудиторией. Контраст между наличной реальностью и той жизнью, которой жили экранные персонажи, не ощущался как значимый, поскольку сталинский «большой стиль» по умолчанию позиционировал

эти две реальности как несводимые между собой: глядя на экран, зритель получал доступ к миру идеальных платоновских сущностей, по отношению к которому его собственная жизнь представляла собой всего лишь набор акцидентов, в котором присутствие разного рода аномалий было нормой. Аномалии, попадающие время от времени на экран, воспринимались как *exempla*: они одновременно оживляли дидактический нарратив и выступали в роли контрастных примеров, оттеняющих нормативную реальность.

В кинематографе большого стиля «правильный» сюжет предполагал не только идеализированное пространство, но и предельно упрощенную структуру. Он строился либо на одной центральной ситуации, обставленной разве что набором сугубо декоративных боковых линий, раскрытой полностью, от завязки до финала, с однозначным, не допускающим разночтений дидактическим меседжем, либо на последовательности ситуаций, имитирующих внутреннее становление главного действующего лица, но в действительности направленных на выявление заранее заложенных в нем сугубо эссенциальных характеристик. При этом сам герой, будучи функцией от идеальной советской действительности, со всей необходимостью принадлежал к верхним общественным стратам – либо исходно, либо «врастал» в них по мере развития сюжета, присваивая то, что и так принадлежало ему по праву рождения. Это, в свою очередь, способствовало зрительской эмпатии по отношению к персонажу, заодно снимая ненужные вопросы о контрастах в качестве жизни по обе стороны от экрана.

Еще в эпоху своего становления, в середине тридцатых годов, искусство «большого стиля» инкорпорировало прием, позволяющий работать с потребностью в самоидентификации как с одной из базовых социальных потребностей, характерных для эпохи ускоренной (а в случае с советским проектом – катастрофически ускоренной) урбанизации. Вчерашний крестьянин, выбитый из привычных и прозрачных для него социальных контекстов и лишенный возможности опираться на усвоенные с детства стратегии социального различения и взаимодействия, остро нуждается в системе максимально простых и внятных сигналов, позволяющих ориентироваться в новой для него (и травматичной) социальной реальности [7, 8]. Сталинское искусство предлагало ему две – впрочем, не взаимоисключающие – модели самоидентификации. Первая работала с образами недолжного, расставляя акценты, четко указывающие на «чуждые» габитусы, нор-

мы и формы поведения. Вторая – «престижная самоидентификация», самоидентификация через причастность к желаемому – предлагала зрителю (читателю, слушателю) проективные реальности, частью которых он хотел бы сделаться сам вне зависимости от актуального положения дел и от степени достижимости желаемого.

Семен Бабаевский и Юлий Райзман предложили советской аудитории своего рода «панорамную» оптику. С одной стороны, практически с самого начала повествования мы возвращаемся исключительно в номенклатурных кругах: это касается и статуса ключевых действующих лиц, и конфликтов, и обсуждаемых тем. С другой, весь этот номенклатурный мир буквально пронизан своеобразными «мостиками вожделения»: ролями, сюжетами и отдельными сценами, которые должны напоминать простому советскому читателю и зрителю о том, что социальные лифты не закрыты и что в этот мир можно если и не всегда попасть на правах полноправного участника, то, во всяком случае, его причаститься. Все ключевые герои романа так или иначе принадлежат к разным уровням номенклатуры либо связаны с номенклатурой родственными или дружескими связями.

В романе Бабаевского читатель знакомится с этими персонажами через краткие, доходчивые характеристики, всякий раз поданные через набор говорящих визуальных деталей. В фильме Райзмана та же проблема решается несколько иначе: через подбор актеров, связанных в восприятии советского зрителя с уже сложившимися амплуа и с конкретными уже сыгранными ролями. Именно эти герои разыгрывают между собой все основные и дополнительные сюжетные линии, выстраивают конфликты и разрешают их, и несмотря на то, что некоторые из них правы всегда или почти всегда, а другие чаще неправы, их объединяет одно – искренняя забота о благе народа. При этом сами они понятны и просты, с предсказуемыми для зрителя наборами реакций на предложенные обстоятельства и с повадками, подчеркнуто лишенными отсылок к «чужим» антропологическим типам. Даже тогда, когда некоторые из них начинают «терять связь с массами», происходит это в формах, не нарушающих общего впечатления.

Эта группа тонко ранжирована внутри себя, и зрителю предлагается не только понаблюдать за разнообразием типажей и стилей поведения, но и оценить ее как сложную иерархию статусов, где каждая позиция связана с конкретным режимом доступа к единственно истинному знанию. Это знание равно значимо для всех, по-

скольку именно его постоянное присутствие, его способность «подсвечивать» повседневную реальность и делать ее понятной и прозрачной и есть тот *raison d'être*, благодаря которому у всех этих людей есть в жизни цель и смысл: но каждая ступень на пути к полноте истинного партийного знания сопряжена с высокой ответственностью за общее дело и требует соответствующих личностных качеств. Не совершают ошибок и не испытывают мучительных сомнений по поводу уже принятых решений только двое из персонажей «Кавалера Золотой Звезды» – секретарь крайкома партии Бойченко и секретарь райкома Кондратьев. Юлий Райзман не случайно доверил исполнение этих ролей И. Переверзеву и Б. Чиркову, выстроив неотразимо привлекательный для советской публики середины века тандем из уверенной переверзевской брутальности и обаяния «своего в доску» рабочего парня, которое еще со времен трилогии о Максиме закрепил за собой Борис Чирков. Сорок лет тому назад Катерина Кларк выделила в структуре сталинского художественного нарратива функцию «мудрого советчика» как обязательную компоненту, без которой становление протагониста невозможно [9]: товарищи Кондратьев и Бойченко выполняют в «Кавалере...» именно эту роль. В советской номенклатурной реальности именно эти двое были бы единственными фигурами, наделенными правом быть *natura naturans*, «природой сотворяющей», поскольку вне зависимости от того, что и как было прописано в нормативных документах, все остальные, относящиеся к более низкому номенклатурному стратуму персонажи оставались прежде всего *natura naturata*, «природой сотворенной».

Протагонист «Кавалера...», Сергей Тутаринов¹, заканчивает войну младшим лейтенантом, т. е. в самом низшем из всех возможных офицерских званий, командиром танка с опытом командования экипажем из трех человек. Но буквально по прибытии начинается процесс его включения в местную номенклатуру. И уже к

¹ Фамилию для своего героя С. Бабаевский, вне всякого сомнения, выбирал совершенно осознанно. «Тутаринов» должен был показаться «знакомым героем» каждому школьнику, читавшему каверинских «Двух капитанов», популярнейшего советского приключенческого бестселлера, за которую автор получил Сталинскую премию в 1946 г., когда Бабаевский уже приступил к работе над «Кавалером...». Он просто-напросто меняет «на толстовский манер» в фамилии каверинского протагониста, Татаринова, одну букву. Это предположение косвенно подтверждается тем, что точно такую же операцию автор проделал и с фамилией Михаила Лобашёва (прототипа Сани Григорьева, главного героя «Двух капитанов»). «Лобашёвой» у Бабаевского становится главная героиня «Кавалера Золотой Звезды».

концу первой четверти романа решение о том, что ему необходимо не формальное образование, а «государственная школа», уже принимается все тем же тандемом. Так что к началу второй четверти мы застаем его уже в роли председателя райисполкома. Параллельно с этим он успевает съездить в Москву для участия в параде на Красной площади. В Москве этот младший лейтенант гостит у генерала, который прекрасно помнит его, ценит и любит как сына и который благословляет его на райисполком. Автор романа достаточно любопытным образом трансформирует для читателя ту логику, по которой действует советская система номенклатурных назначений. Председатель райисполкома – должность, входившая в номенклатуру ЦК, и утверждать Тутаринова действительно должны были именно в Москве, прежде чем на месте будут соблюдены необходимые формальности в виде «назначения» решением облисполкома и утверждения решением районного совета. Так что формально автор соблюдает траекторию, которую кандидатура кавалера Золотой Звезды должна была бы описать прежде, чем совместиться с реальной должностью. Но только в романе эта траектория пролегает не через кабинеты инструкторов ЦК, а через боевых отцов-командиров, которые всего лишь дают моральную санкцию на переход младшего лейтенанта Тутаринова к мирным боям за коммунизм, после чего решение принимает исключительно он сам.

Отеческие функции в романе С. Бабаевского прописаны весьма тщательно и выстроены в строгую иерархию. Самый низший из уровней отцовства связан с элементарным биологическим родством, но, помимо родного отца, Тутаринов испытывает совершенно сыновние чувства и по отношению к генералу, под началом которого когда-то воевал, и по отношению к секретарю крайкома. Эти три персонажа размечают собой разные уровни взросления. Родной отец сдает значимые социальные позиции довольно быстро. Общественный статус и связанные с ним объемы компетенций и ответственности Тутаринов-младший наращивает настолько стремительно, что становится главной мужской фигурой в семье уже ко второй трети романа, оттесняя отца на полукوميдийную роль домашнего советчика, забавного (как за счет подчеркнутых старческих черт, так и за счет столь же подчеркнутой традиционности и узости мышления) и воспринимаемого читателем как «мудрый» просто потому, что за ним предполагается некий объем жизненного опыта. Партийного и военного «отцов» Тутаринов нагоняет чуть позже. К концу романа он

– так же как и секретарь крайкома – становится депутатом Верховного Совета. Генерал же сам проговаривает равенство статусов с бывшим подчиненным, прямо сопоставляя должность председателя райисполкома с генеральской – да еще и подчеркнув при этом собственное, вполне «родственное» отношение к протагонисту («...быть председателем райисполкома куда труднее, нежели, скажем, вести в бой танк. Должность эта и почетная, и ответственная. Если приравнять ее к воинским званиям, то ты должен занять генеральский пост. Да, генеральский! <...> И вот, Сережа, от всей души желаю тебе, как сыну родному, чтобы через год или два на твоей груди рядом с наградами за военные подвиги появился бы орден за подвиги трудовые...» [10]).

Семейный уровень ситуативного кодирования (подробнее об этом см.: [11, с. 170–172]) представляет собой значимую базу для выстраивания манипулятивных политических метафор, и в «Кавалере Золотой Звезды» эта база используется весьма активно. Автор «развоплощает» устойчивый советский троп, который описывает весь советский народ как одну большую семью, переводя его из области сугубо риторической в форму полноценной, насыщенной «живыми» персонажами и сюжетами проективной реальности. Основу этой большой семьи составляют герои, о которых уже шла речь: именно на них лежит вся ответственность за семейный «фарн»². Остальные персонажи романа так или иначе соотносимы с «безответственными» членами обширного семейного клана, которые в силу возрастных характеристик, особенностей характера или недостаточной компетентности лишены прямого доступа к принятию и реализации решений. На уровне сугубо риторическом власть целиком и полностью принадлежит «народу»: «ответственные» персонажи всячески акцентируют внимание на собственной службе его интересам, обращаются к нему за советом, утверждают его именем принятые решения и т. д. Но сами «нужды и чаяния простых советских людей» читатели (и зрители) воспринимают опосредованно: через «думы», решения и поступки небольшого числа героев, каждый из которых – без исключения – принадлежит к тем или иным номенклатурным уровням.

За рамками номенклатуры существуют две категории персонажей: «коллективные» и «этнографические». Коллективные герои, именуемые

² Иранский по происхождению термин, обозначающий сумму семейного «блага», ответственность за сохранение и преумножение которого лежит на *pater familias*. Обоснование термина см.: [12, с. 85–103 et passim].

по названиям станиц, нужны для создания общего праздничного фасада, по которому читатель должен составить себе представление о счастливой и зажиточной жизни колхозников в первые послевоенные годы. Все персонажи, не имеющие прямого или косвенного (родственного, профессионального) отношения к номенклатуре, так или иначе проводятся по этой категории. Конструируется «коллективный» герой в полном соответствии с теми принципами, из которых исходит классический колониальный дискурс, разводящий по разным классификационным категориям «носителей высокой культуры» и «дикарей» как объект окультуривания. «Носители цивилизации» обладают доступом к системному знанию, позиционируемому как единственно верное; «дикарям» свойственно интуитивное постижение мира, во всем спектре вариантов, от инсайта до предрассудка. Первые, опираясь на это знание, готовы преобразовывать мир, улучшать его и умножать всеобщее благо; вторые зависят от привычного положения вещей и настаивают на его неизменности – они могут быть мелочно прагматичны, а могут действовать во вред самим себе, поскольку не способны видеть факты в широкой перспективе. Первые являются носителями универсального языка описания; вторые такового не имеют по определению.

Этнографические персонажи выполняют в фильме две крайне значимые функции. Во-первых, они «персонифицируют народ», не давая ему окончательно превратиться в безликую массу рядовых исполнителей. В той риторике, на которой построен весь представленный в фильме номенклатурный дискурс, «народ» обязан иметь свое мнение и хотя бы время от времени пытаться его выражать. Чаще всего это мнение предлагается зрителю в виде отдельных значимых реплик, вкрапленных в монолог героя. Так, в эпизоде ночного разговора с родителями Сергей Тутаринов озвучивает уже не только план строительства одной отдельно взятой электростанции, но и целую – воистину титаническую – программу трансформации природных условий, которая вроде бы только что сама собой пришла ему в голову, но в которой явственно проглядывает первоисточник: так называемый «Сталинский план преобразования природы», принятый в конце 1948 г. и рассчитанный до середины 1960-х. Отец внимательно выслушивает его, вбрасывая всего лишь пару реплик, в начале и в конце разговора, и выстраивая тем самым экфрастическую рамку для захватывающей дух картины, которая разворачивается перед зрителем. В первой Тимофей Ильич призывает героя сделать жизнь

колхозников богатой и обещает помочь советом. В завершающей – высказывает некоторые сомнения в реализуемости космических планов вновь назначенного председателя райполкома. Впрочем, итоговая фраза вполне предсказуема: «Делай, как знаешь». Мы ознакомились с мнением народа.

Помимо «режима персонификации» этнографические персонажи выполняют еще одну значимую функцию. Они выстраивают необходимый, основанный на микрогрупповых связях мостик между «народными массами» и номенклатурными действующими лицами картины – и одновременно ретушируют границу между этими двумя группами, неустанно убеждая зрителя в том, что советская элита есть плоть от плоти народной. Так что состоит эта группа исключительно из близких родственников, друзей и соседей главных действующих лиц. Каждый такой персонаж – по-своему идеальный посредник, наделенная индивидуальным габитусом частичка народной стихии, которая обладает уникальной возможностью отделяться на время от народного тела для того, чтобы выслушать героя, поддакнуть ему, рассмешить его, озадачиться сказанным и тут же нырять обратно в пучину. И она же транслирует (одновременно по нескольким каналам) зрителю утешительный месседж: социальные лифты не закрыты. Даже самый простой советский человек может если не стать частью номенклатурной среды, то прикоснуться к ней, войти с ней в постоянный контакт, что, помимо бонусов сугубо символических, должно сказаться еще и на общем качестве жизни. Достичь этого можно через замужество, через дружеские и родственные связи или хотя бы – как в случае Прохора Ненашева – через «заметность», лихую и слегка придурковатую, которую так ценят в простом русском солдате гениальные полководцы из отечественных школьных учебников по истории и соответствующих кинодрам.

«Этнографическая граница» проходима для персонажей из номенклатурной группы – разными способами и с разными целями. «Заблудший» председатель колхоза Артамашов «рушится» сквозь нее вниз, в гущу трудового народа, не справившись с оказанным доверием и лишившись не только должности, но и членства в партии: обстоятельство, которое в советских реалиях фактически перекрывало человеку обратный путь в номенклатуру. Впрочем, Артамашов буквально с первых кадров, в которых появляется, выглядит слишком – на показ – этнографично, начиная от кубанки и бешмета с газырями и заканчивая демонстративной манерой

поведения. Выраженный «недостаток нормативности» – необходимый и достаточный сигнал для того, чтобы грамотный зритель заподозрил: этот персонаж не на месте.

«Правильный» же председатель Рагулин с самого начала фильма демонстрирует принципиально другую «меру народности». Исполнитель этой роли Владимир Ратомский может поиграть на диалектных интонациях, время от времени подчеркнуто позволяет себе «этническую» репризу – скажем, завершает сцену невербальным комментирующим жестом, сдвинув кепку на лоб или на затылок. Но это «народность» крепкого хозяина, который, не отрываясь от земли, способен мыслить государственными задачами и масштабами. Собственно, в глазах советской номенклатуры, именно таким и должен был выглядеть настоящий «руководитель низового звена»: человек, в котором тренированный глаз признает номенклатурного работника не по костюму или автомобилю, а исключительно по солидной манере знающего себе цену «государственного человека».

В качестве альтернативы Рагулину, сочетающему признаки «этнического» персонажа со вполне устойчивой позицией в низовой номенклатурной страте, в романе выведен персонаж принципиально «не-народный», но и на сколько-нибудь солидную позицию в рядах номенклатуры явно негодный, несмотря на все усилия, к тому прилагаемые. Это Рубцов-Емницкий, директор райпотребкооперации: то самое сочетание «торгаша», «скользкого типа» и «маленького начальника», которое в сталинском «большом стиле» являлось едва ли не единственным законным объектом для «внутренней» социальной критики. Он не враг и не преступник и может быть даже полезен, если держать его под надлежащим контролем. Вполне «прозрачное» для рядового советского зрителя (и крайне уместное на волне государственного антисемитизма конца 1940-х гг.) имя-отчество Лев Ильич, которым его награждает Бабаевский, Юлий Райзман в фильме предпочитает деликатно опустить. В романе Рубцов-Емницкий – куда более заметный герой, чем в райзмановском фильме, и гораздо активнее (в первой половине романа) играет роль демона-искусителя, вознамерившегося втянуть героя в ту мутную сферу, где он и его разбросанные по всему Советскому Союзу дружки с подозрительными на взгляд истинно русского человека именами обделывают свои дела. Впрочем, в конечном счете грамотный номенклатурный работник, которым быстро становится Сергей, попав в кресло председателя райисполкома,

загоняет джинна в лампу и использует райпотребкооперацию на пользу социалистическому строительству.

Итак, вся эта огромная советская семья, по большей части состоящая из персонажей простых и честных, но не слишком образованных и наклонных к излишней стихийности, находится в надежных руках – так что за светлое будущее, к которому непременно приведут ее самые достойные и ответственные «старшие братья», может не беспокоиться. Каждый просто должен делать свое дело, не отвлекаясь на частности и предоставив всю головную боль «отцам», как уже состоявшимся, так и тем, кто достоин в будущем прийти таковым на смену.

Впрочем, так же как и в предшествующих коммунистическому проекту культурах, набор «отеческих» образов, задействованных в манипулятивной политической метафорике, был бы неполным без самой верхней фигуры, до которой никто из персонажей, действующих в советском сюжете рубежа 1940–1950-х гг. – будь то сюжет художественный или вполне реальный, – дорости не смог бы по определению. Поскольку эта позиция раз и навсегда была закреплена за Сталиным (об «экфразистической» природе сталинских изображений см.: [13, с. 16 и далее]).

Нужно отдать должное Семену Бабаевскому: апелляциями к авторитету Великого зодчего коммунизма³ он никоим образом не злоупотребляет. Сталин появляется в его романе всего три раза, но эта трехчастная структура прекрасно продумана. Сперва он обозначается как имя, как знаковая географическая и военно-политическая

³ Титул, который, судя по всему, придумал в 1949 г. впавший в опалу и отчаянно пытавшийся польстить Хозяину А. И. Микоян. Вышедшая за его подписью панегирическая статья в «Правде» от 21 декабря 1949 г., в день официального 70-летия Сталина, носила именно это название и была затем широко растиражирована в виде отдельной брошюры [14]. Этот титул фактически повторяет стандартную божественную титулатуру, употребительную сперва в христианской (католической – Фома Аквинский, *Summa Theologica* I, 27, 1; протестантской – Жан Кальвин, *Institutio Christianae Religionis*, *passim*), а затем, и крайне активно, в масонской традиции. Никоим образом не пытаясь выстраивать конспирологические связи между большевистским и масонским проектами, я хочу привлечь внимание не только к прямому заимствованию терминологии, но и к сходству моделей мышления. Один из самых показательных в этом отношении текстов – это сталинский «Ответ на приветствия рабочих главных железнодорожных мастерских в Тифлисе 8 июня 1926 г.» [15]. В нем Сталин четко выстраивает свою биографию профессионального революционера по трем степеням посвящения, маркируя их «ученик», «подмастерье» и «мастер». Понятно, что к семидесяти годам Гений Всех Времен и Народов просто обязан был примерить на себя позицию на самой верхушке пирамиды – уже по ту сторону зазора, отделяющего верхний ее сегмент от основного тела.

реалия (Сталинград), настойчиво повторяясь в воспоминаниях Тутаринова и воплощаясь в конечном счете в экфрасическую фигурку на Мавзолее, которую герой видит через танковый перископ во время парада. Во второй раз – уже не как божественное видение, а как текст: и функцию это его пришествие выполняет несколько иную, хотя продолжает и развивает логику первой эпифании. Является он не Тутаринову-сыну, а Тутаринову-отцу, хотя речь косвенным образом все равно идет о протагонисте, об отеческом благословении на значимую общественную должность. В финале романа Сталин возникает уже в качестве портрета, украшающего – вместе с портретом Ленина – праздничную арку, воздвигнутую на въезде в станицу по случаю открытия электростанции и связанного с этим событием всенародного праздника.

«Кавалер Золотой Звезды» представляет собой полноценный и самозабвенный гимн советской номенклатуре. Предложенная здесь оптика по-своему уникальна, поскольку дает возможность приобщиться к номенклатурному видению жизни всем без исключения категориям советских зрителей. Номенклатура увидела перед собой самое настоящее «зеркало для героя», в котором ей было легко и приятно узнавать самое себя. Образы, которые Юлий Райзман искусно смоделировал на основе актерских данных С. Бондарчука, Б. Чиркова и И. Переверзева, позволяли номенклатурному зрителю увидеть собственный образ жизни через призму этики едва ли не мессианской, которая позволяла вынести за скобки все сопутствующие неудобства и моральные издержки. Простой же советский человек не только слышал мощный и убедительный «зов номенклатуры», но и получал набор «надежных и проверенных способов», с помощью которых можно было – конечно, при определенной доле везения – самому причаститься совершенно другого качества жизни, несопоставимого с реальным жизненным опытом. Он выходил из зрительного зала, уже ощущая себя хозяином райисполкомовского кабинета, темно-серой «Победы» и свободы принимать единственно верные решения, осененные гением товарища Сталина. И это чувство причастности к желанной норме помогало не обращать излишне пристальное внимание на убогую советскую реальность.

Список литературы

1. *Восленский М. С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. London : Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. 671 с.
2. *Михайлин В. Ю., Беляева Г. А., Нестеров А. В.* Шершавым языком: антропология советского политического плаката. Саратов ; СПб : ЛИСКА, 2013. 124 с. EDN: TNOLFH
3. *Зима В. Ф.* Голод в СССР 1946–1947 гг., происхождение и последствия. М. : ИРИ, 1996. 265 с.
4. *Литвиновский И. А.* Восстановление народного хозяйства СССР после Великой Отечественной войны // Российские и славянские исследования : сб. науч. ст. Вып. 1 / редкол. : О. А. Янковский (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2004. С. 228–232.
5. *Говоров И. В.* Государство и преступность в Советской России 1945–1953 гг. (на материалах Ленинграда и Ленинградской области) : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2004. 712 с.
6. *Лейбович О. Л.* В городе М.: очерки социальной повседневности советской провинции. 2-е изд., испр. М. : РОССПЭН, 2008. 294 с.
7. *Bodnar J.* The Transplanted: A History of Immigrants in Urban America. Bloomington : Indiana University Press, 1985. 320 p.
8. *Hoffmann D. L.* Urbanization and Social Change during Soviet Industrialization: In-Migration to Moscow, 1929–1937. Ph.D. Diss. Columbia University, 1990. 548 p.
9. *Кларк К.* Советский роман. История как ритуал. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2002. 262 с.
10. *Бабаевский С. П.* Кавалер Золотой Звезды. URL: <https://reallib.org/reader?file=9826> (дата обращения: 10.10.2023).
11. *Михайлин В. Ю.* Образ матери в советской «военной» визуальной культуре 1940-х годов и производство аффекта // Миргород. 2000. № 1 (15). С. 168–206. EDN: WGYJTB
12. *Михайлин В. Ю.* Золотое лекало судьбы: пектораль из Толстой Могилы и проблема интерпретации скифского «звериного стиля». Саратов ; СПб. : ЛИСКА, 2010. 150 с. (Труды семинара «Пространственно-магические аспекты культуры». Вып. 16).
13. *Михайлин В. Ю., Беляева Г. А.* Политический плакат: рамки восприятия и воздействия // Неприкосновенный запас. 2012. № 1 (81). С. 38–58.
14. *Микоян А. И.* Великий зодчий коммунизма. Магадан : Советская Колыма, 1950. 18 с.
15. *Сталин И. В.* Ответ на приветствия рабочих главных железнодорожных мастерских в Тифлисе 8 июня 1926 г. // Сталин И. В. Сочинения : в 16 т. Т. 8. М. : ГИПЛ, 1951. С. 173–175.

Поступила в редакцию 13.10.2023; одобрена после рецензирования 25.10.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 13.10.2023; approved after reviewing 25.10.2023; accepted for publication 10.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 70–77

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 70–77

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-70-77>, EDN: GAPPWN

Научная статья

УДК 821.161.1.09-31+929Окуджавы

Функция и миссия «маленького человека» в романе Булата Окуджавы «Бедный Авросимов»

М. А. Александрова

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Россия, 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31А

Александрова Мария Александровна, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник МНИЛ «Фундаментальные и прикладные исследования аспектов культурной идентификации», nam-s-toboi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5183-9322>

Аннотация. Рассказ Окуджавы об «изобретении» на стадии созревания замысла книги фигуры писателя поставлен в контекст высказываний писателя о декабризме, что позволяет решить несколько задач: 1) реконструировать главные творческие импульсы автора «Бедного Авросимова»; 2) обозначить специфику познавательной стратегии романиста, охватывающей мифологизированное прошлое и трагические события советской эпохи; 3) уточнить ряд конкретных функций «маленького человека», до сих пор не отмеченных исследователями романа; 4) охарактеризовать миссию «маленького человека» как лица, призванного реализовать авторскую этическую программу. Непоследовательность романиста в стилизации мышления «маленького человека» (заглавного персонажа и его психологического двойника – рассказчика) рассмотрена как средство вовлечения читателя-современника в спор о коллизиях прошлого, unanswered XX столетием. Принципиальная новизна художественно-философского решения декабристской темы в романе Окуджавы показана на примерах из литературной критики 1970-х гг., где миф о «первенцах свободы» в двух его разновидностях (официальной либо альтернативной, культивируемой вольнодумцами) препятствовал адекватному пониманию статуса «маленького человека» рядом с исторической личностью. Отмечена диалектическая взаимосвязь гражданской непримиримости Окуджавы к идеологии Пестеля, чья государственная утопия стала советской реальностью, и милосердной этики художника, сострадающего страдальцу; мотивирована закономерность избрания «маленького человека» (который сам нуждается в снисхождении) на роль проводника пушкинской заповеди *милость к падшим*. Прослежено смелое развитие в романе Окуджавы классической традиции «маленького человека», переживающего собственную драму «слабого сердца». Переключки фантазий Авросимова о спасении Пестеля со стихотворением Пушкина «Во глубине сибирских руд...» осмыслены как сублимация авторской боли о трагических судьбах декабристов.

Ключевые слова: Окуджавы, «маленький человек», Пестель, декабристский миф, Пушкин, «Во глубине сибирских руд...»

Для цитирования: Александрова М. А. Функция и миссия «маленького человека» в романе Булата Окуджавы «Бедный Авросимов» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 70–77. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-70-77>, EDN: GAPPWN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The function and mission of the “little man” in Bulat Okudzhava’s novel *Poor Avrosimov*

M. A. Aleksandrova

Linguistic University of Nizhny Novgorod, 31A Minina St., Nizhny Novgorod 603155, Russia

Maria A. Aleksandrova, nam-s-toboi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5183-9322>

Abstract. In the beginning of the article we correlate Okudzhava’s story about the creative history of his novel (“invention” of the scrivener’s image) with the writer’s statements about Decembrism, which allows us to solve the following tasks: 1) to restore the main creative impulses of the writer; 2) to characterize the formation of his cognitive strategy, which covers the mythologized past and the tragic events of the Soviet era; 3) to clarify a number of definite functions of the “little man” that have not yet been noted by the interpreters of the novel; 4) to highlight the mission of the “little man” that reveals Okudzhava’s ethical principle. We consider the artist’s inconsistency in stylizing the thinking of the “little man” (the lead character and his psychological counterpart – the narrator) as a means of involving the contemporary reader in a dispute about the conflicts of the past inherited by the 20th century. We show the fundamental novelty of the embodiment of the Decembrist theme in the mirror of the perception of literary critics of the 1970s, who remained in the grip of the myth of the first Russian revolutionaries in its two varieties (official or alternative, cultivated by freethinkers), which interfered with the proper perception of the status of the “little man” next to a historic figure. Our task is to show that the merciful ethics of the artist, compassionate to the sufferer, soften Okudzhava’s civic intransigence towards the ideology of Pestel, whose state utopia became a Soviet reality; thus, we substantiate the regularity of the election of the “little man”, who himself needs indulgence, to the role of the spokesman for Pushkin’s commandment of “mercy to the fallen”. We trace the bold development

in Okudzhava's novel of the classical tradition of the "little man" experiencing his own drama of the "weak heart". The echoes of Avrosimov's fantasies about saving Pestel with Pushkin's poem "Deep in Siberia's mines..." are comprehended in the article as a sublimation of the author's pain about the tragic fate of the Decembrists.

Keywords: Okudzhava, "little man", Pestel, Decembrist myth, Pushkin, poem "Deep in Siberia's mines..."

For citation: Aleksandrova M. A. The function and mission of the "little man" in Bulat Okudzhava's novel *Poor Avrosimov*. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 70–77 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-70-77>, EDN: GAPPWN

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Рассказ о творческой истории «Бедного Авросимова» Б. Окуджавы обычно начинал с «изобретения» фигуры писаря: «Когда я листал протоколы допросов декабристов <...>, меня поразило совершенно, что каждый лист допросов записан чудовищно неграмотно. <...> Но писарь должен был быть дворянином – в такой комиссии. Значит, я вообразил себе какого-то провинциального дворянина, <...>, чудом попавшего в этот высокий комитет в Петербурге, не умеющего толком писать, но пишущего. Вот я себе представил его – и передо мной возник образ Авросимова, и он заслонил Пестеля, и он стал главным действующим лицом романа» [1, с. 114]. Подобные формулировки лишь отчасти соответствуют реальности: с появлением Авросимова Пестель не превратился во второстепенную фигуру, роман сложился как двугеройный. Процитированный автокомментарий ценен в качестве дополнения к другим высказываниям Окуджавы.

Вскоре после публикации романа писатель выразил своё отношение к советскому культу «пламенных революционеров», определив любимцев советской исторической литературы как предмет вдохновения чужого, не способного увлечь его самого: «... продолжать исследовать их деятельность значило для меня переливать из пустого в порожнее» [2, с. 344]. Г. А. Белая приводит лаконичный отзыв Окуджавы о Пестеле, прозвучавший, по всей видимости, на встрече с читателями: «Меня испугал фанатизм этого человека и оттолкнул от него. Меня не вдохновлял а к о й героизм. Это был "не мой" герой» [3, с. 14] (разрядка принадлежит Г. А. Белой. – М. А.). В домашней беседе с кинорежиссёром Владиславом Виноградовым неприятие выражено более эмоционально: «И вот, когда я изучал эти документы, я невзлюбил Пестеля. <...> Не то что невзлюбил – не мне судить его через сто пятьдесят лет, – я вдруг увидел в нём проявление такого страшного деспотизма и фанатизма» [4, с. 78]. Отсюда понятно, что разочарование в общепризнанном Герое предвляло и мотивировало рождение вымышленного персонажа. При всём том Пестель оставался фигурой «неотменяемой», а трезвый взгляд на историческую личность по-новому сопрягал прошлое и насто-

ящее (см. об этом: [5, с. 321–323]). Писарь, материализовавшийся из безграмотных протоколов, получил ответственную роль: «Все сюжетные линии романа подчинены центральной – разгадке Пестеля Авросимовым» [6, с. 155].

Для формирования познавательной установки Окуджаве потребовалась ещё одна инстанция – безымянный рассказчик, «породственному» сочувствующий персонажу: «Иван Евдокимович Авросимов <...> не успел пронумеровать и половины объёмистой тетради, как затылком ощутил, что в комнате появились люди. Они вошли неслышно, чем немало смутили нашего героя и даже повергли его в трепет. И действительно, шутка ли сказать, но как бы вы, милостивый государь, не вздрогнули и не сжались бы, когда в комнату, где вы приспособились быть один со своим занятием, вдруг пожаловали столь знатные особы, рядом с которыми вы ничто?» [7, с. 26] (здесь и далее курсив в цитатах наш. – М. А.).

Сказовая манера, замыкающая рассказчика и Авросимова в особом, далёком от читателя мире, выдержана Окуджавой не строго. Авторский лиризм проступает в рассуждении о вечных законах человеческого сердца: «Ах, милостивый государь, она не была красива, не была! Но разве в нашей власти понять эту странность, когда не красоте мы отдаём своё сердце?» [7, с. 143]. Авторский голос вплетается в речь рассказчика, оценивающего политическую дерзновенность Пестеля: «Так, может, прав этот чёртов полковник, вознамерившийся избавить нас от вечного страха и от вечного предчувствия беды? Да, но при сем мерещилась ему кровь (вы помните?), без которой не мыслил он будущего благоденствия! Так что же лучше-то? Ах, что же лучше?..» [7, с. 223]. Тем самым чаемое Пестелем благоденствие сопрягается с хорошо знакомой советскому читателю практикой воплощения социальных утопий. В то же время автор дистанцируется от общеобязательного тезиса «дело их не пропало», доверяя «маленькому человеку» нарочито многословное рассуждение о цене прогресса, адресованное такому же, как он сам, растерянному свидетелю исторических перемен: «Я, милостивый государь, позволю себе высказать

вам свою мысль, которая давно во мне утвердилась, но которая когда возникла, волосья мои подняла дыбом. “Что же это такое? – рассуждал я по секрету. – Полковник Пестель призывал <...> рабство сломать и многим русским людям дать жить по-людски, а не по-скотски. Прав был Пестель или нет? Злодей он или пророк? *Ежели он не был прав, зачем же наш нынешний государь, я вас спрашиваю, дал народу волю?* Стало быть, Пестель был прав? Ах, милостивый государь, а ежели он прав был, ежели он прав был, за что же его так позорно казнили?” Это я открыл для себя и вам первому сообщаю по большому секрету, и тут я вижу, как вы бледнеете. Но вы погодите и слушайте дальше...» [7, с. 162].

Непоследовательность Окуджавы в стилизации мышления «маленького человека» могла восприниматься как знак «необязательности» такого рассказчика и такого персонажа в декабристском контексте. По убеждению литературного критика, искавшего в художественно-исторической прозе прежде всего воплощений ленинской революционной телеологии, провинциальный недоросль не должен был становиться свидетелем «первого этапа освободительного движения», но ещё предосудительнее склонность автора «растворяться» в рассказчике, который «плохо разбирается в политической программе декабристов» [8, с. 178, 179]. В. Гусев, будучи менее ортодоксален, тоже счёл «маленького человека» непригодным для роли свидетеля исторической трагедии. Писателю следовало выстроить художественный мир, соразмерный Пестелю, «как мы его представляем по его поведению, многим чувствам, мыслям, внешности и, наконец, просто по ситуации, в которой он “остановлен” в этом романе»; исторической теме отвечает «тот стилизованный “алгоритм”, который связан в нашем сознании с Пестелем – умным, чётким, интеллигентным и суховатым», тогда как присутствие Авросимова и его двойника-рассказчика задаёт «совершенно неуместную» тональность [9, с. 247].

О расхождении познавательных стратегий писателя и литературных критиков советской эпохи свидетельствуют даже высказывания в пользу «маленького человека». Сам принцип «непрямого» изображения исторического события А. Латынина сочла вполне правомерным, но в его реализации усмотрела некую избыточность, увлечение формой, приёмом в ущерб теме: «Дополнительный [по отношению к восприятию Авросимова] стерео-эффект возник от введения образа рассказчика – человека 60-х годов XIX века. Это была удачно найденная точка

зрения. И всё же в сложном смещении планов была, на мой взгляд, некая искусственность, изящная игра» [10, с. 11]. Напротив, по версии Е. Клепиковой, автор «Бедного Авросимова» не дал полную волю своему артистизму (что произойдёт в следующем произведении с «маленьким человеком» в качестве заглавного персонажа – «Похождениях Шипова»), поскольку творческую свободу ещё сковывал исторический факт и сам Пестель, «герой статуарный» [11, с. 36]. Б. Хотимский признавался, что «нетерпеливое желание найти в нашей прозе по возможности всеобъемлющее художественное воплощение» личности Пестеля помешало ему в своё время оценить по достоинству «Бедного Авросимова»; однако перемена мнения привела к новой односторонности: оценив творческую плодотворность обращения исторического романиста к судьбам обыкновенных («маленьких») людей, литературный критик охотно смирился с «недостаточной освещённостью образа Пестеля» в романе [12, с. 496]. Иными словами, значение «маленького человека» для воплощения исторической концепции Окуджавы не открылось доброжелательному читателю. Окуджавскую коллизию «великого» и «малого» точнее многих современников определил В. Перцовский: «великий человек» становится доступен пониманию и суду «маленького человека», чьё нравственное чувство – «надёжный критерий в оценке исторического деятеля» [13, с. 159, 160]. Впрочем, трактовка этого суда свелась к оправданию и возвеличению Пестеля. Первые истолкователи «Бедного Авросимова» пребывали «внутри» декабристского предания, не допуская самой мысли об особой позиции автора романа.

Взаимопонимание писателя и читателей осложнялось тем, что миф о «первенцах свободы» раздвоился, и за «правильное» изображение его героев ратовали участники нараставшего идеологического противостояния. Официальная версия мифа к 1970-ым гг. деградировала до степени самопародийности (см. об этом, в частности: [14, с. 262]); напротив, декабристский культ, возведённый «Завистью» (1944) Наума Коржавина, на протяжении десятилетий порождал замечательные художественные, публицистические, научно-популярные произведения [15, с. 50–51]. Ни убожество репрезентации советской исторической доктрины, ни талантливость её оппонентов и человеческая симпатия к ним не мешали Окуджаве вникать в закономерности большевистского «присвоения» декабристов. Политические декларации Пестеля убеждали

писателя в реальном родстве всех постреволюционных диктаторов: «Мне даже стало страшно, когда я подумал о том, что теория Пестеля и его линия могли бы восторжествовать. <...> Потому что я прочёл “Русскую Правду”, а там чёрным по белому написано, что мелкие народы, допустим Северного Кавказа, должны будут выселены в Сибирь. Что потом и осуществилось, кстати, Лаврентием Павловичем и Иосифом Виссарионовичем» [4, с. 80]. Такой актуализации истории в публичном высказывании препятствовали не только цензурные условия. «Полемика с “чужими” на почве истории неизменно укрепляла веру либеральной интеллигенции в собственный “проект прошлого”. Между тем рефлексия о сущности почитаемого “своими” наследия всегда требует незаурядной отваги» [15, с. 58], и поиск аргументов, способных преодолеть самозащиту приверженцев мифа, весьма труден. В конце 1960-х Окуджава только начинал этот путь; как автор «Бедного Авросимова», он формально разрешил проблему, приняв за точку отсчёта позицию несведущих, ограниченных своей «малостью» персонажа и рассказчика. Писарь, участвующий в отыскании «Русской правды», выслушивает наставления, сколь важен для следствия «сей ужасный документ» [7, с. 152]. Именно чужая оценочная формула выражает – за неимением других средств – ужас писателя перед государственной утопией Пестеля, обернувшейся реальностью XX столетия. Итак, предпосылки выбора фигуры исторического свидетеля, избавляющей автора от необходимости справляться с нерешаемой задачей, были весьма драматичны, и вынужденный компромисс оставил след в поэтике романа. А. Федута справедливо замечает, что само обращение к типу «маленького человека» характеризует социально-историческое самочувствие автора: оба претерпевают давление времени, живя «в схожую по степени возможностей эпоху» [16, с. 592].

С другой стороны, «маленький человек» в эпицентре трагедии декабризма – творческое решение, которое обеспечивало автору особого рода свободу. Убеждения Пестеля были неприемлемы для Окуджавы-гражданина, но его художническая этика неизменно милосердна. Отказав потенциальному диктатору в идейной солидарности, обвинив его от лица жертв другой эпохи, писатель не мог не сострадать страдальцу. Исполнение гуманистической миссии естественным образом принимает на себя «маленький человек» – тот, кто сам нуждается в снисхождении.

Принципиально новая ситуация вырастает непосредственно из классической традиции. Вынесенный в название книги эпитет *бедный* напоминает о художественном мире Достоевского, где слово из арсенала сентиментализма обнаружило смысловые «бездны» [17, с. 48], а чувствительность предстала спутницей социальной уязвимости – драмой «слабого сердца» (о диалоге Окуджавы с Достоевским см.: [18, с. 29–39]). В присутствии чиновного «ослепительного воинства» [7, с. 29] писарь то впадает в оцепенение, то переживает странное томление духа: «Авросимов был доволен собой, <...> *ощущая себя приобщённым к важному делу*, хотя в темечке всё что-то ныло едва-едва, *словно бы кто стоял сзади молча*» [7, с. 35]. Растерянность провинциала в столице дополнительно (тоже достаточно традиционно) мотивирует уязвимость персонажа. Простодушие взрослого дитяти и деревенское, усадебное здоровье Авросимова – всё подчеркивает страдательное положение «маленького человека»:

«— Ваше сиятельство, – взмолился он, коченея на ветру, – велите мне исполнить, что вашей душе угодно будет! Я всё могу. Я только этих разговоров не могу выдержать, как они меня подминают, ваше сиятельство!

— Да ты что? – спохватился граф. — Эк его трясёт. *Такой медведь, а стонешь*» [7, с. 164].

В диалог с Пестелем «маленький человек» вовлекается словно бы невольно, вопреки своей благонамеренности: «Господи, как это прекрасно придумано, что человеку непричастному можно дышать свободно, что есть судья, который всё видит, всё знает и ни в чём его не собьёшь. *Ведь могло бы случиться так, что он, Иван Авросимов, ходил бы, влача цепи на ногах...* ан не случилось. <...> Куда вели злодея [Пестеля], Авросимов не понял, <...> но он ещё раз радостно вздохнул, будто только что *сам вырвался на свободу*, да к тому же перестал семенить и голову вскинул, *чтобы уж никак не было сходства, чтобы лишний раз для самого себя хотя бы почувствовать пропасть меж собой и им...*» [7, с. 28]. Пропасть, разделяющая писаря и злодея, который упорно отрицает свою причастность к заговору («никогда, ничего, никому, нигде» [7, с. 35]), исчезает в кошмарном сне Авросимова, где он сам призван к ответу:

«— Где, когда, для чего, с кем?

И Авросимов, оказалось, сидел перед ним [графом Татищевым] в Пестелевом кресле с

голубыми протёртыми подлокотниками и никак не мог решить, на какой вопрос отвечать сперва: “С кем?” – или: “Для чего?”

И в тот самый миг, когда он, обливаясь потом, полный ужаса, решил всё же на первый, какой-то бес его обуял вдруг, и он выговорил одним духом:

– Нигде, никогда, ни с кем, никуда...» [7, с. 45].

Приснившийся допрос – проекция странных отношений Авросимова с графом, который то ободряет подчинённого, то мучает его насмешками и подозрениями; в то же время сон дублирует «игру» следствия с декабристами. «Маленький человек» не только буквально вторит Пестелю, но впоследствии даже «подменяет» его собой: «“Кабы я был на его месте, – подумал наш герой, – я бы не упорствовал, не гордился бы, я бы государю в ноги упал”. Авросимов явственно увидел себя самого, одетого в полковничий мундир, и как он валится в ноги царю: “Помилуйте, ваше величество!” Но царь глядит на него с недоверием, поджав губы» [7, с. 160].

Черты внешнего облика Авросимова и Пестеля возводятся в символ. Один – «рыжий великан» с деревенским румянцем на щеках, единственное живое лицо среди обступивших Пестеля «белых морщинистых масок» дознавателей-судей: «У него хоть щёки розовые, не в пример этим. На него хоть смотреть можно...» [7, с. 37]. Другой своей бледностью, пронзительными глазами, осанкой, ростом и жестами похож на Бонапарта; иначе говоря, он олицетворяет власть над душами, чью силу «маленький человек» чувствует особенно остро: «Пестель скрестил привычно руки на груди, словно забыв, что он – пленник. “А кабы он стал государем?” – подумал наш герой, исподтишка разглядывая Пестеля, и вздрогнул: Павел Иванович смотрел на него тяжёлым взглядом, напоминая Бонапарта с известной литографии» [7, с. 72]. Но Пестель – Бонапарт после Ватерлоо [19, с. 74–75], пленный во власти победителей. Отсюда парадоксальное развитие портретной символики. Однажды Авросимов видит «страшного человека, который решился потягаться с государем», в каземате:

«На что надеялся гордец, возомнивший о себе бог знает что? Друзья от него отворотились, их сиятельство его боится, а раз боится, стало быть, сотрёт. Авросимову он душу возмутил <...>. Зачем же?!

Как он шагнул вперёд, наклонив голову, словно расшвырявшийся бык – на красное, он и не помнил. Это была свирепость от горя и испуга, и боль клокотала в этом неопытном теле, когда

он взмахнул рукой, так что железная кружка отскочила прочь, как безумная, и затарахтела по каменному полу в тишине.

Можно было подумать, что наш герой сейчас обрушится на пленника и задавит, но тарыхтение злополучной кружки вдруг отрезвило его, и он замер.

Павел Иванович глядел на него вполборота. Вдруг он легче тени скользнул с табурета, поднял кружку, подал её нашему герою, а сам покорно воротился на своё прежнее место.

Ах, как бы вам, милостивый государь, увидеть это! Увидеть, как злодей, имеющий даже сходство с французским узурпатором, сгибался над тюремной кружкой и подносил её как бы даже с поклоном нашему герою, оцепеневшему в своей неожиданной роли. <...>

– Господин полковник, – сказал Авросимов, – извольте принять опросные листы.

Павел Иванович с тою же поспешностью, что и прежде, выхватил папку с бумагами из рук нашего героя и зашуршал листами <...>.

Авросимову показался он ещё ниже, чем в Комитете, <...> и нелепая эта фигура вызывала больше сожаления, нежели гнева» [7, с. 158–159].

Наполеоновский рост Пестеля оборачивается «малостью» совсем иного свойства – слабостью любого человека перед государственной машиной; русский Бонапарт словно бы меняется статусом с Авросимовым-великаном. Хотя малейший среди представителей власти даже не подозревает о своём угрожающем виде, в его присутствии арестант характерным образом умалется: торопливо, спеша оправдаться, вносит поправки в заполненные листы показаний.

В речах рассказчика слабость предстаёт универсальным человеческим свойством: «Ах, сколько соблазнов нас подкарауливает на пути нашем! И мы только тем и отличаемся один от другого: поддались или не успели» [7, с. 150]. Для наблюдающего машину следствия в действии («А ежели безвинным пасть под неё?...» [7, с. 223]) всё более зыбкой становится граница, разделяющая участников трагедии: «И снова нашему герою показалось, что это он, Авросимов, не сделавший никому никакого зла, и есть узник» [7, с. 203]. Юнец, переживающий «сердечное кипение, всякие планы, эдакий взлёт душевный», и в то же время обречённый на «страдания, зависимость и страхи» [7, с. 155], ощущает родство с подпоручиком Николаем Заикиным. Вызавшись указать место сокрытия «Русской правды», тот на глазах Авросимова пережил «чудо падения от страстного взлёта в бездну, от самопожертвования к рыданиям и страху» [7, с. 199].

Неблагообразная фамилия реального участника Южного общества, противоречащая утончённому облику юного офицера [7, с. 150], сделана в романе «говорящей»: «бедный мальчик-подпоручик» [7, с. 183], «мальчик этот несчастный» [7, с. 188] «запнулся» на пути к идеальной цели. Его судьбу повторяет младший брат – *подпоручик Фединька Заикин*. Так окончательно соединяются намеченные ранее мотивы малости, слабости и детскости. К *несчастливым мальчикам* влечётся душа *бедного Авросимова*, взрослого ребёнка. Но и Пестеля в крепости тревожат воспоминания о «больших детских глазах» князя Трубецкого [7, с. 71], о «худенькой руке» Евгения Оболенского [7, с. 161].

Когда подпоручик, «слабый друг [полковника] затерялся прочь» от «соблазнителя» [7, с. 203], сострадательный Авросимов занял опустевшее место. Воображаемая им беседа переиницирует трагическую исповедь Заикина о моральной капитуляции перед проповедником «точной науки» революции [7, с. 203]. Математический холод отвлечённого ума Пестеля и «машинное» действие его сильной воли [7, с. 203] сменяются теплом человечности, высокомерная ирония вождя – сердечным юмором старшего друга:

«И тут он увидел себя синеглазым поручиком, легко взбежавшим по дрогнувшим ступеням на малороссийское крыльцо, и шпоры его зазвенели, словно это и в самом деле было, <...> когда-то, когда он ехал через Малороссию и <...> докатился до Линцов, где проживал тогда полковник <...>».

<...> Павел Иванович, будучи в расположении, сказал доверительно:

– Вот вы скачете, скачете, пот у вас струится, и щёки у вас пунцовеют, как у барышень, а в глазах – одно дилетантство. Заранее предвижу каждый ваш жест... Вам боязно, да стыдно признаться...

– Хитрец вы, Павел Иванович, – засмеялся Авросимов и погрозил полковнику пальцем, – меня поддеть хотите, да я не дам. Вы отменный соблазнитель. А у вас щёчки-то, глядите, какие пунцовые у самого-то...

– Это на деревенском воздухе, – вдруг смутился Пестель» [7, с. 235–236].

Взаимное поддразнивание снимает с Пестеля вину за идеологическое соблазнение *малых сих*, а новый виток символизации внешнего облика в очередной раз сближает антиподов.

Пребывая одновременно в прошлом и настоящем, фантазёр-дилетант получает преимуще-

ство перед логиком-профессионалом. Из жалости к обречённому *поручик Авросимов* раз за разом подтверждает всё, что Пестель хочет услышать:

«– Скажите мне, господин поручик, насколько верите вы в успех нашего предприятия?

– *Верю, верю*, – *слишком поспешно* откликнулся наш герой, *словно от его ответа всё и зависело*. <...>

– <...> Вы верите, что всё сложится удачно?

– Да, – сказал Авросимов, *не веря*, то есть не то что не веря, а уже *зная* о сем...» [7, с. 236, 237].

Не в силах изменить общий ход событий, Авросимов принимает на себя ответственность за судьбу *несчастливого полковника*. Фантазии об устройстве побега Пестеля из каземата Петропавловской крепости разрастаются, порождая сначала загадочного помощника Филимонова, затем всё новых заговорщиков и сочувствующих, чья активность начинает пугать самого «спасителя». Этот гротескный фон оттеняет патетическую кульминацию фантазий. В эпизоде, оформленном как стихотворение в прозе, отсылающем к важнейшей репрезентации декабристского мифа – пушкинскому «Во глубине сибирских руд...», смысл миссии окуджавского «маленького человека» раскрывается с предельной полнотой.

Один вид крепости, которая особенно страшна в ночи, перечёркивает все планы и расчёты Авросимова, вынуждая его уповать на чудо: «Как же всё это должно свершиться? Как же будет он уходить от сих стен, сквозь решётки, через штыки? <...> Или действительно есть Филимонов, которому всё нипочем? Или воистину весь Петербург только этим и дышит, вздымая свою большую грудь, и будет так, что все, крича и ликуя, хлынут на эту стену, так что она рухнет, и полковник, пожелтевший от раздумий и боли, выкарабкается из-под развалин, чтобы упасть людям на руки?» [7, с. 253]. Ожидание общего ликования, переданное серией нетерпеливых вопросов, – параллель к призыванию радости в пушкинском стихотворении, а образ рухнувшей стены непосредственно восходит к финальной метафоре *темницы рухнут*; сравним:

...Придёт желанная пора:
Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут – и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут [20, с. 49].

В своём понимании пушкинского стихотворения Окуджавы не зависел ни от известных ему поэтических прочтений классического текста, ни от трактовок советских литературоведов (см. об этом: [21, с. 114–116]). Об утопии концепции «Во глубине сибирских руд...», имеющей опору в романтической эстетике чудесного и христианской этике, впервые будет написано в 1990-е гг. В. М. Марковичем: «Как только названы силы, способные преодолеть то, что разъединяет и сковывает людей (такими силами оказывается любовь, дружба и поэтическое творчество), немедленно проявляется вера в расторжение оков, крушение темниц, радостную встречу со свободой, в торжество справедливости и человеческого братства. <...> Объяснение <...> отсутствует: непонятно, как смогут воздействовать “любовь и дружба” (или “свободный глас” поэта) на общественную жизнь, как вызовут они в ней глубочайшие перемены. Но в самом интонационном звучании текста <...> ощущается абсолютная уверенность в том, что это произойдёт непременно» [22, с. 73].

С пушкинской утопией резонирует лирика Окуджавы, где событие чуда становится возможным благодаря романтическому двоемирию [23]. «Несчастью верная сестра, // Надежда» [20, с. 49] воскресает в окуджавской персонификации Надежды: «Ты наша сестра...» [24, с. 359] (см. об этом подробнее: [21, с. 120]). Но в «Бедном Авросимове» упование на чудо, сохраняющее связь с авторским сознанием, корректируется и «законом вечной прозы» [24, с. 336], и специфической психологией «маленького человека»: его мечтательность, визионерство расцветает на почве бессилия перед Историей. Пушкинский утопизм, понятый Окуджавой столь глубоко, не может быть унаследован.

Сибирское послание – ободряющий *свободный глас* поэта, доносящийся в *каторжные норы*. В романе Окуджавы из-за тюремных стен вызывает узник, который совсем не похож на *хранящих гордое терпенье*: «Кто призывал к себе нашего героя? Кто это там, где-то, на него надеялся? Чья обессиленная душа, запутавшись в сомнениях и страхе, нуждалась в нём так отчаянно и горячо?» [7, с. 185]. У Пушкина субъекты действия – сами чувства *любви и дружества*, причём развитие темы свободы «акцентирует отсутствие конкретного представления о происходящем» [22, с. 71–72]. Именно метафоричность речи даёт возможность пережить радость здесь и сейчас, предвосхитив освобождение. Напротив, окуджавский мечтатель пытается понять: «Как же всё это должно свершиться?»

Буквализация метафоры *темницы рухнут* («все, крича и ликуя, хлынут на эту стену...» [7, с. 253]), конкретность фантастического действия означает заведомую несбыточность желанного события. Если Пушкин лирическим усилием разрешает современную, длящуюся драму, то автор «Бедного Авросимова» имеет дело с исторической реальностью, которая так и не оправдала надежд на преображающее мир торжество *любви и дружества*. Иллюзии разоблачаются самым образным строем мечтаний «маленького человека». Позволяя персонажу мечтать о невозможном, автор сублимирует собственную боль.

Смелая разработка классического литературного типа в «Бедном Авросимове» заложила основы окуджавской антропологии: «маленький человек» станет сквозной метафорой слабости в поединке с историей и олицетворением самой человечности. Понимая *бедность* как заведомое несовершенство *малых сих*, а переживание собственного несовершенства – как условие гуманного отношения к другим, Окуджавы навсегда отдаст «маленькому человеку» привилегию на *милость к падшим*.

Список литературы

1. Окуджавы Б. «Я никому ничего не навязывал...» [Ответы на записки во время публич. выступл. 1961–1995 гг.] / сост. А. Петраков. М. : Кн. маг. «Москва», 1997. 288 с. (Библиотека «Ваганта», вып. № 205–213).
2. [Окуджавы Б.]. Русские писатели в журнале «Secul 20». Булат Окуджавы [о романе «Бедный Авросимов»] // Вопросы литературы. 2007. № 1. С. 344–346.
3. Белая Г. А. Булат Окуджавы, время и мы // Окуджавы Б. Избранные произведения : в 2 т. Т. 1. М. : Современник, 1989. С. 3–24.
4. Виноградов В. Монолог Мастера о декабристах // Голос надежды: Новое о Булате. Вып. 6 / сост. А. Крылов. М. : Булат, 2009. С. 76–83.
5. Александрова М. А. Пестель vs. Пестель: трагедия Л. Зорина «Декабристы» и роман Б. Окуджавы «Бедный Авросимов» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 320–329. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-320-329>
6. Дронова Т. И. История глазами художника (Источник и его осмысление в романе Б. Окуджавы «Бедный Авросимов») // Очерки по истории культуры : науч. сб. / редкол. : В. В. Пугачев (отв. ред.) [и др.]. Саратов : Изд. центр Саратовского экономического ин-та, 1994. С. 152–170.
7. Окуджавы Б. Бедный Авросимов // Окуджавы Б. Избранные произведения : в 2 т. Т. 1. М. : Современник, 1989. С. 25–264.

8. Левкович Я. Восстание декабристов в советской художественной прозе // Русская литература. 1975. № 4. С. 167–179.
9. Гусев В. Герой и стиль. М. : Художественная литература, 1983. 286 с.
10. Латынина А. «Частный человек» в истории // Литературное обозрение. 1978. № 5. С. 10–15.
11. Клепикова Е. Доказательство от обратного // Литературное обозрение. 1976. № 4. С. 35–37.
12. Хотимский Б. Поэт приходит в прозу // Окуджавы Б. Избранная проза. М. : Известия, 1979. С. 494–505.
13. Перцовский В. Нравственный поиск исторической прозы // Сибирские огни. 1975. № 1. С. 152–165.
14. Александрова М. А. Советская критика об исторической прозе Б. Ш. Окуджавы: перевёрнутая страница? // Забытые и «второстепенные» критики и филологи XIX–XX веков : материалы науч. конф. «Пятое Майминские чтения» (Псков, 14–17 ноября 2004 г.) / [редкол. : Н. Л. Вершинина (отв. ред.) [и др.]. Псков : ПГПУ им. С. М. Кирова, 2005. С. 259–267.
15. Александрова М. А. Творчество Булата Окуджавы и миф о «золотом веке». М. : Флинта, 2021. 592 с.
16. Федута А. Реинкарнация Башмачкина (Маленький человек как свидетель истории) // Сборник Матице Српске за славистику. Књ. 92. Нови Сад, Србије, 2017. С. 585–595.
17. Зорин А. Л., Немзер А. С. Парадоксы чувствительности: Н. М. Карамзин «Бедная Лиза» // «Столетия не сотрут...»: Русские классики и их читатели : сб. М. : Книга, 1989. С. 7–54. (Судьбы книг).
18. Александрова М. А. «Маленький человек» в романе Булата Окуджавы «Бедный Авросимов»: диалог с Ф. М. Достоевским // Швейцарские тетради. Вып. 11. Нижний Новгород : НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2021. С. 29–39.
19. Дронова Т. И. О символистской традиции в исторической прозе Б. Окуджавы: диалог с Д. Мережковским в романе «Бедный Авросимов» // Античный мир и мы. Вып. 6. Материалы и тезисы конференции (Саратов, 22–23 апр. 1999 г.). Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 2000. С. 71–78.
20. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 16 т. Т. 3, кн. 1. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. 635 с.
21. Александрова М. А. «Оковы тяжкие падут, темницы рухнут...»: пушкинская поэтическая утопия в рецепции Булата Окуджавы // Болдинские чтения. Нижний Новгород : ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2021. С. 114–124.
22. Маркович В. М. Чудесное в интимной и политической лирике Пушкина (К проблеме: Пушкин и русский утопизм) // Маркович В. М. Пушкин и Лермонтов в истории русской литературы: Статьи разных лет. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1997. С. 66–94.
23. Александрова М. А. «Чудесный случай» в лирике Булата Окуджавы // Случай и случайность в литературе и жизни : материалы конференции (Пушкинские горы, 6–10 июля 2005 г.). СПб. : Пушкинский проект, 2006. С. 183–197.
24. Окуджавы Б. Стихотворения. СПб. : Академический проект, 2001. (Новая библиотека поэта).

Поступила в редакцию 18.09.2023; одобрена после рецензирования 22.10.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 18.09.2023; approved after reviewing 22.10.2023; accepted for publication 10.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 78–84

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 78–84

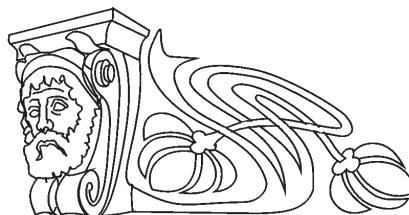
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-78-84>, EDN: GGONGU

Научная статья

821.161.1'25(510)+929Солженицын

Перевод творчества Солженицына в режиме «внутреннего распространения» в Китае (1960–1980 гг.)

Чжоу Лулу

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Чжоу Лулу, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, 1991310487@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-7147-1374>

Аннотация. В Китае интерес к творчеству А. И. Солженицына возник вскоре после публикации его повести «Один день Ивана Денисовича» в журнале «Новый мир» с разрешения Н. С. Хрущева в 1962 г., что сразу привлекло внимание китайских литературных кругов. Однако первоначальный интерес к Солженицыну был связан с политической ситуацией в Китае того времени. Период с 1960-х по 1980-е гг. можно считать начальным этапом перевода творчества писателя. Почти все переведенные в эти годы произведения были с пометой «внутреннее распространение». Цель настоящей работы заключается в том, чтобы выявить особенности истории перевода и публикаций творчества А. И. Солженицына в режиме «внутреннего распространения» с китайской спецификой. В ходе исследования впервые устанавливается связь между системой выпуска печатной продукции в 1960–1980-х гг. в Китае и процессом перевода произведений русского писателя, что определяет научную новизну данной работы. Особое внимание автор уделяет анализу исторического фона реализации режима «внутреннего распространения» в Китае. Реализация такого режима в 1960–1980-е гг. была неотделима от социального, политического и культурного контекста того времени. Знание контекста и исторических предпосылок данного явления поможет не только понять исторические условия перевода произведений Солженицына в данный период, но и прояснить общую картину принятия писателя в Китае. В процессе исследования выявлено, что ярлык «внутреннее распространение» долгое время влиял на восприятие творчества Солженицына китайской аудиторией, порождая критическое, отрицательное отношение к самому писателю и его произведениям. Но с исчезновением идеологического давления в 1990-е гг. в китайской научной среде начинается рациональное исследование творчества А. И. Солженицына и оценивание его именно с точки зрения литературного наследия.

Ключевые слова: А. И. Солженицын, перевод в Китае, «внутреннее распространение»

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке Китайского совета по стипендиям в рамках программы «Стипендия Правительства КНР и РФ», № 202108370082.

Для цитирования: Чжоу Лулу. Перевод творчества Солженицына в режиме «внутреннего распространения» в Китае (1960–1980 гг.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 78–84. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-78-84>, EDN: GGONGU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Translation of Solzhenitsyn's work in the mode of "internal distribution" in China (1960–1980)

Zhou Lulu

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow 117198, Russia

Zhou Lulu, 1991310487@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-7147-1374>

Abstract. In China, the interest to the work of A. I. Solzhenitsyn arose soon after the publication of his story *One Day in the Life of Ivan Denisovich* in the journal *New World* with the permission of N. S. Khrushchev in 1962, which immediately attracted the attention of Chinese literary circles. However, the initial interest in Solzhenitsyn was connected with the political situation in China at that time. The period from the 1960s to the 1980s can be considered the initial stage of the translation of the writer's work. Almost all the works translated during these years were marked by "internal distribution". The purpose of this paper is to identify the features of the history of translation and publication of A. I. Solzhenitsyn's work in the "internal distribution" mode with Chinese characteristics. In the course of the research, for the first time, a connection is established between the system of production of printed materials in the 1960–1980s in China and the process of translating the works of the Russian writer, which determines the scientific novelty of this work. The author of the article pays special attention to the analysis of the historical background of the implementation of the "internal distribution" regime in China. The implementation of such a regime in the 1960–1980s was inseparable from the social, political and cultural context of the time. Knowledge of the context and historical background of this phenomenon will help not only to understand the historical conditions for the translation of Solzhenitsyn's works during this period, but also to clarify the general picture

of the acceptance of the writer in China. The study reveals that the label “internal distribution” for a long time influenced the perception of Solzhenitsyn’s work by the Chinese audience, giving rise to a critical, negative attitude towards the writer himself and his works. However, with the disappearance of ideological pressure in the 1990s, a rational study of the work of A.I. Solzhenitsyn begins in the Chinese scientific community and it is evaluated precisely from the point of view of the literary heritage.

Keywords: A. I. Solzhenitsyn, translation in China, “internal distribution”

Acknowledgments: The work was financially supported by the China Council for Scholarships under the program “Scholarship of the Government of the PRC and the Russian Federation”, No. 202108370082.

For citation: Zhou Lulu. Translation of Solzhenitsyn’s work in the mode of “internal distribution” in China (1960–1980). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 78–84 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-78-84>, EDN: GGONGU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

А. И. Солженицын – сложная фигура в современной России, внесшая значительный вклад в развитие русской литературы и идеи. Во время СССР писатель пережил сталинские тюрьмы, лагерь и ссылку, что побудило литератора создать ряд произведений, отражающих социальную реальность того времени. В 1974 г. он был изгнан из родной страны. После распада СССР Солженицын был признан писателем-патриотом, ему вернули гражданство, и он пользовался высокой репутацией в России.

Соответственно, принятие Солженицына в Китае тоже проходило очень непросто. В 1960–1980-е гг. в связи с изменением китайско-советских отношений, идеологическим конфликтом, внутрисполитической ситуацией в Китае и другими причинами китайские академические круги отрицательно и критично отнеслись к русскому писателю. После 1980-х гг., с ослаблением влияния вышеуказанных внешних факторов, ученые все больше и больше осознают литературную ценность и историческую значимость творчества Солженицына, их отношение к литератору изменилось на более позитивное.

Многие ученые чутко уловили это изменение и подвели итоги восприятия творчества Солженицына в Китае. Так, профессор Пекинского университета Жэнь Гуансюань обобщает общую ситуацию перевода и исследования творчества Солженицына в китайской критике с 1960 по 2000 г. Автор различает Солженицына-политика и Солженицына-писателя и считает, что нужно по-разному оценивать эти две стороны его натуры [1]. На основе анализа репрезентативных статей, публикаций китайских ученых и критиков Е. В. Белопольская и Шао Тин показывают картину непростого вхождения русского писателя в китайскую культуру, обозначают имеющиеся подходы и обобщения китайских русистов о Солженицыне [2]. Исследователь Китайской академии общественных наук Чжан Сяочан рассматривает процесс продвижения книг литератора в Китае, начиная с

первого перевода на китайский язык рассказа «Одни день Ивана Денисовича» (1963 г.), также останавливается на литературоведческих трудах и биографических материалах о Солженицыне, вышедших в Поднебесной в последнее десятилетие [3]. Переводчик и исследователь Чэнь Шусянь в статье вспоминает процесс переводов трех очерков Солженицына и трудности, встречающие во время перевода [4]. Профессор Фуданьского университета Ли Синьмэй рассматривает перевод, исследование и восприятие творчества писателя в КНР и приходит к выводу о том, что внимание китайских исследователей переключается с биографических разысканий на литературоведческую рецепцию прозы писателя, а само восприятие его творчества в Китае меняется от отрицательного к положительному [5]. Русисты Би Цзюньжу и Ли Мэнлун на основе данных из Национальной базы знаний Китая анализируют состояния исследований художественных произведений Солженицына в Китае с 1979 по 2021 г. и выделяют три периода издания и восприятия творчества писателя [6].

Заметим, что процесс перевода произведений русского писателя на начальном этапе (1960–1980 гг.) в Китае не привлекает достаточного внимания ученых. В этот период почти на всех обложках переведенных книг Солженицына было напечатано «внутреннее распространение». «Внутреннее распространение» является продуктом особого исторического периода в Китае, который сильно повлиял на распространение и восприятие ряда выдающихся русских произведений, в том числе и творчества Солженицына. В данной статье мы попытаемся объяснить связь между пометой «внутреннее распространение» и процессом перевода произведений русского писателя в 1960–1980 гг. в Китае. Этим обусловлена новизна данного исследования.

Еще в 1962 г. имя Солженицына уже вошло в поле зрения китайцев. Газета того времени «Справочное известие» кратко сообщала

об опубликованном и готовящемся к изданию произведении писателя и отношении к данному событию Н. С. Хрущева. После этого в Китае начали переводить тексты Солженицына. В период с 1960-х до начала 1980-х гг. были переведены и изданы «Один день Ивана Денисовича», «Сборник рассказов Солженицына», «Раковый корпус», «Письмо вождям Советского Союза», «Речь А. И. Солженицына в Вашингтоне» и «Архипелаг ГУЛАГ». Первоначально все произведения, кроме «Ракового корпуса», выходили с пометой «внутренний материал» или «внутреннее распространение». Этот «ярлык» долгое время влиял на восприятие произведений Солженицына в Китае.

Для того чтобы понять, как и в какой степени это влияние сказалось на восприятии творчества Солженицына китайской аудиторией, необходимо выяснить, что подразумевается под «внутренним распространением». «Внутреннее распространение» – это способ выпуска книг, отличный от «публичного распространения». «Книги для внутреннего распространения – это публикации, которые имеют определенную исследовательскую ценность в конкретных областях, но не подходят для публичного распространения и доступны лишь избранной группе читателей» [7, с. 96]. Из этого определения можно понять, что целью такого выпуска печатной продукции является ограничение тиража публикаций в определенном диапазоне, чтобы снизить потенциальные риски.

«Внутреннее распространение» существовало еще до основания Нового Китая, но частым это явление стало в начале 1960-х гг. Внедрение такой системы публикаций было тесно связано с изменением советско-китайских отношений и с социально-политической ситуацией в Китае. Изучение исторического фона реализации режима «внутреннего распространения» даст возможность разобраться в причинах и специфике перевода творчества Солженицына в Китае в 1960–1980-е гг.

1. «Внутреннее распространение» и перевод произведений Солженицына в 1960–1970-е гг.

Режим «внутреннего распространения» тесно связан с системой цензуры импортной печатной продукции. В первые годы создания Китайской Народной Республики новорожденная страна столкнулась со сложной внутренней и международной обстановкой. С одной стороны, реакционные силы внутри страны угрожали новой народной власти, а с другой – западные

капиталистические страны ввели эмбарго в отношении Китая. В целях предотвращения влияния «вредной» западной идеологии и культуры, Китай строго ограничивает распространение книг, отражающих идеологию, социальное мышление и культуру западных стран.

В отличие от строгих ограничений на распространение книг Запада, с 1949 по конец 1953 г. в Китае было переведено и издано более 5000 советских книг, причем их доля во всех иноязычных переводах росла с каждым годом: с октября 1949 г. по декабрь 1950 г. – 64,0%; в 1951 г. – 77,2%; в 1953 г. – 87,1% [8, с. 32]. Но с ухудшением китайско-советских отношений объект книжной цензуры изменился: произошел переход от ограничения, касающегося в основном книг западных капиталистических стран, к ограничению в отношении советских изданий.

После XX съезда Коммунистической партии Советского Союза в 1956 г. между китайской и советской партиями возникли серьезные разногласия по ряду важных политических вопросов. КПК считала, что КПСС предала основные принципы марксизма-ленинизма и встала на путь ревизионизма. После 1960 г. идеологические разногласия между двумя партиями распространились на государственные отношения, советско-китайская полемика перешла от внутренней к открытой [9], и в Китае начали открыто критиковать современный ревизионизм, опираясь на печатные издания.

Чтобы удовлетворить потребности антиревизионистской борьбы ЦК КПК и дать достойный ответ в рамках китайско-советской полемики, в Китае начали печатать большое количество книг против современного ревизионизма в формате «внутреннего распространения». Эти книги считались «вредными» и «токсичными», но для написания глубоких статей против ревизионизма необходимо было их переводить и издавать только для конкретных читателей.

Самыми известными категориями книг «внутреннего распространения» были «Серая книга» и «Желтая книга». В контексте международной борьбы того времени по указанию Отдела пропаганды ЦК КПК некоторые издательства переводили и издавали ряд книг так называемых старых и новых ревизионистов и оппортунистов. Обложки этих книг были сделаны из серой бумаги и их стали называть «серыми книгами». В то же время издательство «Народная литература» в соответствии с теми же потребностями «борьбы» выпустило ряд зарубежных литературных произведений так называемого ревизионистского

идеологического направления. Обложки этих книг были сделаны из желтой бумаги, и их обычно называли «желтыми книгами». Большую часть «желтых книг» составляли советские современные литературные произведения, особое внимание уделялось изданиям, которые восхвалялись или критиковались в Советском Союзе того времени, отражающим жестокость войны, буржуазный гуманизм и возражения против культа личности. Переведенные в этот период произведения Солженицына также относятся к категории «желтых книг» и издаются в режиме «внутреннего распространения» [10].

Именно на таком антиимпериалистическом и антиревизионистском историческом фоне повесть Солженицына «Один день Ивана Денисовича», опубликованная в «Новом мире» в 1962 г. с личного одобрения Хрущева, сразу привлекла внимание китайцев и попала в перечень изданий для «внутреннего распространения». В феврале 1963 г., т. е. через четыре месяца после публикации в Советском Союзе, это сенсационное произведение было переведено и издано издательством «Писатели». Китайское академическое сообщество так оперативно и быстро осуществило перевод этой книги, вероятно, потому, что в контексте китайско-советской полемики перевод произведения Солженицына стал не столько литературной задачей, сколько политической. Перевод вышел под именем Сы Жэня, но на самом деле это была коллективная работа. В действительности над переводом работали четверо переводчиков: Цао Сулин, Чен Сяомань, Ван Цзясян и Чэн Дайси. В эпоху господства идеологии коллективный перевод без указания реальных имен был распространенным явлением, с одной стороны, это обеспечивало своевременность перевода, а с другой – снижало политические риски.

В 1964 г. был издан «Сборник рассказов Солженицына» (пер. Сунь Гуанин), в который вошли «Случай на станции Кочетовка», «Матренин двор» и «Для пользы дела». Послесловие к переводу отражало черты той эпохи и односторонность взглядов переводчика. По мнению переводчика, Солженицын стоит на стороне «ревизионистской группы». В то время рассказы «Матренин двор» и «Для пользы дела» в советском обществе подвергались скорее критике, чем похвале. Анализируя причины такого явления, Сунь Гуанин пишет: «Кажется, Солженицын изначально намеревался изобразить одну замученную работницу для нападок на аграрную политику сталинской эпохи и завоевания

расположения ревизионистской группы, но в результате описание сельской местности и персонажи, созданные в произведении, не нашли соответствия вкусам ревизионистской группы <...>, и автор подвергся критике». [11, с. 219]. В этом небольшом послесловии неоднократно встречаем слова «ревизионизм» и «ревизионистская группа», что свидетельствует о «восторженной» атмосфере антиревизионистской борьбы того времени в Китае. В конце переводчик объясняет цель перевода: «После публикации “Одного дня Ивана Денисовича” Солженицын стал яркой фигурой в советских литературных кругах. Каждое его произведение привлекает большое внимание <...> В целях дальнейшего изучения этих отрицательных материалов издательство “Мировая литература” составило данный сборник» [11, с. 221].

Таким образом, переводы повести «Один день Ивана Денисовича» и «Сборника рассказов Солженицына», изданные в формате «внутреннего распространения» в начале 1960-х гг., ознаменовали начало восприятия писателя в Китае.

В первой половине 1966 г. началась Культурная революция. Все работы издательства были приостановлены, в том числе и «внутреннее распространение». За десятилетие потрясений и время застоя Солженицын и его произведения постепенно исчезли из открытого поля зрения читателей, переводы его произведений также прекратились.

2. «Внутреннее распространение» и перевод произведений Солженицына в 1980-е гг.

После окончания Культурной революции, на Третьем пленуме ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г. было принято решение о проведении политики реформ и открытости. В то время произошли большие изменения в международной и внутренней ситуации, китайский народ был очень обеспокоен и стремился ознакомиться с ситуацией, существующей во внешнем мире, особенный интерес вызвала новая ситуация в знаниях, сложившаяся за последние 20–30 лет после Второй мировой войны.

При этой новой ситуации открылись новые возможности для перевода произведений Солженицына. В июне 1980 г. Пекинское издательство иностранных языков издало «Сборник статей советских диссидентов» (для внутреннего распространения), в который были включены «Письмо вождям Советского Союза» (пер. Хань Вэй) и «Речь А. И. Солженицына в Вашингтоне» (пер. Чжэн Юэхуа). В предисловии ученый Линь Ин знакомит читателей с представительными

фигурами советских диссидентских фракций и их основными взглядами. Представляя Солженицына, исследователь упоминает об «оппозиции писателя марксизму-ленинизму, коммунизму и социализму» и его «полное отрицание Ленина и Сталина» [12, с. 13]. Также исследователь подчеркивает, что в отношении экономических вопросов Солженицын «абсурдно утверждал, что главная опасность исходит из Китая» [12, с. 13]. Перевод и публикация этих двух работ вызвали у китайских исследователей отрицание и критику Солженицына на долгое время. Основная причина такого положения дел заключалась в антикоммунистической позиции Солженицына и его недружественном отношении к Китаю.

В декабре 1982 г. издательством «Массы» было опубликовано художественно-историческое произведение «Архипелаг ГУЛАГ» (для внутреннего распространения) в переводе Тянь Давэя и др. Данный перевод входит в серию «Избранные переводы современных зарубежных политических научных произведений» (далее – «Избранные переводы»). Как и в других книгах этой серии, на титульном листе имеется такое общее описание: «В целях изучения и обсуждения теории и практики различных социалистических моделей в современном международном коммунистическом движении, доктрин разных школ коммунизма и других политических доктрин, а также для понимания политической, социальной и научной ситуации в зарубежных странах некоторые издательства в нашей стране организовали переводы ряда представительных современных зарубежных политических научных трудов <...>, и эта книга является одним из них» [13].

После сравнения с другими книгами серии «Избранные переводы» отметим, что «Архипелаг ГУЛАГ» заметно выделяется. Так зачем же включать его в эту серию?

На самом деле руководитель издательства «Массы» Юй Хао начал планировать публикацию «Архипелага ГУЛАГ» еще в поздний период Культурной революции. Он обратился к своему однокурснику Тянь Давэю. Тянь Давэй вместе с Чэнь Ханьчжаном и Цянь Чэном завершили перевод произведения в 1979 г. Однако в то время, когда Культурная революция только закончилась, ее тень все еще оставалась в сознании многих. Публикация книги была отложена из-за опасения уличения в «неполиткорректности».

Публикация «Архипелага ГУЛАГ» состоялась благодаря вышеупомянутому 3-му пленуму ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г. После этого заседания прозвучал призыв «пере-

вести и опубликовать современные зарубежные академические работы о международном коммунистическом движении и различных школах социализма, а также работы, связанные с буржуазией» [14, с. 91]. «Тогда отдел издательства непрерывно получал предложения от читателей и ученых, которые надеялись, что издательства продолжат выпускать современные зарубежные политические работы для исследования, следуя принципу публикации “серых книг”» [15, с. 400].

В апреле 1980 г. в Управлении государственных издательств было проведено специальное собрание, на котором единогласно было принято решение о продолжении выпуска современных зарубежных политических произведений, а также создана специальная рабочая группа по отбору книг для перевода. В январе 1981 г. с согласия Отдела пропаганды ЦК КПК было окончательно определено название этого перечня книг – «Избранные переводы современных зарубежных политических научных произведений», уточнены целевая аудитория и сфера распространения. Первая партия книг составила 95 наименований, вторая и третья в совокупности – 72 [15, с. 384–410].

Именно в данном историческом контексте «Архипелаг ГУЛАГ» был выбран для этой серии и допущен к печати. Конкретные детали об успешном издании книги уже невозможно узнать, но включение ее в серию книг, разрешенных государством, возможно, было своего рода «стратегией» издателя и переводчиков.

Перевод «Архипелага ГУЛАГ» был напечатан в декабре 1982 г. Следует отметить, что 21 августа того же года Отдел пропаганды ЦК КПК выпустил «Уведомление о улучшении работы по переводу и изданию современных зарубежных политических научных произведений», в котором, с одной стороны, было признано значение «Избранных переводов», а с другой, заявлено, чтобы некоторые книги, «злобно нападающие на коммунизм» и «крайне реакционные по содержанию», были «распространены среди простых читателей, особенно студенческой молодежи» [14, с. 93].

Исходя из этого, нетрудно понять, почему «Слово переводчика» в «Архипелаге ГУЛАГ» Тянь Давэй начинает с таких критических слов: «Это антисоветская и антикоммунистическая книга, представляющая нам материалы с отрицательной стороны, данная книга была переведена в целях понимания политико-социальной и академической ситуации в зарубежных странах» [13, с. 1]. Переводчик полагает, что основные

произведения Солженицына «выступают против марксизма-ленинизма, коммунизма и социализма, в них прослеживается полное отрицание идей Ленина и Сталина» [13, с. 2]. В неясной внутрисполитической обстановке того времени эти слова выступают в качестве самозащиты, показывая «политкорректность» и «критические цели» переводчика и издателя. Однако стоит отметить, что на следующих страницах Тянь Давэй объективно знакомит читателей с художественными приемами «Архипелага ГУЛАГ». По сравнению с послесловием в «Сборнике рассказов Солженицына» (1963), в «Слове переводчика» прослеживается тенденция объективного отношения к творчеству Солженицына, хотя переводчик все еще не «выходит» за рамки идеологического круга.

Любопытно, что слова Тянь Давэя о политических взглядах Солженицына почти полностью совпадают с мнением Линь Ина в предисловии к «Сборнику статей советских диссидентов». Данный факт ярко демонстрирует характер эпохи и подчеркивает влияние социально-политической обстановки того периода на исследователей и литературных критиков.

После публикации «Архипелага ГУЛАГ» новых переводов произведений писателя долгое время не осуществлялось. Такое положение сохранялось до начала 1990-х гг., когда политическая обстановка в Китае смягчилась и переводы книг Солженицына перешли от «внутреннего распространения» к открытому выпуску.

В качестве заключения можно сказать, что режим «внутреннего распространения» является особым продуктом конкретной эпохи в Китае и может рассматриваться как ее зеркальное отражение. Издания в таком режиме в период 1960–1980-х гг. оказали значительное влияние на Китай, как положительное, так и отрицательное. Первоначальным замыслом перевода и публикации таких книг в то время было удовлетворение потребностей «китайско-советской полемики», но эти книги стали единственным путем к познанию внешнего мира для целого поколения во время Культурной революции. Безусловно, произведения Солженицына, переведенные в режиме «внутреннего распространения», также сыграли важную роль в просвещении китайских интеллектуалов и оказали большое влияние на последующую «литературу шрамов» в Китае.

Изучая исторический контекст реализации режима «внутреннего распространения» в 1960–1980-х гг., мы можем понять, в каких

условиях переводились и распространялись произведения Солженицына. Как и при распространении других изданий, причина стимулирования китайских академических кругов к переводу творчества Солженицына в 1960-е гг. была политической. Под ярлыком «внутреннее распространение» произведения русского писателя рассматривались как «отрицательный материал» и «ядовитая трава». В эпоху напряженной идеологической борьбы даже переводчики могли подвергнуться критике, если их «политическая позиция была неверной». Отсюда и возникли критические и отрицательные взгляды в переводах. В 1980-е гг., с окончанием Культурной революции и проведением политики реформ и открытости, влияние идеологии на литературную критику постепенно ослабевало. Однако из-за отрицательного отношения Солженицына к социализму и его речи о «китайской угрозе» как переводчики, так и исследователи сохраняли достаточно осторожное отношение к писателю и его творчеству.

Таким образом, в 1960–1980-е гг. исследований о Солженицыне в Китае имелось чрезвычайно мало. Критические мнения встречались лишь в предисловиях и послесловиях к переводам произведений. Под влиянием обстановки идеологической борьбы критические замечания переводчиков также имели сильную идеологическую окраску, отсутствовали объективные и справедливые литературоведческие исследования, что привело к позднему началу изучения Солженицына в Китае.

Список литературы

1. Гуансюань Жэнь. А. Солженицын в китайской критике // Между двумя юбилеями, 1998–2003: Писатели, критики, литературоведы о творчестве А. И. Солженицына : альманах / сост. Н. Струве, В. Москвин. М. : Русский путь, 2005. С. 385–392.
2. Белопольская Е., Шао Тин. А. И. Солженицын в зеркале современной китайской критики // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2013. № 4. С. 8–15.
3. Чжан Саочан. Знакомство с произведениями А. И. Солженицына в Китае // Александр Солженицын: взгляд из XXI века : материалы междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения. М. : Русский путь, 2019. С. 488–492.
4. Чэнь Шусянь. Один писатель, два поколения, три книги (о переводах трех очерков Солженицына) // Александр Солженицын: взгляд из XXI века : материалы междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения. М. : Русский путь, 2019. С. 493–504.

5. Ли Синьмэй. Перевод, исследование и рецепция Солженицына в Китае // Вопросы литературы. 2020. № 1. С. 246–257. <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2020-1-246-257>
6. Би Цзюньжу, Ли Мэнлун. Три этапа издания и восприятия художественных произведений А. И. Солженицына в Китае // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2023. № 1. С. 61–70. <https://doi.org/10.5922/pikbfu-2023-1-6>
7. 郑瑞君 “内部发行”制度与“灰皮书”“黄皮书”的发行. 出版发行研究, 2014, 11: 96–98页 (Чжэн Жуицзюнь. Режим «внутреннего распространения» и выпуск «Серой книги» и «Желтой книги» // Издательское исследование. 2014. № 11. С. 96–98).
8. 孙维学, 林地 新中国对外文化交流史略. 中国友谊出版公司, 1999年, 710页 (Сунь Вэйсюэ, Лин Ди. Краткая история зарубежных культурных обменов Нового Китая. Пекин : Изд-во Китайской дружбы, 1999. 710 с.).
9. 古凡. 黄皮书及其他: 中苏论争时期的几种外国文学内部刊物. 文艺理论与批评, 2001, 06: 117–124页 (Гу Фан. «Желтая книга» и другие: несколько иностранных литературных внутренних публикаций в период китайско-советской полемики // Литературная теория и критика. 2001. № 6. С. 117–124).
10. 张惠卿 “灰皮书”的由来和发展. 出版史料, 2007, 01: 112–118页 (Чжан Хуэйцин. Возникновение и развитие «Серой книги» // История публикаций. 2007. № 1. С. 112–118).
11. 孙广英 索尔仁尼琴短篇小说集. 作家出版社, 1964年, 221页 (Сунь Гуангин. Сборник рассказов Солженицына. Пекин : Писатели, 1964. 221 с.).
12. 麦德维杰夫, 索尔仁尼琴, 萨哈罗夫等. 苏联持不同政见者论文选译. 外文出版局, 1980年, 410页 (Сборник статей советских диссидентов / Р. А. Медведев, А. И. Солженицын, А. Д. Сахаров и [др.]. Пекин : Изд-во иностранных языков, 1980. 410 с.).
13. 田大畏, 陈汉章 古拉格群岛 (上册). 群众出版社, 1982年, 636页 (Тянь Давэй, Чэнь Ханьчжан. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1. Пекин : Массы, 1982. 636 с.).
14. 康凌 “灰皮书”模式的重启与终结: 1980年代西学译著的出版管理. 广州大学学报(社会科学版), 2020, 03: 90–98页 (Кан Лин. Возобновление и конец модели «серой книги»: управление публикацией переведенных западных работ в 1980-х годах // Вестник Университета Гуанчжоу. Серия «Социальная наука». 2020. № 3. С. 90–98).
15. 宋应离, 刘小敏 亲历新中国出版六十年. 河南大学出版社, 2009年, 851页 (Сун Инли, Лю Сяоминь. Шестдесят лет издательской деятельности в новом Китае. Чжэнчжоу : Изд-во Хэнаньского ун-та, 2009. 851 с.).

Поступила в редакцию 06.06.2023; одобрена после рецензирования 01.09.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 06.06.2023; approved after reviewing 01.09.2023; accepted for publication 10.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 85–89

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 85–89

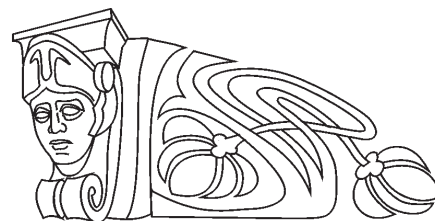
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-85-89>, EDN: GXKVF

Научная статья

УДК 821.111.09-31+929Аберкромби

Столкновение дикости и цивилизации в фэнтези-вестерне Джо Аберкромби «Красная страна»

Е. А. Иванова

Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова, Россия, 410012, г. Саратов, просп. им. Петра Столыпина, д. 1

Иванова Елизавета Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, elivan1988@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-8861-4925>

Аннотация. В романе «Красная страна» известный британский писатель Джо Аберкромби ставит жанровый эксперимент, соединяя в одном произведении черты таких на первый взгляд далеких и несовместимых жанров, как фэнтези и вестерн. Он создает в своем вымышленном мире территорию, обладающую всеми характерными чертами хронотопа вестерна и активно использует его типичные сюжетные ходы. Но на идейно-художественном уровне сюжет «Красной страны» вступает в конфликт с базовыми ценностными установками вестерна, придавая заимствованным из этого жанра штампам новое авторское звучание. Ярким примером этого может служить неожиданное раскрытие темы дикости и цивилизации. Столкновение с дикарями-индейцами, которые должны уступить место несущему цивилизацию белому человеку, является неотъемлемой частью вестерна. С течением времени отношение к ним в вестерне менялось, но само противопоставление дикарей и цивилизованного общества остается неизменным. В «Красной стране» Аберкромби вводит соответствующие эпизоды согласно жанровым конвенциям вестерна, но затем демонстрирует условность самих понятий дикости и цивилизации, приписывание которых той или иной группе персонажей зависит исключительно от точки зрения. Кроме того, подчеркиваются проблемы цивилизации западного образца, приход которой означает разрушение местного уклада жизни и беспринципную погоню за наживой. Персонажи, выполняющие в начале романа функции традиционных дикарей, затем рассматриваются уже как носители древних умирающих культур, чей уход под натиском современной цивилизации вызывает сожаление, а не приносит моральное удовлетворение от победы над дикостью, как в классическом вестерне. Это достигается в том числе с помощью актуализации представлений о древних уходящих народах и культурах, свойственных фэнтези. Таким образом, роман «Красная страна» переосмысляет жанры вестерна и фэнтези и транслирует ценности современного мультикультурного постколониального общества.

Ключевые слова: фэнтези, вестерн, Джо Аберкромби, жанровые конвенции, дикарь

Для цитирования: Иванова Е. А. Столкновение дикости и цивилизации в фэнтези-вестерне Джо Аберкромби «Красная страна» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 85–89. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-85-89>, EDN: GXKVF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The confrontation of savageness and civilization in Joe Abercrombie's fantasy Western *Red Country*

Е. А. Иванова

Saratov State Conservatoire, 1 Petra Stolypina Ave., Saratov 410012, Russia

Elizaveta A. Ivanova, elivan1988@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8861-4925>

Abstract. In the novel *Red Country* the famous British author Joe Abercrombie carries out a genre experiment combining in one book the features of such distant and incongruous genres as fantasy and Western. He constructs in his imaginary world a territory with all specific characteristics of a Western chronotopos and actively uses typical plot devices of the Western. But on the level of ideas the plot of *Red Country* comes into a conflict with the basic values of the Western, instilling the clichés borrowed from this genre with a unique author's meaning. A good example of this is Abercrombie's unexpected development of the subject of savageness and civilization. A conflict with savage Indians who must give way to the white man and his civilization is an obligatory part of Western ideology. The attitude to savages in Westerns has undergone some changes, but the opposition of savages and the civilized society remains unchanged. In *Red Country* Abercrombie uses traditional episodes of Indian attacks etc. according to the Western genre conventions, but afterwards he shows the relativity of the ideas of civilization and savageness themselves; since attributing these characteristics to one or the other group of characters depends exclusively on one's point of view. The problems of the civilization of the Western kind are also highlighted: its coming leads to the destruction of the indigenous ways of life and brings about the reign of unscrupulous greed. Characters, portrayed as traditional savages in the beginning of the novel, are seen later already as bearers of dying an-

cient cultures. The fact that they are becoming extinct under the pressure of modern civilization does not bring any satisfaction, as a victory over savageness in a Western should do. This is achieved by actualizing the understanding of dying ancient cultures inherent to fantasy. Therefore, the novel *Red Country* reconsiders the genres of Western and fantasy and supports values of the modern multicultural and post-colonial society.

Keywords: fantasy, Western, Joe Abercrombie, genre conventions, savage

For citation: Ivanova E. A. The confrontation of savageness and civilization in Joe Abercrombie's fantasy Western *Red Country*. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 85–89 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-85-89>, EDN: GXYKVF

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

«Красная страна» (2012) – шестой роман известного британского писателя Джо Абберкромби, сюжет которого разворачивается в вымышленном мире Земного Круга, и очередной в череде его жанровых экспериментов. Если первая трилогия Абберкромби, «Первый закон», была посвящена обыгрыванию, разрушению и переосмыслению канонов эпического фэнтези (подробнее об этом см.: [1, 2]), то следующие за ней три отдельных романа – «Лучше подавать холодным» (2009), «Герои» (2011) и «Красная страна» (2012) – соединяют в себе черты фэнтези и других популярных жанров: истории о мести, гангстерского романа (фильма), военной прозы, вестерна.

Фэнтези и вестерн – жанры, каждый из которых вызывает у читателя достаточно однозначные ожидания и которые в первую очередь связаны с местом действия, типажом главного героя, тематикой и общим строением сюжета. И если литература фэнтези в последние десятилетия демонстрирует в этом плане определенную гибкость, уходя от стандартных представлений о своей связи со средневековым антуражем и построенном вокруг квеста-путешествия сюжете, то вестерн непредставим вне своих типичных декораций и тесно связанных с ним типичных тем и конфликтов [3, с. 32]. Поэтому на первый взгляд идея объединить эти два жанра в одном произведении представляется парадоксальной.

В нашей предыдущей статье «Роман Джо Абберкромби “Красная страна” как фэнтези-вестерн: особенности жанровой природы» мы проанализировали, какие элементы обоих жанров автор использует в своем романе, как они взаимодействуют и как это приводит к образованию уникального жанрового сплава, где под оболочкой типичного вестерна скрываются напрямую противоречащие его логике ценностные установки, свойственные фэнтези. В данной статье мы хотим подробнее рассмотреть вопрос о том, как в романе преломляется типичная для вестерна тема столкновения дикости и цивилизации.

Вестерн зародился как литературный жанр, «развившийся в США из повествований о дей-

ствительных приключениях на американском Западе жителей фронта, индейцев, о которых писали американские журналы и газеты середины XIX в.» [4, с. 119], однако популярность во всем мире он получил уже как жанр кинематографа, и его основные жанровые характеристики сложились в рамках этого вида искусства. Поэтому в ходе анализа мы опираемся на посвященные вестерну работы русско- и англоязычных теоретиков и критиков кино.

Базовым конфликтом, лежащим в основе вестерна как жанра, является противостояние цивилизации и дикости, проявляющееся в разных формах, в том числе в виде противопоставления ковбоев и индейцев [5, р. 48]. Изображение индейцев в вестерне меняется со временем. В ранних вестернах индейцы воспринимались как безусловные враги, угроза зарождающейся культуре и цивилизации, дикари, всегда готовые напасть на мирных поселенцев и украсть беззащитную девушку. Они не способны «установить порядок Человека», а только сами сливаются с дикостью окружающих просторов [6, с. 238]. Начиная с 1940-х гг. появляются примеры более сочувственного изображения индейцев и надежда на то, что по крайней мере некоторые из них могут приспособиться к американскому образу жизни и стать частью цивилизованного общества, в 1950-х гг. приходит понимание, что сами ковбои не так далеко отстоят в нравственном отношении от индейцев, с которыми сражаются [7, с. 230–233]. Фильм Дж. Форда «Осень шайенов» (1964) уже показывает трагедию индейского племени, вынужденность их сопротивления белым [8, с. 148]. Здесь отражается процесс постепенного изменения отношения к историческим фактам и признания трагедии коренного населения американским обществом во второй половине XX в. Но, тем не менее, в рамках вестерна остается само собой разумеющимся, что индейцы так или иначе обречены уступить место белым как носителям подлинного порядка и цивилизации. И если герой-ковбой оказывается сродни дикарю, то это связано с его изначально амбивалентным, пограничным положением человека, который действует в интересах закона и

порядка, но насильственными, т.е. незаконными методами. Ценность самой цивилизации при этом не ставится под сомнение.

Рассмотрим теперь, как противопоставление цивилизации и дикости представлено в «Красной стране».

Первое появление темы дикарей в романе абсолютно соответствует ожиданиям читателя, по ряду других примет узнавшего в романе вестерн: переселенцы опасаются дикарей-духолоудов, «которые стоят всего лишь на одну ступеньку выше животных и собирают отрезанные уши врагов» [9, с. 129], а затем те нападают на караван фургонов – это обязательный эпизод для переселенческого вестерна [7, с. 230]. Аберкромби кратко знакомит читателя и с точкой зрения самих духолоудов, которые видят разрушение своего старого уклада жизни, разорение своих земель. Завершение этой небольшой сюжетной линии может показаться неожиданным, но напоминает по настроению ревизионистские вестерны 1970-х. Духолоуды давно вступили в сговор с легендарным местным разведчиком и проводником, который предупреждает их о едущих переселенцах, и они нападают преимущественно ради того, чтобы тех напугать, после чего проводник устраивает сделку и переселенцы платят духолоудам за безопасный проезд. Но в этот раз сделка срывается, потому что один из переселенцев, берсерк-ветеран, во время переговоров убивает вождя духолоудов и запугивает остальных. Именно на этого персонажа, Лэмба, Аберкромби проецирует образ типичного «вестернера», загадочного и одинокого непревзойденного бойца, и его боевая радость оказывается «ужаснее кровожадности любого из духолоудов» [9, с. 219] именно потому, что по своей роли в сюжете он должен принадлежать к носителям цивилизации, но на самом деле оказывается более опасным и жестоким, чем сами дикари. Этот мотив повторится в краткой и менее драматичной форме уже в другой части романа: член отряда наемников, отправленных правительством ловить мятежников, т. е. формально представляющих закон, но на самом деле занимающихся преимущественно грабежом мирных жителей, с довольной улыбкой отрезает уши убитому духолоуду и представляет, как будет в шутку пугать ими дочерей [9, с. 419].

Путешествие каравана фургонов завершается в городке Криз – единственном населенном пункте в этих местах. Власть в городе делят между собой хозяин борделя и владелица игорного дома, состоит он из одной очень грязной улицы с харчевнями, ломбардами, борделями и

игорными заведениями и разного рода лавками, единственная цель которых – обобрать до нитки новых поселенцев или удачливых старателей. После долгого пути по безлюдным равнинам герои рады возможности спать в кровати и вымыться, но в основном им бросается в глаза царящая здесь грязь в физическом и моральном смысле. Тем не менее главная героиня, Шай Соут, иронически замечает, что именно так и строится цивилизованное будущее: «Собери вместе банду пьяных головорезов, и пройдет не много времени, прежде чем они превратятся вначале в воров, потом в обманщиков, потом в заурядных склочников, а в конце концов становятся добропорядочными основателями родов и честными гражданами» [9, с. 262]. В финале романа в Кризе появляется уже и такой признак цивилизации, как филиал банка – но в рамках мира «Первого закона» это тревожный факт, ведь банк «Валинт и Балк» с помощью финансовых махинаций держит под своим контролем полмира, а за ним стоит стремящийся к абсолютной власти беспощадный Первый маг.

Следующая часть книги, «Драконы», предваряется эпиграфом из Марк Твена: «В мире много забавного; среди прочего – убеждение белого человека, что он – в меньшей степени дикарь, чем все другие дикари», и происходящие в ней события выходят далеко за рамки этики вестерна.

Завязка «Красной страны» типична для вестерна: главная героиня, Шай, со своим загадочным отчимом отправляется спасать украденных брата и сестру. Похищение оказывается инициировано Народом Дракона – обитающей в древнем поселении в горах религиозной общиной. Из-за необъяснимых особенностей этого места там не рождаются дети, поэтому Народ Дракона крадет их в других местах, дает им новые имена и воспитывает в соответствии со своими традициями. Народ Дракона убивает всех, кто заходит на принадлежащую ему территорию, и жителям остального мира известны только слухи и легенды о нем. Эта община происходит от учеников Делателя – легендарного мастера древних времен, обладавшего почти божественными способностями, и Народ Дракона ощущает себя хранителем древних знаний и традиций, с их точки зрения, ставящих их несравнимо выше всех современных обществ. Предводитель Народа Дракона объясняет украденным детям, что уходить им некуда, «внешний мир – красная страна, без законов, без правил» [9, с. 371]. Для них все, кто не принадлежит к их общине, – дикари. «Разве все мы не родились

дикарями?» – говорит одна из членов Совета Народа Дракона, надеясь склонить других к переговорам. Но они не поддерживают ее и видят в чужаках только возмутителей спокойствия, которых не воспринимают всерьез, поскольку обычно сталкиваются только с разрозненными плохо вооруженными старателями: «Дикари у озера Поиска? Сапоги чужаков на священной земле?» [9, с. 410].

В свою очередь, для поселенцев в Красной стране Народ Дракона – это бритоголовые дикари с гор, и когда организованный отряд наемников, везущий с собой новейшее оружие – небольшую пушку, поднимается в горы, он уничтожает Народ Дракона и грабит их древний город и даже несколько разочарован, что эти «дикари» смогли оказать так мало сопротивления. При этом оказываются безвозвратно утрачены неповторимые артефакты древности, в первую очередь – шедевр Делателя, огромный механический дракон, которого Народ Дракона надеялся «пробудить» и с его помощью сделать мир снова «правильным, как в Древние Времена». Но предводитель наемников отвечает им, что дракон бессилен против «легионов тупиц», торговцев и фермеров, «ремесленников и бумагомарак», лавок и стряпчих [9, с. 441]. Здесь Аберкромби неожиданно переходит на территорию фэнтези, где, начиная с Толкина, часто существует ностальгия по неизбежно исчезающему под натиском современной механистической цивилизации древнему, полному чудес прошлому. Такие эмоции только отчасти характерны для вестерна, где у фронтирных земель никакого ценного, с точки зрения белого человека, прошлого нет, и ностальгия может быть связана только со свободой и независимостью вольных стрелков, чья эпоха уходит по мере распространения законного порядка. Более того, в отличие от вестерна, для литературы фэнтези изначально характерно существование в вымышленном мире не только однозначных врагов, служащих злу и подлежащих уничтожению (таких как толкиновские орки), но и иных, по сравнению с людьми, народов и рас с собственными уходящими вглубь веков культурами, которые выступают уже не как враги-Чужие, а как вызывающие восхищение и интерес Другие, во взаимодействии с которыми возможен рост и развитие (толкиновские эльфы). В момент уничтожения Народа Дракона Аберкромби, связав его с понятиями волшебного и удивительного, показывает его представителей как таких потенциальных Других,

что абсолютно противоречит представлениям о мире, характерным для вестерна, но органично вписывается в традицию фэнтези.

Победив Народ Дракона, главные герои находят украденных детей, но неожиданно те вовсе не воспринимают их как спасителей. За месяцы, проведенные среди похитителей, дети полюбили их и привыкли к новому образу жизни и своим новым именам, считают Народ Дракона своей семьей и себя – его частью, а в явившихся за ними видят теперь уже не родню, а чужаков и убийц. Они пытаются бежать обратно в горы и только постепенно снова привыкают к прежней жизни. Граница между «дикарями» и «цивилизованными людьми» оказывается не только условной, но и легко проницаемой, само понятие «дикарь» – относительным и зависящим только от точки зрения. Изнутри одной культуры носители всех других могут восприниматься как дикари, так как не соответствуют ее нормам.

Аберкромби еще подкрепляет эту идею целым рядом разбросанных по всему тексту моментов. Один из наемников неодобрительно сравнивает «эти окраины мира» со своей далекой родиной, их глава осаживает фанатично ищущего повстанцев инквизитора словами, что «слепая вера – признак дикаря» [9, с. 458], от военачальника Старой Империи все ожидают презрительного отношения к представителям других наций.

В наименьшей степени такое отношение к другим людям свойственно двум главным героям, Шай и Темплу. Оба они полукровки разного происхождения, что уже уменьшает дистанцию между ними и так называемыми дикарями и отличает их от типичных героев вестерна. Оба не ощущают своей причастности к большой цивилизации, и их заботит не ее распространение, а только личное выживание и судьба близких во враждебном, агрессивном мире. Они одинаково настороженно относятся ко всем и судят о новых встречах на основании только личного знакомства, а не культурной принадлежности, готовы искать неожиданных союзников. Такое отношение в куда большей степени характерно для странствующего и открывающего для себя мир, открытого миру персонажа фэнтези, чем для героя вестерна (см.: [10]).

В своем фэнтези-романе Аберкромби использует типичные сюжетные ходы, связанные с нападениями дикарей, для создания антуража вестерна. Но затем он постепенно все больше размывает само понятие дикости и дикарства,

демонстрируя его условность и относительность, и ставит под сомнение безусловную для вестерна ценность цивилизации, указывая на связанные с ней социальные проблемы, включая разрушение более древних местных укладов жизни. Этой переоценке внутри текста способствует использование этических представлений, свойственных фэнтези. В результате старые жанровые штампы оказываются переосмыслены и наполнены современным мультикультуралистским и анти-колониалистским звучанием.

Список литературы

1. Иванова Е. А. Трансформация традиционных персонажей фэнтези в трилогии Джо Аберкромби «Первый закон» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 1. С. 90 – 98. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2021-1-90-98>
2. Иванова Е. А. Трансформация квестового фэнтези в трилогии Джо Аберкромби «Первый закон» // В поисках границ фантастического: инициация, медиация, трансформация / ред. Т. С. Коломейцева, Е. А. Нестерова, И. В. Попадейкина. Вроцлав : Fundacja Instytut Profesjonalnego Rozwoju, 2021. С. 9–18. (Biblioteka Instytutu Profesjonalnego Rozwoju, вып. 13).
3. Рахманова Т. Д. Эволюция американского вестерна: жанр массового кино от зарождения до мифа // Клио. 2014. № 5 (89). С. 29–32.
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. А. Н. Николюкин. М. : Интелвак, 2001. 1597 с.
5. Schatz T. Hollywood Genres: Formulas, Filmmaking and the Studio System. New York : Random House, 1981. 297 p.
6. Базен А. Вестерн, или Избранный жанр американского кино // Базен А. Что такое кино? : сб. ст. М. : Искусство, 1972. С. 231–241.
7. Горячок К. Л. Эволюция американского вестерна: витальность, эстетика, мифология // Художественная культура. 2020. № 2. С. 220–247.
8. Карцева Е. Н. Вестерн. Эволюция жанра. М. : Искусство, 1976. 255 с.
9. Аберкромби Дж. Красная страна / пер. В. Русанова. М. : Эксмо, 2015. 557 с.
10. Демина А. В. Архетип героя в литературе жанра фэнтези // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 2 (35). С. 310–317.

Поступила в редакцию 12.01.2023; одобрена после рецензирования 10.04.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 12.01.2023; approved after reviewing 10.04.2023; accepted for publication 10.11.2023

ЖУРНАЛИСТИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 90–98
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 90–98
<https://bonjour.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-90-98>
EDN: JIAITN

Научная статья
УДК [070:654.197](437)

Типология акторов в чешских телевизионных новостях 1989–2021 гг.

Е. В. Лапук

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991,
г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

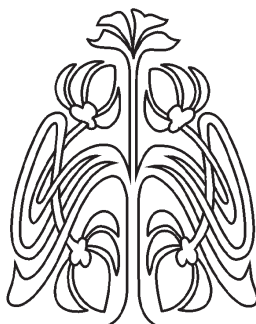
Лапук Екатерина Вячеславовна, аспирант кафедры телевидения и радиовещания,
lapukate@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2231-3596>

Аннотация. Лицо человека в кадре называют главным выразительным средством экрана, причем речь идет обо всех видах аудиовизуального содержания, включая телевизионные новости, представляющие собой журналистские тексты, которые обладают в силу своей звукозрительной природы большой степенью убедительности. Цель исследования – проследить, как изменялись и изменились ли акторы, обладающие правом голоса в телевизионных новостях, в период 1989–2021 гг. В работе проведен анализ 1608 телевизионных сюжетов одного из главных телеканалов Чешской Республики за три периода – 1989, 2005 и 2021 гг. Было проанализировано 2755 фрагментов интервью, являющихся частью новостных сюжетов. Было выяснено, что в 2005–2021 гг. количество акторов в эфире телевизионных новостей увеличилось в семь-девять раз по сравнению с 1989 г., также значительно увеличилось присутствие в кадре журналистов – авторов новостных сюжетов. Отмечен стабильный функциональный состав акторов, характерный для всех трех периодов исследования: в среднем выявлено присутствие около 70% «участников», 20% «очевидцев» и 10% «экспертов» в телевизионных сюжетах всех периодов. При классификации акторов по направлениям установлено значительное превосходство представителей политической сферы над остальными: от 47 до 61% акторов-«участников» связаны с политикой и властью. С годами увеличивается представленность зарубежных политиков в эфире чешских телевизионных новостей, также отмечается значительное увеличение числа представителей общественных организаций в качестве акторов. Помимо этого, было выявлено, что в экономической сфере имеет место демократизация акторов: с годами как минимум вдвое уменьшается число «руководителей и бизнесменов» и в четыре-шесть раз увеличивается количество специалистов и наемных работников в эфире чешских телевизионных новостей.

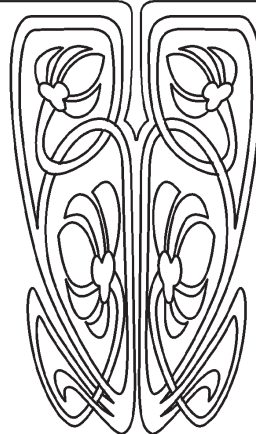
Ключевые слова: телевизионный сюжет, телевизионные новости, новостные программы, информационное вещание, чешские СМИ, телевидение Чехии, акторы, информационное интервью

Для цитирования: Лапук Е. В. Типология акторов в чешских телевизионных новостях 1989–2021 гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 90–98. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-90-98>, EDN: JIAITN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

The typology of actors in Czech TV News in 1989–2021

E. V. Lapuk

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Ekaterina V. Lapuk, lapukate@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2231-3596>

Abstract. A human face is called one of the main expressive means of the screen, this is true for all kinds of audiovisual content including television news, which have a high degree of credibility among the audience due to their audiovisual nature. The main purpose of the paper is to study whether and how the actors in television news have changed in the period of 1989–2021. We employed the content analysis to examine 1608 TV news items of one of the Czech TV channels in three periods – 1989, 2005 and 2021. We analyzed 2755 fragments of interviews that form the video news. The findings of the research illustrate how the number of actors in the Czech TV news rose by 2005–2021 (the number has increased 7–9 times compared to 1989), and the presence of journalists – the authors of the news pieces – in the frame has increased significantly too. There is a stable functional structure of actors typical for all three periods of the research: on average, the presence of about 70% of “participants”, 20% of “eyewitnesses” and 10% of “experts” in TV stories is revealed. According to the categorization of actors by areas, we found out that there is a significant domination of the representatives of the political area: from 47 to 61% of the actors (“participants”) relate to politics and power. Over the years, the presence of foreign politicians in Czech television news has grown, and there has been a substantial increase in the number of representatives of public organizations as actors. In addition, there is a democratization of actors in the economic sphere: the number of “managers and businessmen” has at least halved over the years, and the number of specialists and employees in Czech TV news has increased four to six times.

Keywords: TV story, TV news, news programs, broadcast news, Czech media, Czech television, actors, news interview

For citation: Lapuk E. V. The typology of actors in Czech TV News in 1989–2021. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 90–98 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-90-98>, EDN: JIAITN

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Телевизионные новости обладают большой степенью убедительности в силу предоставления аудитории наиболее обширного с точки зрения видового разнообразия содержания: на телевидении сосуществуют вербальный текст, закадровый, внутрикадровый, внекадровый голос, шум и музыка, визуальный ряд и инфографика, монтажные средства выразительности, спецэффекты и др. Вследствие богатой природы аудиовизуальное информационное содержание является одним из наиболее предпочтительных для современной, перегруженной информацией аудитории массмедиа благодаря доступности для понимания и легкости восприятия.

Помимо выбора канала коммуникации еще одним значимым элементом эффективности донесения новостей до реципиента является выбор источника информации. Зачастую речь идет о выборе так называемого эксперта как с точки зрения его профессиональных компетенций, узнаваемости аудиторией, так и с точки зрения дополнительных, побочных показателей – например внешности, телегеничности, запоминающегося образа, выразительного голоса и т. д. Все это говорит о несомненной важности человека, присутствующего в кадре. Классик теории отечественной тележурналистики В. Л. Цвик писал о том, что «главный герой телеэкрана – человеческое лицо. Что бы вы ни делали – рекламный ролик, музыкальный клип, новостную передачу или фильм – оно превыше всего. Конечно, важна и ценность передаваемой информации. Важно и

сочетание цвета, форм, звуков. И креативная идея автора, безусловно, играет роль. Но человеческое лицо – важнейшее изобразительно-выразительное средство ТВ» [1, с. 138].

В работе анализировалось то, как с течением лет менялись присутствующие в кадре теленовостей ораторы. В рамках информационного телевизионного вещания речь, главным образом, пойдет о людях, у которых журналисты берут интервью (фрагменты таких интервью, называемые на сленге телевизионщиков синхронами [2, с. 190], становятся частью телевизионных сюжетов). Если в печатной журналистике при аналогичном анализе предпочтение отдается изучению источников информации, т. е. людям, документам, среде [3, с. 105], на которых ссылается в тексте журналист, то на телевидении в силу его звукозрительной природы основным источником информации становится не каждый из трех перечисленных типов источников по отдельности, а их совокупность: как правило, это человек (первый тип – «люди»), сообщающий в кадре (тип «документы» – зафиксированная на носителе информация) сведения, участником или очевидцем (тип «среда») которых он является.

Если рассматривать медиaprостранство через призму концепции повестки дня [4] и теории двухступенчатого потока информации [5], то можно утверждать, что лидеры мнений играют достаточно важную роль в процессе донесения до аудитории отобранной информации. Например, идея, которая не может выражаться журналистом

в медиатексте напрямую, может вкладываться в цитаты интервьюируемых. Так, героев интервью отчасти также можно рассматривать в качестве лидеров мнений наравне с так называемыми экспертами (учеными, аналитиками, стратегами и др.). С. И. Шелонаев утверждает, что в современной медиасреде интеллектуалы-лидеры мнений сосуществуют с «авторитетами-медиаторами», которые «выступают в роли человека-функции в информационном пространстве» [6, с. 191]. На примере Ларри Кинга исследователь показывает превращение медиаперсоны в «инструмент медиасистемы» [6, с. 191], в которой отсутствует личность и существует только функция. «Авторитетов-медиаторов» исследователь называет составной частью второй реальности – реальности массмедиа, содержание и облик которой генерируется институтом СМИ.

Продолжая мысль о концепции повестки дня, отметим, что селекция представляет собой один из ключевых принципов формирования телевизионных новостей [7, с. 51] сразу на нескольких уровнях: во-первых, на уровне отбора событий, которые становятся новостями; во-вторых, на уровне отбора фактов, которые составляют содержание телевизионных сюжетов и всего новостного выпуска; в-третьих, на уровне акторов, т. е. людей, которым в эфире предоставляется слово, дается возможность самостоятельно выразить мнение о проблеме (к слову, интервью с актором, небольшой фрагмент которого войдет в сюжет, также подвергается отбору, выбору нужных, наиболее иллюстративных, по мнению журналиста, выражений и фраз).

Существует целый ряд типологий акторов в медиапространстве в целом и в телевизионных новостях в частности. Т. Р. Красикова указывает на персонализированный характер телевизионного дискурса и пишет о трехакторной ролевой структуре: «тележурналист – герой – телезритель» [8, с. 92]. По мнению А. А. Дерябина, новости все чаще напоминают жанр сказания «с его обезличенным словом» [9], а «обезличенность» и реализация идеологической функции массмедиа достигается за счет соединения трех главных акторов в телевизионных новостях – очевидцев, корреспондентов и ведущих [9].

С. И. Шелонаев пишет о трех типах массмедийных экспертов-лидеров мнений («медиатические интеллектуалы», «интеллектуалы-интервенционалисты», «интеллектуалы-специалисты» [6, с. 190–191]), дополняя список пятью группами иных акторов: «авторитеты-медиаторы», «медиаперсонажи, обладающие мотивационными ресурсами», представители

действующей власти, «единичные носители и создатели “альтернативных”, творческих идей» и собственно авторитеты-«проводники» [6, с. 191–193].

В. К. Сергеева, анализирующая телевизионные новости, выделяет четыре группы акторов: «персонализированный герой», «незнакомый персонаж», «президент или премьер» и «другие ньюсмейкеры» [7, с. 54]. М. Ю. Выпова, обозначая значимость персонализации информации при конструировании социальной реальности в теленовостях, выделяет три типа персон: «недовольные неосведомленные обычные люди», «все знающие и понимающие, часто безликие эксперты» и «герои-политики, решающие все проблемы населения» [10, с. 130].

Более обобщенную классификацию, также сформированную для телевизионных новостей, предлагают исследователи К. Бэккерс и П. Ван Эйлст (К. Beckers, P. Van Aelst), которые делят акторов на четыре группы (и в каждой из них выделяют от одной до четырех дополнительных, детализирующих категорий): «политические и правительственные деятели», «эксперты и профессионалы», «организации гражданского общества», «граждане» [11, р. 873–875].

Если кратко перечислить некоторые результаты изучения выбора акторов, то необходимо упомянуть о том, что группа голландских ученых приходит к выводу, что в теленовостях 1990–2014 гг. доминируют элитарные источники [12, р. 479]. «Чрезмерно представленными» в итальянских и греческих новостях также называют правительственные источники [13, р. 382, 389]. Вместе с тем стоит отметить следующий вывод исследователей, сравнивавших акторов теленовостей в коммерческом и общественном вещании: телевизионные компании, которые в большей степени зависят от коммерческих доходов, значительно чаще используют «обычных акторов» в освещении событий [11, р. 876]. Подводя итог анализу источников по теме работы, можно утверждать значимость лиц, которые наделяются возможностью говорить в кадре телевизионных новостей [14, р. 734]. Исследователями также было выявлено, что чем больше в новостях представлено действующих лиц, тем больше представленность различных точек зрения на освещаемую проблему [15].

В данной работе проведен анализ 1608 телевизионных сюжетов общественного универсального телеканала Чешской Республики «Ческа телевиз 1» (*Česká televize 1*). Пятую часть, или 21%, от общего времени вещания общественной телевизионной компании «Ческа телевиз»

(*Česká televize*), занимают именно телевизионные новости [16, с. 51]. Анализ сюжетов проводился за три периода: 1989, 2005 и 2021 гг., причем в каждом периоде анализировалось по три недели: третья неделя марта (1), третья неделя июля (2) и третья неделя ноября (3) каждого года. В каждом сюжете проводился анализ фрагментов интервью («синхронов»), являющихся частью телевизионного медиатекста. Всего было проанализировано 2755 фрагментов интервью. Человек, у которого бралось интервью, в работе называется актором. В исследовании внимание уделяется только «говорящим» акторам [17, р. 6], т. е. интервьюируемым людям, присутствующим в кадре, а также персонам, «говорящим» в кадре в рамках лайфов [2, с. 189] (видео со звуком без сопровождения закадрового текста корреспондента). Хрипы [2, с. 190] (телефонные интервью без присутствия в кадре интервьюируемого, но с его голосом) также рассматривались в качестве акторов. Только «упоминаемые акторы» [17, р. 7], ни видео, ни аудио которых в сюжете не представлено, в подсчет не включались.

Результаты исследования можно разделить на две части – формальные и содержательные. Под формальными результатами подразумевается количественный подсчет синхронов в пересчете на один сюжет по периодам. В качестве «родственного» синхрона элемента также производился подсчет журналистских стендапов, поскольку присутствие или отсутствие журналиста в кадре влияет на структуру телевизионной новости, определение ее жанра или формы, ее содержание.

Вторая часть работы – содержательный анализ, произведенный на нескольких уровнях. Во-первых, представляющие перед зрителями интервьюируемые были разделены на три группы – «участников» события, «очевидцев» события и «экспертов» [2, с. 126]. Под «участниками» события понимаются интервьюируемые, вовлеченные в освещаемое событие, имеющие к нему непосредственное отношение (например, к данной группе относятся артисты и каскадеры, принимающие участие в исторической реконструкции, которая стала информационным поводом для создания сюжета). «Очевидцы» события не имеют непосредственного отношения к освещаемому в медиатексте событию (это будут зрители мероприятия). «Экспертами» являются интервьюируемые, обладающие специальными знаниями, связанными с освещаемой в сюжете темой (в рассматриваемом примере «экспертами» будут историки, культурологи, инженеры, кутюрье и др.).

Во-вторых, сравнивалась профессиональная и/или статусная роль «участников» как наиболее распространенной группы акторов (в среднем около 70%). Были выделены группы «участников» из пяти сфер социальной жизни (плюс шестая малочисленная группа «Другое»): 1) «Политика и власть»; 2) «Экономика»; 3) «Общество»; 4) «Культура и стиль жизни»; 5) «Журналисты».

В-третьих, каждая из первых четырех сфер (кроме «Журналистов») еще раз раскладывалась на подгруппы: в самой многочисленной группе «Политика и власть» было выделено восемь подгрупп: «Политики Чешской Республики», «Локальные политики Чешской Республики», «Чиновники», «Суд», «Полиция/армия», «Аварийно-спасательные службы/пожарные», «Зарубежные политики», «Другие политики». В группе «Экономика» выделено три подгруппы: «Руководители и бизнесмены», «Специалисты-производственники», «Наемные работники». В группе «Общество», в отличие от группы «Экономика», градация подгрупп производилась в зависимости не от профессиональной иерархии – от начальника до подчиненного, а от сферы деятельности; было выделено три подгруппы: «Медицинские работники», «Работники сферы образования», «Представители общественных организаций». Отметим, что иерархичное членение в данном случае было опущено в связи с малочисленностью данной группы. Наконец, в группе «Культура и стиль жизни» выделено две подгруппы: «Представители сферы культуры» и «Спортсмены и тренеры».

Для начала было проведено сравнение количества присутствующих в кадре акторов в каждый из периодов. Выяснилось, что по представленности акторов в телевизионных сюжетах периоды 2005 и 2021 гг. похожи между собой, тогда как периоды 1989 г. стоят особняком. Так, в 1989 г. фрагменты интервью в новостях встречались значительно реже, чем в современных периодах: в среднем на один телевизионный сюжет 1989 г. приходится 0,32 синхрона, тогда как в 2005 г. в среднем в одном сюжете присутствуют высказывания почти трех акторов, в 2021 г. – двух (табл. 1).

Помимо интервьюируемых персон значимым актором, присутствующим в кадре новостного сюжета, является корреспондент. В данном аспекте также была выявлена значительная разница между современностью и 1989 г. Как видно из приведенных в табл. 1

Таблица 1

Представленность синхронов и стендапов в новостях «Ческа телевизе 1» в 1989, 2005, 2021 гг., в среднем на медиатекст

Структурные элементы	1989				2005				2021			
	1	2	3	Среднее	1	2	3	Среднее	1	2	3	Среднее
Синхроны	0,27	0,31	0,38	0,32	2,62	3,0	2,86	2,82	2,3	2,17	2,28	2,25
Стендапы	0,08	0,08	0,16	0,1	0,56	0,58	0,52	0,56	0,49	0,56	0,56	0,53

данных, журналисты стали в пять раз чаще появляться в кадре в периоды 2005 и 2021 гг.: они присутствовали в среднем в каждом втором новостном сюжете, тогда как в 1989 г. стендап корреспондентов в среднем встречается единожды на 10 медиатекстов.

Поскольку в ряде телевизионных сюжетов встречается сразу несколько фрагментов интервью, что особенно характерно для новостей 2005 и 2021 гг., стоит отдельно рассмотреть количество медиатекстов с актерами в кадре и без них (рис. 1).

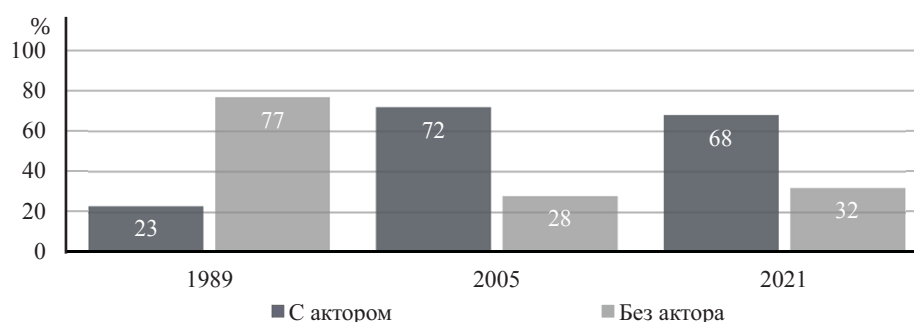

Рис. 1. Количество сюжетов «Ческа телевизе 1» с актерами/без акторов по годам

В данном случае аналогично 1989 г. значительно отличается от современных периодов: так, если практически восемь из десяти сюжетов (77%) 1989 г. не имеют актора в кадре, то в среднем в семи из десяти медиатекстов 2005 и 2021 гг. актер в кадре присутствует (72 и 68% соответственно). На рис. 2 представлены результаты деления актеров на группы «участников», «очевидцев» и «экспертов».

Любопытно отметить, что только июль (2) 1989 г. выбивается из общего тренда, демонстрирующего, что от 70 до 79% актеров во всех периодах являются «участниками» освещаемого события. На втором месте следуют «очевидцы» события: от 11 до 25% (исключая выбивающиеся 35% в июльской неделе 1989 г.). Наконец, самая малочисленная группа «экспертов» насчитывает от 5 до 13% актеров (также без второй недели

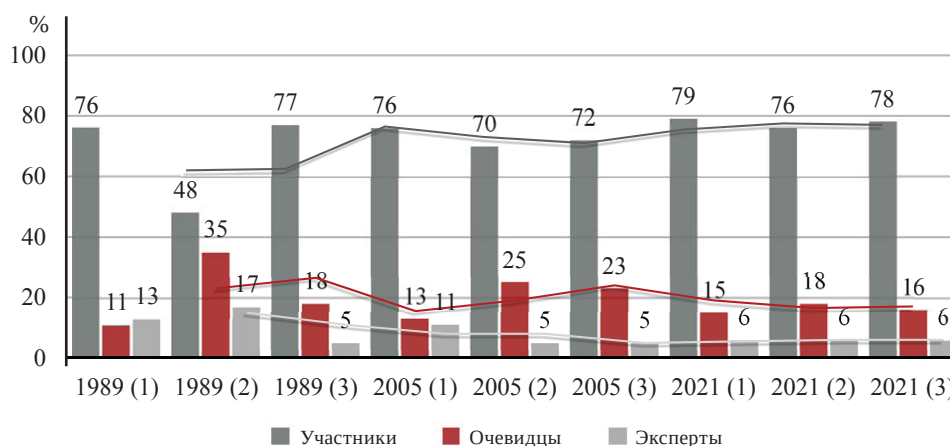

Рис. 2. «Участники», «очевидцы», «эксперты» в телевизионных новостях «Ческа телевизе 1» в 1989, 2005 и 2021 гг., % от общего количества актеров (цвет онлайн)

1989 г. с 17%). Как видно из графика, соотношение функционального состава интервьюируемых лиц в сюжетах не меняется с годами. Наиболее многочисленной является группа «участников»,

поэтому ей будет уделено особое внимание. В среднем за три анализируемых года получились следующие показатели по первому делению акторов (табл. 2).

Таблица 2
Средние показатели по годам «участников», «очевидцев» и «экспертов» в новостях «Ческа телевизе 1» в 1989, 2005, 2021 гг., %

Типы акторов	1989	2005	2021
Участники	66 (N = 113)	72 (N = 644)	78 (N = 1321)
Очевидцы	22 (N = 37)	21 (N = 182)	16 (N = 279)
Эксперты	12 (N = 20)	7 (N = 61)	6 (N = 98)

С годами наблюдается стабильное увеличение числа «участников» при одновременном уменьшении количества «очевидцев» и «экспертов». Представленная в табл. 2 группа «участников» составляет 66% за 1989 г., 72% за 2005 г. и 78% за 2021 г. На рис. 3 представлена классификация группы «Участники» по

четырем сферам, отдельно выделена категория акторов-«участников» «Журналисты» и категория «Другое» (далее группа «Участники» рассматривается отдельно, количество акторов-«участников», представленное в табл. 2, берется за 100%: 113 акторов-«участников» в 1989 г., 644 – в 2005 г., 1321 – в 2021 г.).

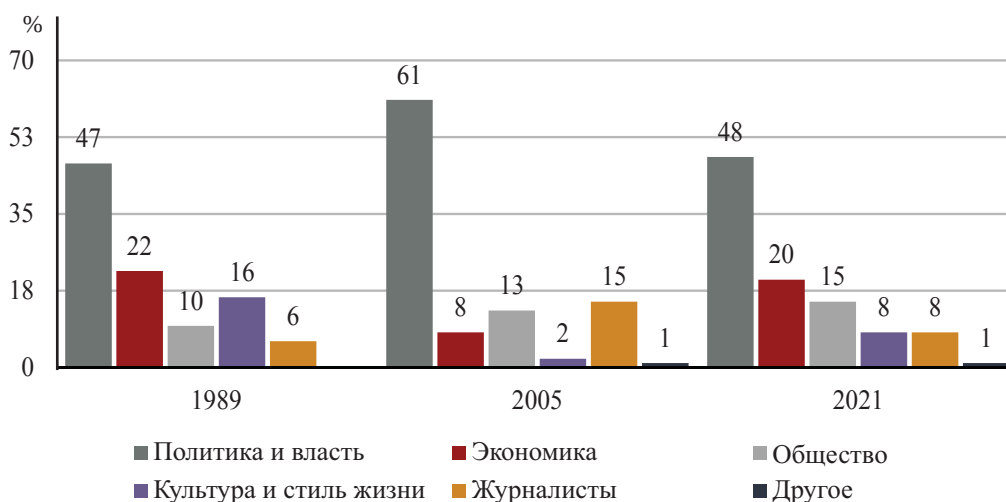

Рис. 3. Типология акторов-«участников» по сферам в новостях «Ческа телевизе 1» в 1989, 2005 и 2021 гг., % от числа «участников» (цвет онлайн)

Наиболее многочисленной сферой деятельности «участников» как членов общества является обозначенная нами «Политика и власть»: к ней относятся от 47 до 61% «участников». На втором месте в 1989 и 2021 гг. следуют «участники» из экономической сферы (22 и 20% соответственно), тогда как в 2005 г. на втором месте с 15% расположились «участники»-«журналисты». Третье место также отличается по периодам: в 1989 г. это «участники» из сферы «Культура и стиль жизни» с 16%, в 2005 и 2021 гг. третью строчку занимает

социальная сфера с 13 и 15% соответственно. Стоит отметить, что наименее сбалансированным по сферам деятельности является 2005 г., в который шесть из десяти интервьюируемых «участников» относятся к сфере «Политика и власть», тогда как сфера «Культура и стиль жизни» практически не представлена (2%).

В табл. 3 представлены результаты заключительной стадии анализа «участников» с более подробной классификацией в сфере «Политика и власть».

Таблица 3

**Актеры из сферы «Политика и власть» в телевизионных новостях «Ческа телевизе 1»,
% от числа «участников»**

Тип актора	1989				2005				2021			
	1	2	3	Ср.	1	2	3	Ср.	1	2	3	Ср.
Политики ЧР	13	18	43	27	14	35	22	24	23	22	28	24
Локальные политики ЧР	8	–	2	4	10	6	3	6	6	5	5	5
Чиновники	3	7	7	5	5	13	9	9	8	3	3	5
Суд	–	–	–	–	11	2	2	5	2	3	1	2
Полиция/армия	–	–	7	3	5	4	5	5	2	1	1	2
Аварийные/пожарные	–	7	–	2	3	2	1	2	1	2	–	1
Зарубежные политики	5	3	9	6	8	6	15	10	9	11	6	8
Другие политики	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1	3	1

К 2005 и 2021 гг. увеличивается количество локальных политиков с 4% до 6 и 5% соответственно, в 2005 г. число чиновников и представителей подгруппы «Полиция/армия» почти вдвое превышает показатели других периодов. Особо отметим, что в 1989 г. отсутствовали «участники» из подгруппы «Суд». Также необходимо указать на увеличение количества зарубежных политиков в эфире телевизионных новостей: если в 1989 г. их было 6%, то к 2005 и 2021 гг. их количество увеличилось до 10 и 8% соответственно.

В табл. 4 представлены результаты типологизации группы «участников» по оставшимся сферам.

Актеры из сферы «Экономика» менее представлены в 2005 г. (в сумме 8% против 22% в 1989 г. и 20% в 2021 г.). В данной сфере нужно обратить внимание на уменьшение в два раза числа «участников» из подгруппы «Руководители и бизнесмены» к 2021 г. по сравнению с 1989 г., которое также можно обозначить как расщепление и демократизацию соотношения акторов в эфире: так, количество «участников»

Таблица 4

**Актеры из сфер «Экономика», «Общество», «Культура и стиль жизни», «Журналисты», «Другое»
в новостях «Ческа телевизе 1», % от числа «участников»**

Сфера	Тип актора	1989				2005				2021			
		1	2	3	Ср.	1	2	3	Ср.	1	2	3	Ср.
Экономика	Руководители и бизнесмены	28	29	9	20	3	4	8	5	9	12	10	10
	Специалисты-производственники	–	–	2	1	1	1	2	1	5	8	6	6
	Наемные работники	–	–	2	1	2	1	3	2	2	5	4	4
Общество	Медицинские работники	5	7	–	3	4	3	4	4	9	3	8	7
	Работники сферы образования	5	11	–	4	–	1	2	1	3	3	2	3
	Представители общественных организаций	5	–	–	2	9	8	7	8	5	3	6	5
Культура и стиль	Представители сферы культуры	15	18	2	11	3	2	1	2	7	7	8	7
	Спортсмены и тренеры	–	–	13	5	–	–	–	–	–	1	1	1
Журналисты		13	–	4	6	20	11	15	15	8	9	6	8
Другое		–	–	–	–	2	–	1	1	1	1	2	1

из подгруппы «Специалисты-производственники» увеличивается в шесть раз к 2021 г., число «наемных работников» – в четыре раза. В социальной сфере достаточно заметным является незначительное количество акторов из подгруппы «Работники сферы образования» в 2005 г.: 1% против 4% в 1989 г. и 3% в 2021 г. Более видимые изменения касаются подгруппы «Представители общественных организаций»: их количество увеличилось в четыре раза к 2005 г. по сравнению с 1989 г. Также 2005 г. выбивается из показателей в сфере «Культура и стиль жизни»: подгруппа «Представители сферы культуры» снизилась до 2% к 2005 г. по сравнению с 11% в 1989 г., впрочем, отчасти восстановив позиции до 7% к 2021 г. Подгруппа «Спортсмены и тренеры» вовсе отсутствует в 2005 г., тогда как в 1989 г. таких акторов насчитывалось 5%. Помимо этого, 2005 г. стоит особняком и в сфере «Журналисты»: их число в эфире чешских телевизионных новостей увеличилось более чем вдвое, с 6% в 1989 г. до 15% в 2005 г., снизившись до 8% к 2021 г.

Все вышеозначенное позволяет сделать следующие выводы.

Несмотря на равный промежуток в 16 лет периоды 2005 г. и 2021 г. похожи друг на друга по ряду показателей, тогда как периоды 1989 г. отличаются от более современных. С годами значительно увеличивается присутствие акторов в кадре телевизионных новостей. Было выяснено, что фрагменты интервью в современных новостных сюжетах встречаются в семь-девять раз чаще, чем в 1989 г. Следовательно, можно говорить о существенном увеличении присутствия обладающих правом слова людей в кадре информационных программ, что делает телевизионные новости более персонализированными. Также увеличилось присутствие в кадре журналистов: количество стендапов в современные периоды выросло в пять раз по сравнению с 1989 г.

Количество сюжетов, в которых присутствует хотя бы один актер, изменилось зеркально: 77% медиатекстов в 1989 г. не имеют интервьюируемых в кадре, тогда как семь из десяти сюжетов 2005 и 2021 гг. имеют минимум один синхрон в своем составе.

Соотношение акторов по группам «участников», «очевидцев» событий и «экспертов» в целом едино для всех периодов: в среднем около 70% акторов являются «участниками», около 20% «очевидцами» и около 10% «экспертами». Так, несмотря на разницу, отмеченную по многим критериям, между 1989 г. и 2005, 2021 гг., функциональный состав интервьюируемых в сюжетах в общем является одинаковым. Полученные на

примере чехословацких и чешских телевизионных новостей данные о едином функциональном составе акторов за каждый период близки результатам исследования информационных телепрограмм за период с 2003 по 2016 г. во Фландрии (Бельгия). Исследователи пришли к выводу о том, что имеет место относительная стабильность доли различных типов действующих лиц за 14-летний период [11, р. 880–881].

По поводу представленности «экспертов» отметим, что похожие с чешскими результаты (6–12%) характерны для новостей Италии (13%), Индии (14%) и Колумбии (14%), тогда как в Греции и Южной Корее количество «экспертов» выше (23%) [13, р. 385].

С точки зрения классификации акторов-«участников» по сферам отмечаем значительное превосходство политической и властной сферы над экономической, социальной и культурной. От 47 до 61% «участников» являются представителями группы «Политика и власть». Полученные результаты также вписываются в контекст аналогичных исследований: по данным работы, посвященной анализу телевизионных новостей на предмет присутствия гражданских акторов в период с 1990 по 2014 г., политические источники остаются доминирующими [12, р. 479]. В работе, посвященной анализу телевизионных сюжетов, освещающих жизнь мигрантов в Европе, исследователи пишут о «традиционном доминировании элиты» и незначительной представленности «аутсайдеров общества» в новостях [14, р. 734]. В целом находит подтверждение мысль К. А. Антонова, утверждающего, что политические институты действуют в русле медиалогии, активно взаимодействуя с телевизионными новостями [18, с. 66].

В аспекте более подробной типологии акторов-«участников» в сфере «Политика и власть» отмечен рост числа зарубежных политиков в эфире телевизионных новостей при движении к современным периодам. «Участники» из подгруппы «Суд» отсутствуют в 1989 г., в современные периоды составляя 2–5%, тогда как в исследовании новостей 2010 г. [13] минимальный показатель судебных источников, равный 8%, характерен для медиатекстов Греции и Южной Кореи; в среднем же по таким странам, как Италия, Колумбия, Япония, Индия, Канада, Великобритания и Австралия, данный показатель составляет 13–23% [13, р. 382], что позволяет говорить об относительно малой представленности акторов, связанных с судебной сферой, в телевизионных новостях Чешской Республики.

Также наблюдается демократизация представленности акторов экономической сферы: если в 1989 г. пятая часть их относились к подгруппе «Руководители и бизнесмены», то к 2021 г. отмечено значительное увеличение присутствия в кадре «специалистов-производственников» и «наемных работников». Увеличение присутствия «граждан» и представителей «гражданского общества» в эфире телевизионных новостей в период с 1990 по 2014 г. также отмечается исследователями [12, р. 475–476].

В 2005 г. установлен рост числа «представителей общественных организаций» и «журналистов» при одновременном уменьшении представителей сферы культуры (к 2021 г. количество первых двух подгрупп слегка уменьшится, тогда как представителей культуры, напротив, увеличится, приблизившись к показателям 1989 г.). Итак, можно сделать вывод о стабильно высоком числе политических деятелей в эфире телевизионных новостей при меняющихся с годами показателях представителей других сфер.

Список литературы

1. Экранная культура в XXI веке / редкол. : В. В. Виноградов (рук. проекта), К. К. Огнев, С. Л. Уразова, В. Л. Цвик ; отв. за вып. Н. И. Емельянова. М. : ФГОУ ДПО ИПК работников телевидения и радиовещания, 2010. 480 с.
2. Телевизионная журналистика : учеб. пособие / под ред. Ю. И. Долговой, Г. В. Перипечиной. М. : Аспект-Пресс, 2022. 208 с.
3. Ким М. Н. Основы творческой деятельности журналиста : учебник для вузов. СПб. : Питер, 2011. 400 с.
4. McCombs M., Shaw D. The agenda-setting function of mass media // *Public Opinion Quarterly*. 1972. Vol. 36, iss. 2. P. 176–187. <https://doi.org/10.1086/267990>
5. Katz E. The Two-Step Flow of Communication: An Up-To-Date Report on an Hypothesis // *Political Opinion Quarterly*. 1957. Vol. 21, iss. 1. P. 61–78. <https://doi.org/10.1086/266687>
6. Шелонаев С. И. Типология акторов в современном медиапространстве // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2012. № 1. С. 190–194. EDN: OXJFHV
7. Сергеева В. К. Селекция как механизм конструирования социальной реальности в телевизионных выпусках новостей (на примере программы «Время Первого канала» // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2011. Т. 10, вып. 6. Журналистика. С. 51–56.
8. Красикова Т. Р. Дискурсивное конструирование события в массмедиа: анализ российского телевидения : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2018. 186 с.
9. Дерябин А. А. Телевизионные новости как коммуникативное событие // *Дискурс*. 1998. № 7. С. 60–63. URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/tvnews.htm> (дата обращения: 10.03.2023).
10. Выпова М. Ю. Конструирование социальной реальности в новостных программах (на примере сообщений об изменении тарифов и цен) // *Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика»*. 2009. № 1. С. 121–130.
11. Beckers K., Van Aelst P. Look who's talking: An analysis of actors in television news (2003–2016) // *Journalism Studies*. 2019. Vol. 20, iss. 6. P. 872–890. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2018.1463169>
12. Kleemans M., Schaap G., Hermans L. Citizen sources in the news: Above and beyond the vox pop? // *Journalism*. 2017. Vol. 18, iss. 4. P. 464–481. <https://doi.org/10.1177/1464884915620206>
13. Tiffen R., Jones P. K., Rowe D., Aalberg T., Coen S., Curran J, Hayashi K., Iyengar S., Mazzoleni G., Papathanassopoulos S., Rojas H., Soroka S. Sources in the news: A comparative study // *Journalism Studies*. 2014. Vol. 15, iss. 4. P. 374–391. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2013.831239>
14. Beckers K., Van Aelst P. Did the European migrant crisis change news coverage of immigration? A longitudinal analysis of immigration television news and the actors speaking in it // *Mass Communication and Society*. 2019. Vol. 22, iss. 6. P. 733–755. <https://doi.org/10.1080/15205436.2019.1663873>
15. Masini A., Van Aelst P., Zerback Th., Reinemann C., Mancini P., Mazzoni M., Damiani M., Coen Sh. Measuring and explaining the diversity of voices and viewpoints in the news: A comparative study on the determinants of content diversity of immigration news // *Journalism Studies*. 2018. Vol. 19, iss. 15. P. 2324–2343. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2017.1343650>
16. Audiovizuální a mediální sektor v ČR. 2021. Český statistický úřad. Praha, 2023. 64 s.
17. De Smedt J., Wouters R., De Swert, K. Inter-coder reliability in the TV News Archive: A Report on Coding Issues, Countries and Actors in Belgian television news // *Antwerp: Steunpunt Media*. 2013. P. 1–14. URL: <https://dare.uva.nl/search?identifier=e625c035-6d1d-4955-b6c5-95c57a7737d6> (дата обращения: 10.03.2023).
18. Антонов К. А. Телевизионные новости: интернальные свойства медиа и механизмы конструирования реальности // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2009. № 7 (27). С. 64–67.

Поступила в редакцию 25.03.2023; одобрена после рецензирования 15.06.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 25.03.2023; approved after reviewing 15.06.2023; accepted for publication 10.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 99–110

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 99–110

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-99-110>, EDN: JZHPBA

Article

Research on Western media coverage of 2022 Beijing Winter Olympics

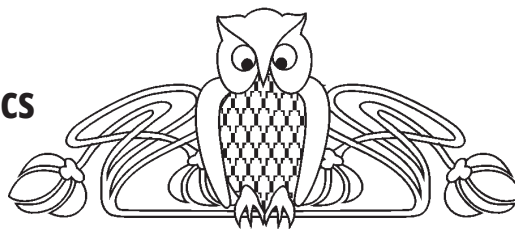
Li Menglong , Xiong Jiaqi, Qin Benchuyue

Jilin University, 2699 Qianjin St., Changchun 130012, China

Li Menglong, limenglong@jlu.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0003-3087-5417>

Xiong Jiaqi, 1272618458@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-6618-3661>

Qin Benchuyue, qbcy@jlu.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0002-6421-2403>

Abstract. As the Western world's policy towards China has been changing in recent years, the international public opinion, that China comes into contact with, is also deteriorating, which has a serious negative impact on forming the international image of China and on shaping soft power. In the context of the rapid development of modern information technology, sports events like the Winter Olympics are often accompanied by large-scale media coverage and propaganda, and it is important to deal with the negative coverage of the Olympics involving China in the Western media and to build a good national image through the Winter Olympics. This study focuses on the specific content of Western media reports on China during the 2022 Beijing Winter Olympics cycle, and summarizes and analyzes the characteristics of "distorted facts", "far-fetched" and "prominent political demands" in the negative reports on China in the Western media during the Winter Olympics. Based on the importance of guiding international public opinion and covering by media of such large sporting events as the Olympic Games, it is urgent and necessary to improve China's international public opinion crisis response mechanism and enhance national and international media capacity. In this regard, this paper proposes four specific response strategies: strengthening the international communication capacity of mainstream media, enhancing the role of the government in guiding and making decisions, strengthening cooperation with international media; and making full use of our own media platforms.

Keywords: Beijing Winter Olympics, soft power, media reports, national image, international media, politicization of sports, Russian-Chinese media cooperation

Acknowledgements: This project is funded by the 2022 Jilin University "Student Innovation and Entrepreneurship Training Program" (project No. X202210183122).

For citation: Li Menglong, Xiong Jiaqi, Qin Benchuyue. Research on Western media coverage of 2022 Beijing Winter Olympics. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 99–110. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-99-110>, EDN: JZHPBA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Научная статья

УДК 796.032.2(511.12)|2022|:070(100)

Исследование освещения западными СМИ зимних Олимпийских игр 2022 года в Пекине

Ли Мэнлун , Сюнь Цзяци, Цинь Бенчюю

Цзилиньский университет, Китай, 130012, г. Чанчунь, ул. Цяньцзинь, д. 2699

Ли Мэнлун, кандидат исторических наук, старший преподаватель Института международных и общественных отношений, limenglong@jlu.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0003-3087-5417>

Сюнь Цзяци, студент Института международных и общественных отношений, 1272618458@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-6618-3661>

Цинь Бенчюю, студент Института международных и общественных отношений, qbcy@jlu.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0002-6421-2403>

Аннотация: Поскольку в последние годы политика западного мира в отношении Китая меняется, ситуация с международным общественным мнением, с которой сталкивается Китай, также ухудшается, что оказывает серьезное негативное влияние на формирование международного имиджа Китая и построение «мягкой силы». В контексте стремительного развития современных информационных технологий спортивные мероприятия, такие как зимние Олимпийские игры, часто сопровождаются масштабным освещением в средствах массовой информации и пропагандой, и важно бороться с негативным освещением зимних Олимпийских игр с участием Китая в западных СМИ и создавать хороший национальный имидж через окно о зимних Олимпийских играх. В этой статье акцентируется специфическое содержание сообщений западных СМИ о Китае во время цикла зимних Олимпийских игр 2022 года в Пекине, а также обобщаются и анализируются характеристики «искаженных фактов», «надуманных» и «выдающихся политических требований» в негативных сообщениях о Китае в западных СМИ во время зимних Олимпийских игр. Исходя из важности руководства международным общественным мнением и освещения в средствах массовой информации во время крупных спортивных мероприятий, таких как Олим-

пийские игры, срочно и необходимо усовершенствовать механизм реагирования Китая на кризис международного общественного мнения и усилить наращивание потенциала национальных международных средств массовой информации. В этой связи в настоящем документе предлагаются четыре конкретные стратегии реагирования: укрепление международного коммуникационного потенциала основных средств массовой информации; выполнение роли правительства в руководстве и принятии решений; укрепление сотрудничества с международными средствами массовой информации; в полной мере использовать собственные медиа-платформы.

Ключевые слова: зимние Олимпийские игры в Пекине, мягкая сила, сообщения СМИ, национальный имидж, международные СМИ, политизация спорта, российско-китайское сотрудничество в области СМИ

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке «Программы обучения инновациям и предпринимательству студентов Цилиньского университета 2022 года» (проект № X202210183122).

Для цитирования: Li Menglong, Xiong Jiaqi, Qin Benchuyue. Research on Western media coverage of 2022 Beijing Winter Olympics [Ли Мэнлун, Сюнь Цзяцзи, Цинь Бенчуйю. Исследование освещения западными СМИ зимних Олимпийских игр 2022 года в Пекине] // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 99–110. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-99-110>, EDN: JZHPBA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

The Olympic Games are a major global sporting celebration with Olympicism as the core guide, with a four-year cycle and the Olympic Games as the main event. The Olympic Games have undergone a long and tortuous development, gradually becoming one of the world's major and most important sporting events. The Winter Olympic Games and the Winter Paralympic Games are both important parts of the Olympic Games, and on July 31, 2015 at the 128th IOC plenary session in Kuala Lumpur, the capital of Malaysia, Beijing won the right to host the 2022 Winter Olympics with 44 votes, making it the only city in the world to have hosted both the Summer Olympics and the Winter Olympics [1]. With the countdown to the opening of the Winter Olympics, the world is looking forward to this grand and magnificent sporting event and to the wonderful performances of athletes from all over the world. But it is also difficult to avoid the emergence of some “unfriendly” voice. It should be noted that the popularity of traditional media such as TV and radio has gradually increased and reached a high level in the continuous development of science and technology, and new media such as cell phones, computers and tablets have made it possible for people around the world to get all kinds of information anytime, anywhere and in a timely manner through the Internet. In such an era, the audience of the Olympic Games can receive media reports about the Olympic Games from multiple angles without the limitation of time and space, so the media reports of the Olympic Games can greatly affect the audience's understanding of the host country's national image, and to a certain extent, map out the national “soft power” of the country. Thus, the impact of international media coverage of the Olympic Games cannot be underestimated. In fact, the media coverage of the 2022 Beijing Winter Olympic Games is still largely negative, and these reports will, to a certain extent, directly affect the foreign

public's perception of the host country hosting the Games, and from the perspective of national “soft power”, also affect the host country's national soft power construction in addition to politics, economy and military. From the perspective of national “soft power”, it also affects the host country's national soft power construction in addition to political, economic and military aspects. In the information age where “everything is connected” and “everything is media”, the influence of public opinion guidance through international media information dissemination is also increasing, and there is an urgent need for China to improve its ability to respond to international public opinion crises and promote the reform and upgrade of international media communication. Therefore, it is important to investigate the characteristics of Western media coverage of the 2022 Beijing Winter Olympics during the Olympic cycle, and to help improve China's international media capacity.

All along, some Western media reports, through the guidance of public opinion, have been smearing China's image by buckling hats, pouring dirty water, and fabricating lies against public conscience, and in the 2022 Beijing Winter Olympics cycle, such untrue media reports still exist, which is very unfavorable to the shaping of China's international image and the construction of national soft power. We need to prepare for a rainy day. From the perspective of national “soft power”, the study of Western media reports related to the 2022 Beijing Winter Olympics will help China formulate more effective strategies for international public opinion guidance and media response, better respond to international public opinion emergencies, establish a good international image, and promote “public opinion” to win “national advantage”. It is also conducive to the improvement of the mechanism of winning “national edge” with “public opinion” and further demonstrating China's national soft power beyond politics, economy and

military. On the other hand, in the future, taking the hosting of or participation in large sports events as an opportunity to conduct real and positive media coverage and propaganda is conducive to transforming the traditional paradigm of sports diplomacy, promoting exchanges between countries around the world through sports competitions, promoting global friendship and cooperation, and showing the international community China's image as a great power with a pure love for sports and a friendly welcome to people around the world.

The research method used in this paper is the case study method. It analyzes the characteristics of Western media's public opinion guidance and the impact of such media reports on the national image and "soft power", and proposes strategies to deal with public opinion crises and to enhance China's international media communication capacity during the period of hosting or participating in large sports events. It also puts forward the suggestions to enhance China's international media communication capacity.

Media coverage of the special status during the 2022 Winter Olympics

On the one hand, the media is the bridge between the audience and the Winter Olympic Games. With the charm of sports competition, mass media attracts viewers and readers all over the world, shortens the social distance between sports and people, speeds up the spread of sports, expands the social coverage of sports, raises people's awareness of sports and promotes the development of sports technology, sports cannot be separated from mass media, and mass media cannot be separated from sports [2]. With the breakthrough of modern information technology and the development of media communication technology, information dissemination has broken through the limits of time and space, and its audience is growing, whether they are accustomed to the paper version of newspapers, magazines, journals or accustomed to fragmented access to information, e-journals, news websites, information push, can meet the audience's access to the information they need, especially TV, computers, cell phones, tablets and other In particular, TV, computers, mobile phones, tablets and other electronic communication devices have lowered the threshold of access and increased popularity, making it easier for people to obtain information related to the Winter Olympics. In the background of such information fever, more and more audiences are using media reports to obtain information about the Olympic Games and even to participate and interact with the Winter Olympics.

First of all, the new crown epidemic is a major health issue that has faced the world in recent years. Because of the highly contagious nature of the new crown, it has become less achievable for many sports fans to be there to witness the games directly. The spectator stand set up for the Beijing Winter Olympics will only accommodate about 20,000 spectators, including 18,000 fixed seats and 2,000 temporary seats. Therefore, the best choice for many spectators is to learn about the Beijing Winter Olympics and watch the games through media reports. So in fact, the audience of the Olympic Games is much more than that. According to statistics, roughly 500 million viewers around the world watched the opening ceremony of the 2022 Beijing Winter Olympics, far exceeding the 388 million who watched the 2014 Sochi Winter Olympics. And, after the opening ceremony, the global audience's attention to this Winter Olympics event was also very high [3]. Even in the United States, which boycotted the Winter Olympics on the eve of the Beijing Games, more than 100 million viewers watched the Winter Olympics-related events through media broadcasts. In Europe, only four days after the start of the Beijing Winter Olympics, the number of viewers watching the Beijing Winter Olympics through the media already exceeds the total number of viewers at the PyeongChang Winter Olympics. Even Australia, which is not good at snow and ice sports, has a high level of interest and attention in the Winter Olympics, with 11.7 million viewers four days after the games began [4].

Secondly, it is worth mentioning that in the communication of the 2022 Beijing Winter Olympic Games, foreign social media platforms have become a new variable in the international public opinion pattern, and the international version of Chinese Internet enterprise "TikTok" is favored by foreign netizens. Before the opening of the Beijing Winter Olympic Games, international public opinion was more focused on negative information, especially the traditional media set negative issues about the Beijing Winter Olympic Games, but social media always had a higher emotional recognition of the Winter Olympic Games than traditional media. Athletes' social media accounts became an important driver of topics involving the Winter Olympics, and the athletes themselves played an important role in the communication of China's national image. Athletes interact with fans and netizens through social media, providing a platform for the "physically absent" public, helping to increase the sense of participation in the Winter Olympics among the world's netizens, promoting a relatively objective public perception of the Winter Olympics, and helping to increase the buzz around the Beijing Winter Olympics. Beijing

Winter Olympics regular press conference, “the IOC’s social media accounts reached 2.7 billion views during the Beijing 2022 Winter Olympics and 1 billion comments on the social media accounts of star athletes” [5]. Reuters posted that “the natural image of athletes streaming through social media attracted traffic to mainstream media outlets that broadcast the Olympic events” [6].

On the other hand, the hosts’ reasonable use of media coverage contributes to a good national image. Considering the country’s participation in the Winter Olympics and the specific links between the Games and the hosts, the coverage of the Games affects the national image of the participating and host countries, especially the hosts, which, if properly organized, may become an effective conductor of “soft power” and contribute to the desired national image. The media are often used as a tool for the implementation of governmental will and diplomatic strategies, and they strongly influence the development of international relations in the context of globalization. In the era of globalization, mass media can cause “soft blows” to international politics, as opposed to hard military blows, which can cause a total cultural, political and positive blow to a country. Mass media are less restricted by time, have a wide range of communication, are time-sensitive, rich in content and have a wide audience, and often act as a means of political struggle and have a strong impact on the traditional concept of national security [7].

International media coverage is important for shaping the country’s image in the international community. Public opinion guidance (opinion direction) is a means of communication through the media to guide social opinion in a certain direction set in advance. The method adopted is to provide social audiences with relevant discussion topics and predetermined mainstream ideas through the mass media, and in this process, the audiences can be induced to follow the guidelines, routes and regulations planned by the government to engage in social behavior, thus playing a guiding role [8]. From the process of realizing public opinion guidance, media reports play a key role in it, from the predetermination of the government’s ideas and routes to the final acceptance and compliance by the public, it is inseparable from the information dissemination by the media in the middle. China has been facing the problem of Western media spreading inaccurate information to the public, smearing, stigmatizing and demonizing China’s image with the help of public opinion guidance. In recent years, China has purposefully strengthened its national media construction and its ability to respond to public opinion crises, but the

overall trend is not much better, and the international public opinion environment facing China is still very severe and negative in character.

Finally, the Olympics can attract a wide range of actors to engage in political resistance. The Olympics can bring influential potential allies and supporters to protest claimants, and when channels of interaction between the state and its domestic actors are blocked, protest claimants bypass the state and directly seek international allies in an attempt to pressure the country from the outside. In addition, the Olympics provide a powerful source of external symbolic capital for protest claimants and help form horizontal ties among activists with similar claims, thus increasing the political opportunities for protest claimants [9].

Analysis of the content of Western media reports on the 2022 Beijing Winter Olympics

Positive coverage of the 2022 Beijing Winter Olympics in Western media. Prior to the Winter Olympics, the 2008 Summer Olympics held in Beijing were already well received by the international community, both for the epic and stunning opening ceremony, and for the epidemic prevention measures, competition venues, and athlete accommodations, which left a deep impression on the people of the world and were widely praised. On the eve of the Winter Olympics, China made full preparations to meet such a special period of the Winter Olympics, based on the almost complete completion of the Winter Olympics hardware facilities, carefully designed the cultural connotations and promotional elements derived from the Winter Olympics, China’s purpose of shaping the national image and enhance the impact of soft power has been somewhat successful, once again creating an unprecedented and unparalleled sports event. This has led many Western media to praise it, and the Western media have also reported positively on the information related to the Winter Olympics.

In addition to the positive response to the announcement of the Winter Olympics theme slogan “Together for a Shared Future”, the Winter Olympics mascot “Bing Dundun”, in the form of a naive panda, received a positive media image and unexpected popularity, and was snapped up both inside and outside the Olympic Village, leaving a deep impression of China in the form of a national treasure.

The new crown epidemic is the primary challenge for China to host the Beijing Winter Olympics. The Winter Olympics are being held in the midst of a major outbreak of the new crown virus mutant strain Omicron, and proper prevention and control of the epidemic during the Winter Olympics is the

foundation and key to the success of the Games. In this regard, China's "dynamic zero" policy on the new crown outbreak and the Beijing Winter Olympics' strict "closed-loop management" measures on epidemic prevention and management have provided a safe environment for Olympic personnel, and the epidemic prevention effect is also very significant. Bloomberg reported that China's epidemic prevention policy during the Winter Olympics was highly rated: "China's closed-loop management policy to isolate the new coronavirus has successfully contained it". The Wall Street Journal also reported on China's "dynamic zero" policy: "China's 'dynamic zero' policy provides educational value for other countries" [10].

"Sustainable development" has always been the national strategy that China insists on executing, and for this year's Olympic Games, the Chinese Winter Olympic Organizing Committee has also put the concept of "sustainable development" into the construction of the venues and surrounding areas of the Winter Olympic Games, which has been highly recognized by the International Olympic Committee. This was highly recognized by the International Olympic Committee. The British magazine Nature praised the efforts of the Beijing Winter Olympics to achieve carbon neutrality in this article: "The Beijing Winter Olympics have taken much more measures to reduce emissions than previous Winter Olympics, with measures to achieve carbon neutrality in the use of original venues, renewable energy and green equipment procurement" [11].

In addition to the sports competitions, the opening and closing ceremonies have always been the highlight of the Olympic Games, and successful opening and closing ceremonies not only provide a joyful celebration for the sports competitions, but also showcase the national culture of the host country and express the host country's warm welcome to the guests. The opening and closing ceremonies of the 2022 Beijing Olympic Winter Games were not only innovative, adding technological elements, but also expressing a symbolic wish for world unity and friendship, based on the romance and poetry of China, which was amazing. For the opening ceremony of the Beijing Winter Olympics, NPR reported, "It was a dazzling and exciting opening ceremony that showcased the energy and hipness of China's youth". The Guardian, one of the UK's top three newspapers, also compiled a report of 11 high points from the stunning opening ceremony [12]. For the closing ceremony of the Beijing Winter Olympics, the Washington Post praised in its report, "In the opening ceremony of the 2008 Summer Olympics in Beijing, China sought common ground with the Western world. For the 2022 Winter Olympics, China's common ground with the Western world has certainly deepened, and

the closing ceremony was" a futuristic performance. CNBA also used the word "stunning" to describe the closing ceremony of the Beijing Winter Olympics. At the end of the closing ceremony, the British newspaper The Guardian quoted IOC President Bach as saying, "The Olympic spirit can only shine so brightly if the Chinese people can set the stage in such a brilliant and safe way" [13]. On the one hand, it praised China's efforts in this Olympic Games, and on the other hand, it congratulated the perfect ending of this Winter Olympic Games.

Negative coverage of the 2022 Beijing Winter Olympics in the Western media. The positive coverage of the 2022 Beijing Winter Olympics by the international media listed in the previous section of this chapter confirms this, but some Western media have not given up on the opportunity offered by this globally-anticipated sporting event, and are still making ulterior motives for their lack of negative coverage of China during this Olympic cycle.

On the eve of the Winter Olympics in Beijing, the overall color of the Western media coverage has been quite negative. On July 31, 2015, Beijing's bid for the Winter Olympics was successful, and the Daily Mail's Sports News reported the news that Beijing had beaten Kazakhstan to host the Games despite the fact that artificial snow would be used [14]. As a twist, "artificial snow" seems to be the main focus of this story. Regarding artificial snow, the Daily Mail says: "Winter sports experts warn that fake snow creates a harder surface that is more dangerous for jumping and landing. ... It's dangerous for athletes – and people have died. – Some people have already died", such seemingly scientific reports are ridiculous. At the 2018 PyeongChang Winter Olympics, which preceded the Beijing Winter Games, the Western media not only did not reject manmade snow, but praised it, such as what USA Today reported: "...manmade snow is wetter and denser, creating an ideal surface for skiers and ensuring that the snow system is uniform throughout the venue" [15]. In fact, the artificial snow used in the 2022 Beijing Winter Olympics is not only high quality, green, non-toxic and non-hazardous, but also more stable than the natural snow with its variable physical properties, which can be applied to various events and tracks. During the competition, the snow was also well received by many athletes. Bernhard Roussi, chairman of the FIS Alpine Ski Committee, told reporters after receiving feedback from athletes that "skiing on this artificial snow is easy": "I think it's as good as heaven for skiers to ski on this artificial snow" [16].

With the official start of the Winter Olympics, negative coverage in the Western media has centered on the "opening ceremony". Vanessa Friedman,

editor-in-chief of the fashion section of the New York Times, even took the lead in the coverage of the Winter Olympics, smearing China from a tricky angle of “costume design”. Vanessa used the theme of “Reviewing the Costumes of the Winter Olympics Delegations” to comment on the costumes of the delegations at the opening ceremony, but when it came to the Chinese team, she did not talk about the style and color scheme of the costumes, but instead sarcastically and in a very oriented manner: “China is the only country that uses costumes to distinguish between male and female athletes”. Instead, he sarcastically said, “China is the only country that uses clothing to differentiate between male and female athletes”, trying to discredit China from the gender issue of “gender equality”. But viewers soon noticed that the U.S. delegation’s men’s and women’s uniforms also had different styles and color schemes, while Vanessa praised her country’s uniforms. This ridiculous report by the New York Times caused a lot of debate among netizens around the world, who expressed their support for China and criticized the Times for its biased and inaccurate reporting.

The “Xinjiang issue” has also been a common political topic in Western media speculation about the Beijing Winter Olympics. While cross-country skier Dinigel Yilamjiang from Xinjiang and Nordic biathlete Zhao Jiawen from Heilongjiang were the main torchbearers for the Games, Dinigel’s Xinjiang Uyghur identity was questioned and maligned by the Western media. The New York Times described the main torchbearer as follows: China provocatively chose to have an athlete with a Uyghur name help light the flame. The implication is that Dinigel is just an “actor” with a Uyghur name. The Wall Street Journal also made an absurdly ridiculous report about Dinigel as the main torchbearer: “A Uyghur skier became the face of the Winter Olympics in China, but the next day she disappeared from the spotlight”. A similar report in Britain’s Daily Mail stated, “The face of China’s Winter Olympics, a 20-year-old Uyghur ski farrier ‘disappears’ after finishing 43rd in her debut”. In fact it was not a “provocative” choice for Dinigel to be the torchbearer in the first place. In terms of the identity of the athlete, Dinigel won the silver medal in the women’s individual short distance at the FIS Beijing Cross-Country Skiing Points Race in 2019, which is the first time a Chinese athlete has stood on the podium in an international cross-country skiing competition and is fully qualified to be the main torchbearer; in terms of the historical and cultural background related to the Winter Olympics, Dinigel’s hometown in the Altai region in northern Xinjiang is the place where human skiing originated. In terms of the historical and cultural background

of the Winter Olympics, Dinigel’s hometown in the northern Xinjiang region is the origin of human skiing. Secondly, apart from the identity of the main torchbearer, Dinigel, like other athletes, is an ordinary participant in the Winter Olympics, and she does not need the aura implied by the Western media. The Mail’s reporter turned off the TV and found that all the athletes had ‘disappeared’ [16].

The epidemic prevention and control policy regarding the Winter Olympics has also been much criticized. In preparation, the Beijing Organizing Committee for the Winter Olympics has planned an unprecedented set of epidemic prevention policies, requiring strict enforcement of quarantine, vaccination and other standards, and has announced that tickets will not be sold to foreign visitors, an important part of ensuring the smooth running of the Winter Olympics, but also a serious challenge. This is a far cry from the perception and practice of the US and Western countries, and has been used as a “talking point” by the British and US media to attack China, emphasizing the strong control of the Chinese government and the risks under this policy, as well as the discontent and inconvenience it may cause. CNN also commented on the Chinese government’s vaccination policy, expressing alarm at the severe restrictions on the movement of athletes in the early stages, while accusing China’s official media of being eager to spread positive comments and completely failing to report criticism from athletes. The German newspaper Die Zeit was even harsher in its assessment of Beijing’s virus policy, using the story of one athlete – Eric Frenzel – to voice complaints and accusations about the policy, portraying the isolation suffered by the positive athlete as unfortunate and painful and painful, and that “11 days of isolation must have had a significant impact on the 2014 and 2018 Olympic champion” to the extent that he was unable to win.

In addition, Western media have expressed distrust of the Chinese government, fearing cybersecurity and espionage by suspecting possible security flaws in China’s Olympic apps. On the one hand, foreign countries restrict their athletes from using the digital yuan. Among other things, CNN also mentioned its negative attitude towards the effectiveness of digital currency propaganda, arguing that the Chinese government’s efforts to showcase the digital yuan internationally will fall flat due to the limited number of participants in the Olympics. On the other hand, foreign media questioned the content of videos released by people involved in the Olympic Games outside of China about the face recognition system at the entrance to the Winter Olympic Village and venues: the threat of collecting face information to personal information security.

Analysis of the characteristics of negative reports in Western media related to the 2022 Beijing Winter Olympics

The current international public opinion environment is very complicated, and according to the contents listed in the previous article, although some western media have made true reports and affirmed China's performance in the face of the impeccable fact that China successfully held the Winter Olympics, and the negative situation of China in international public opinion has improved through the successful holding of the Winter Olympics, negative reports in western media still exist and are not a minority. Accordingly, this paper summarizes the characteristics of some Western media's negative reports on the Winter Olympics.

First of all, the content of the Western media reports on the Winter Olympic Games is characterized by distortion of facts. As shown in the previous article, the artificial snow used in the Winter Olympics was approved by international experts, whether from the perspective of quality, safety, environmental protection and green, or the attitude of the International Olympic Committee and the actual feelings of the athletes, the artificial snow used in China has provided stable and high quality snow service for the Winter Olympics, but the western media still use words such as "fake snow" and "dangerous". Fake snow", "dangerous" and other words, negative reports without factual support. For the perfect ending of the Winter Olympics, the Western media even reported that it was "an unhappy victory" and "the most controversial Olympic Games" with blinders on. However, the Western media distorted the facts and turned black and white to create rumors, and in order to discredit China's image, the Western media has abandoned the basic principles of media reporting.

Secondly, far-fetched is another major feature of the Western media's negative reports on the 2022 Beijing Winter Olympics. It has always been common for male and female athletes to have different costume designs, and more often than not, the different color schemes echo each other's symbolism, but in the Western media, they have forced a connection with "gender inequality". Likewise, while the main torchbearer is no longer covered by the media after he finishes the race, the ongoing and pending races are the focus of media coverage, and the Western media uses this to suggest that the Uyghur main torchbearer, Dinigel, is just an "actor" brought in by China. One can only say that it is difficult to connect the factual information with the message conveyed by the Western media in their reports, if not with ulterior motives.

In addition, the Western media are characterized by "double standards" in their reporting. Double standard means that two different or even opposite attitudes and evaluations are held for two different subjects under the same objective facts. In the same case of artificial snow, the Western media praised the previous PyeongChang Winter Olympics, but criticized and disapproved of the Beijing Winter Olympics; when introducing the costumes of the participating delegations, they did not mention the different color-coordinated costumes of the male and female athletes of the U.S. team, but far-fetchedly satirized the Chinese representatives for using different costumes to distinguish male and female athletes. From the point of view of objectivity and truthfulness, media reports should follow the principle of objectivity of dividing the two sides and not being biased, but the Western media smear China regardless of the principle of objectivity, but the eyes of the public are discerning, and such double standard behavior of the Western media is absurd and ridiculous in front of the facts.

Moreover, the content selection of Western media reports on the Winter Olympics is characterized by prominent politicization appeals. During the Beijing Winter Olympics cycle, the negative entry points of Western media coverage were often linked to the recent China-related policy pronouncements of their governments' long-standing negative China-related statements [17]. For example, on the eve of the Olympic Games, some Western countries boycotted the Beijing Winter Olympics on the basis of the "epidemic" and the so-called "human rights issues in Xinjiang". In recent years, the United States has accused China of "forced labor in Xinjiang" under the guise of "human rights" to suppress China. Therefore, before the Winter Olympics, the Western media's negative coverage of China's epidemic prevention policy was largely influenced by political bias. During the Winter Olympics, the Western media focused on the Uyghur athlete Dinigel as the main torchbearer, leading and implying that the "athlete with a Uyghur name" and "disappeared from the spotlight after the competition" were the main issues. "The Xinjiang issue". These reports fully demonstrate the characteristic of Western countries to convey their political interests through the choice of content in media reports.

Overall, the Western media's negative China-related coverage intends to put a crisis on China's national image, but the actual effectiveness of such coverage should be put into question, with the impact of the Western diplomatic boycott gradually fading from the public eye.

Strategies for dealing with negative Western media coverage

Strengthen the international communication capacity of Chinese mainstream media. Strengthening the international propaganda of China's mainstream media and making the world understand and know China through the international propaganda of mainstream media is the most direct and effective as well as the most important way. The international public opinion situation facing China is very serious, and we have no way to stop the Western media from disinformation and smear reports on China, but we can take the initiative to disseminate true information and positive propaganda by playing the central role of China's official mainstream media. Previously, the Chinese government has implemented the "Go Global Project" in the construction of official mainstream media, and built a strategic layout of international communication with traditional media as the strategic fulcrum and new media as the strategic support. However, the lack of international communication power and the lack of agenda-setting ability of the national mainstream media still limit the voice of Chinese international media, and they cannot grasp the right to define and use the news discourse in the communication process, and fail to effectively improve the Western society's understanding of China [18]. Therefore, the lack of international communication capacity of mainstream media is still an important reason that restricts Chinese media propaganda from "going global".

This paper argues that in order to enhance the propaganda of international media, grasp the news discourse in the process of international communication, and enhance the international communication ability of Chinese national mainstream media, it is necessary to: first, should build a team of international communication talents based on high level of professional quality and driven by innovation ability. Second, should increase the research on the law of international media communication, grasp the law of international media communication is conducive to Chinese media to take the initiative in international communication, grasp the right to speak, and promote the promotion of Chinese mainstream media propaganda efforts. Third, break through the circle of discourse expression, take the initiative to set issues. Our communication vision cannot be limited to spreading China itself, and we need to provide the international community with a communication option to understand the world. Taking the Beijing Winter Olympics as an example, we need to think about how

to use the Beijing Winter Olympics to express our own demands well, break the filter of Western media and the incomplete perception of China by foreign audiences, and create a value standard of our own for the Beijing Winter Olympics. Fourth, the media should also introduce new attempts in the form of foreign communication, increase interesting expressions, and promote people from different countries and ethnic backgrounds to enhance mutual trust and understanding and create emotional resonance. Fifth, the media should adhere to the orientation of humanistic concepts, prevent public opinion from being out of order, and infect the world audience with humanistic concerns. Since the deep-rooted prejudice and distortion of China in the Western mainstream media remains unchanged, we should realize that major events or activities organized by China in the future may again become a tool for the Western media to stigmatize China, and we should reduce the political color of foreign communication and direct the perspective of communication to the creative transformation of traditional Chinese culture and the promotion of common human values [19].

Play the role of government in guiding and making decisions in media coverage. Press release is an effective way to guide domestic and foreign public opinion [20]. First of all, the government should establish a sound information release mechanism, actively and proactively disclose information, coordinate the planning of release time, release content, release topic setting, etc., strengthen the interaction with foreign users, and use algorithms and other core intelligent push technology to accurately deliver information to the target audience [21]. Especially for such an important international sports event as the Winter Olympics, the government should play a leading role in setting the agenda, grasp the home advantage of the Winter Olympics, and actively deliver positive information. Secondly, the government should streamline the process of international public opinion crisis response mechanism, select and train high-level professionals for large sporting events such as the Winter Olympics, establish a special public opinion crisis response team, eliminate unnecessary processes in the public opinion crisis response mechanism, implement information sharing in the whole process, avoid affecting the response efficiency and effectiveness of response in the process of uploading and transmitting, save time and cost by streamlining the process, and provide timely response to public opinion crisis. By streamlining the process, we can save time and cost and respond to and deal with public opinion crises in a timely manner.

Strengthen cooperation with international media to enhance soft power. Strengthening international cooperation is also one of the effective ways to deal with the negative coverage of China in Western media. First of all, to innovate the theory and practice of international communication, it is not enough to rely on Chinese media's own efforts, but needs the joint participation of the world's media, through the harmony and resonance of different levels, to form a pluralistic pattern of polyphonic communication [22], so as to achieve the overall optimization of the international communication system, and then through the whole to drive the improvement of each country's international communication capacity and the optimization of the communication structure. Strengthening cooperation with international media is conducive to the Chinese media's awareness of cultural differences at home and abroad, which can not only avoid the adverse effects caused by misunderstanding due to cultural differences, but also enable the media to fully understand the interests and adaptation styles of foreign audiences when setting the agenda, so as to create a Chinese image that people around the world can aspire to and appreciate in the process of international communication, and let people around the world actively understand and listen to Chinese stories, instead of Passive acceptance of the negative guidance of the Western mainstream media.

In the face of the ever-renewing "China threat theory" and "Russia threat theory", China and Russia should strengthen media cooperation, jointly face the hegemony of Western media, and jointly counter the distorted interpretation of China and Russia by Western media. The two countries should strengthen media cooperation to confront the hegemony of the Western media, to counter the distorted interpretation of China and Russia by the Western media, and to make efforts to spread an objective image of the country. As the collision between China and the West is intensifying, the competition and conflict between the two countries in the field of "soft power" will also intensify, and breaking the hegemony of the Western public opinion will be an important problem for the media of China and Russia. At present, the media cooperation between the two countries has a good basis in reality, and they should cooperate together to improve their soft power. On the one hand, China-Russia media cooperation has the basis of exchange platforms. Chinese mainstream media, represented by China Central Radio and Television, Xinhua News Agency, People's Daily, etc., and Russian media, such as All-Russia State Television and Radio Corporation (ВГТРК), Rossiya Segodnya (Россия

Сегодня), etc., have carried out various forms of cooperation, such as joint interviews, information products exchange, joint publications and APPs. On the other hand, Russian-Chinese media cooperation is based on material activities. For example, based on the comprehensive strategic partnership between Russia and China, the two sides have carried out a series of international cooperation projects on "One Belt, One Road" and the Russian-Chinese Winter Youth Games.

Firstly, Chinese and Russian media should set diverse news topics, comprehensively reflect the multipolarity and cultural pluralism of the world, and present a relatively objective and realistic world to the audience. Second, Chinese and Russian media should improve the quality of communication products, enhance international communication capacity and international competition, and realize the complementary advantages of resources. In addition, China and Russia should use the media as a mediator to comprehensively promote exchanges and mutual trust, solidify the foundation of Sino-Russian friendship and public opinion, explore cultural resonance points between China and Russia, and actively innovate media cooperation models. Fourth, we should improve the cooperation mechanism, promote the construction of new media platforms, establish a fair and reasonable new order of international information dissemination, and lay a solid foundation for the media and do of both countries. Finally, we should firmly grasp the realistic basis of media propaganda. During the Beijing Winter Olympic Games, President Xi Jinping and President Putin jointly announced the launch of the 2022–2023 "China-Russia Sports Exchange Year", which is the first time for the two countries to hold a national annual event with the theme of sports, and the two countries should seize this opportunity of the times to jointly improve the level of competitive sports in winter sports in China and Russia, promote sports and cultural exchanges and interaction between the two sides, and write a new era. The two countries should seize this opportunity to improve the level of Russian-Chinese winter sports, promote cultural exchange and interaction, write a new chapter of Sino-Russian friendship and cooperation in the new era, and respond to the stigmatizing reports of Western media with strength. In addition, due to the war between Russia and Ukraine, Russian athletes have been unable to participate in major sporting events in the world and Russia has been excluded from major sporting events. In order to change the negative image of Russia and China in the Western media, Russia and China should respond to Putin's initiative to follow the BRICS Games model

created by the BRICS countries by organizing the SCO Games and establishing a sports federation of SCO countries to break the international blockade.

Make full use of the self-publishing platform.

In recent years, with the popularization of network communication devices and breakthroughs in network technology, China's self-media has entered a period of rapid development. Compared with traditional media, self-media spreads faster and has a richer and more diverse form of communication. Take Weibo as an example, many foreign athletes have registered their personal accounts on Weibo, and we can see the interaction between these athletes and domestic and foreign netizens on Weibo. Chinese media can also develop international communication channels and make full use of some domestic self-media platforms to establish official certified accounts for international communication. On the one hand, self-media has the characteristics of fast college communication, in the face of Western media's disinformation and smear reports on China, China can respond in time through self-media platforms, correct the untrue content and explain the ambiguous parts, so as to improve China's international media's public opinion crisis response mechanism. Secondly, self-media has a wide audience, rich and diverse communication methods, and vivid images.

Based on the above, we will draw conclusions. First, despite the boycott of the Beijing Winter Olympics by some Western countries before the opening of the Winter Olympics, the Western media's attention to the 2022 Beijing Winter Olympics has also risen with the Winter Olympics. The research and analysis in this paper reveals that although China's successful hosting of the Beijing Winter Olympics has been highly evaluated and praised by the International Olympic Committee and many international media, during this Olympic cycle, the Western media still carried out many negative reports involving China, discrediting and stigmatizing China. These negative reports are characterized by distortion of facts and far-fetched arguments that violate the basic principles of news reporting, and are accompanied by political guidance and political appeal purposes of Western countries.

Secondly, the phenomenon of constant politicization of sports is getting more and more serious nowadays, and the Olympic Games, as one of the grandest global sports events, is also a stage for cultural display and exchange among countries. Its great influence also makes it gradually become the focus of international political attention. For the host country, hosting the Olympic Games is a window for national soft power construction and national image shaping, while for other countries, the

Olympic Games is an opportunity to assert national political demands. Double standards have become an important diplomatic tool for Western countries today, selective morality and political amnesia have become the hallmarks of those insidious critics, and such major international sporting events as the Olympic Games have become tricks for European and American politicians to "politicize sports" under the guise of human rights, democracy and multicultural tolerance. There is no doubt that this is a dirty political purpose to tarnish the sporting event. In the case of the 2022 Beijing Winter Olympics, for example, the Western media, through its negative coverage of China, echoed the country's anti-China political rhetoric and advocacy, trying to lead the audience to accept and endorse its political demands. Although the Winter Olympics are over, history and the past can still be an object of political manipulation by the media. When non-Western countries like China and Russia hold other major international sporting events in the future, they need to plan ahead, both in terms of media response and national image building. China and Russia can consider how to cooperate with international media on strengthening international and domestic public opinion monitoring, analyzing public opinion dynamics, and evaluating reporting effects, and jointly establish a negative public opinion response mechanism to guide international and domestic public opinion in a positive and healthy direction.

In addition, China's own international media communication ability also has much room for improvement and the need for improvement. Being in a disadvantageous position in international public opinion, we need to clarify, refute and respond to the malicious smears by the media of Western countries, but it is not enough to deal with them passively, only to take the initiative to speak out. Only by showing the world a real, democratic and peaceful international image of a great power and telling a good Chinese story can we improve China's international public opinion environment more strongly and let the world people know China better and more truly. To do the above, China's existing international media capacity is far from enough, so we need to strengthen Sino-foreign media cooperation and strive to enhance the authority and influence in the international public opinion arena, break the "discourse hegemony" and "ideological bias" formed by Western media for a long time through international media cooperation. Therefore, it is necessary to strengthen the cooperation between Chinese and foreign media and strive to enhance their authority and influence in the international public opinion arena, to break the "discourse hegemony" and "ideological bias" formed by the

Western media for a long time through international media cooperation, and to promote the formation of an objective and fair, positive and healthy global public opinion ecology.

From the above three points, it is necessary to improve China's international public opinion crisis response mechanism, strengthen China's international communication capacity, and complete the transformation of China's international media communication from "passive response" to "active propaganda". In this regard, China can make concerted efforts in four areas: strengthening the international communication capacity of mainstream media; playing the role of the government in guiding and making decisions; strengthening cooperation with international media; and expanding channels and making full use of self-media platforms.

The motto "More United" was added to the Olympic motto by the International Olympic Committee in 2021, and in recent years there has been a growing call from people around the world for "sport without borders" and "a ban on the over-politicization of sport". In recent years, people around the world have become increasingly vocal about "sports without borders" and "banning the over-politicization of sport". Reasonable and positive media coverage can help the world audience to better understand sports competitions, but the use of sports competitions for malicious smears and disinformation to achieve political purposes is outrageous. A look at the 1980 Moscow Olympics, the 2008 Beijing Olympics, the 2014 Sochi Winter Olympics, the 2022 Beijing Winter Olympics and even the just-concluded 2022 FIFA World Cup in Qatar shows that media coverage of non-Western countries by Western countries is still very strongly politically biased, and the negative public opinion guided by such political bias has caused serious damage to the international image of the countries hosting major events. The negative public opinion guided by such political bias has caused serious damage to the international image of the countries hosting major events. While global sports events are an important opportunity for countries around the world to showcase themselves to the international community, they are not a reason to over-politicize sports. Appropriate political participation is conducive to strengthening communication among countries around the world through sports events, promoting world peace and common development, but excessive political participation will only make sports events lose their original value and go against the spirit of the Olympic Games. Therefore, to prevent excessive politicization of sports and reduce the negative impact of politics on sports events, the joint efforts of all countries in the world are also needed.

References

1. *The final version of the Beijing Winter Olympics "schedule": These eight years, we go through this way!* Available at: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1723719226081056001&wfr=spider&for=pc/> (accessed February 3, 2022) (in Chinese).
2. Huang S. G., Lin S. N. The Impact of Mass Media on Chinese Sports Communication in the Post-Olympic Era in the Context of Globalization. *Liaoning Sports Technology*, 2012, no. 1, pp. 35–37 (in Chinese). <https://doi.org/10.13940/j.cnki.Intykj.2012.01.014>
3. Yu H. M. Beijing Winter Olympic Games broadcast figures reach record high. *China Sports News [EB/OL]*. [2022-02-17]. Available at: <https://www.sport.gov.cn/n315/n329/c24022826/content.html> (accessed February 18, 2022) (in Chinese).
4. *Why the Beijing Winter Olympic Games are watched by the largest number of people?* Available at: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1725053991240807312&wfr=spider&for=pc/> (accessed February 18, 2022) (in Chinese).
5. *Beijing 2022 Winter Olympic Games successfully concluded the world to embrace the future.* Available at: https://www.ccdi.gov.cn/toutiao/202202/t20220221_172986.html/ (accessed February 21, 2022) (in Chinese).
6. *From clothing hauls to TikTok trends, Gen Z Olympians show new side of Games.* Available at: <https://www.reuters.com/lifestyle/sports/clothing-hauls-tiktok-trends-gen-zolympians-show-new-side-games-2022-02-11/> (accessed February 11, 2022).
7. Wang J. Y. The influence of mass media on political struggle in the era of globalization. *Xi'an Social Science*, 2022, no. 2, pp. 130–132 (in Chinese).
8. Zhang Z. *Research on the guidance of media opinion in sudden events*. Wuhan, Huazhong University of Science and Technology, 2016. 46 p. (in Chinese).
9. Cottrell M. P., Nelson T. Not just the Games? Power, protest and politics at the Olympics. *European Journal of International Relations*, 2011, vol. 17, iss. 4, pp. 729–753. <https://doi.org/10.1177/1354066110380965>
10. *Foreign media look at the Winter Olympic epidemic prevention: China's "dynamic zero" policy for other countries to learn from the significance.* Available at: http://news.youth.cn/gj/202202/t20220219_13462687.html/ (accessed May 26, 2022) (in Chinese).
11. *Beijing Winter Olympic Games in the eyes of foreign media.* Available at: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1725700853869435470&wfr=spider&for=pc/> (accessed May 23, 2022) (in Chinese).
12. *Overseas media praise the opening ceremony of the Beijing Winter Olympics: Gorgeous!* Available at: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1723926426060244753&wfr=spider&for=pc/> (accessed May 26, 2022) (in Chinese).
13. *Foreign media focus on the closing of the Beijing Winter Olympics, the U.S. media reporter said "will never forget the warmth of the Winter Olympics".* Available at: <https://>

- baijiahao.baidu.com/s?id=1725367154400848102&wfr=spider&for=pc (accessed May 26, 2022) (in Chinese).
14. *How the British and American media reported the success of Beijing's bid for the Winter Olympics*. Available at: http://www.360doc.com/content/20/0903/21/71400495_933841918.shtml (accessed April 15, 2022) (in Chinese).
 15. *After the Winter Olympics, I combed through foreign media reports*. Available at: http://k.sina.com.cn/article_1887344341_707e96d5020017tan.html (accessed March 29, 2022) (in Chinese).
 16. *Beijing Winter Olympic Games artificial snow praised by athletes: The best so far*. Available at: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1724903557885629912&wfr=spider&for=pc> (accessed 21 April 2022) (in Chinese).
 17. Lin S. X. Analysis of the framing strategies of Western mainstream media's China-related coverage. *Modern International Relations*, 2022, no. 1, pp. 53–60 (in Chinese).
 18. Li X. G., Guo X. K. The International Communication Power of Mainstream Media and the Path to Enhancement. *Chongqing Social Science*, 2012, no. 8, pp. 5–12 (in Chinese).
 19. Sun Z. H., Ouyang X. L. Conceptual Identity and Cultural Exchange: New Ideas for Foreign Communication of Beijing Winter Olympic Games. *External Communication*, 2021, no. 11, pp. 14–17 (in Chinese).
 20. Zhao Q. Z. Public Diplomacy and Cross-cultural Communication. *Shanghai Culture*, 2014, no. 6, pp. 4–5 (in Chinese).
 21. Du H., Zhang X. Y. International public opinion guidance and media response strategies for the Beijing Winter Olympic Games. *Journal of Beijing University of Sports*, 2021, no. 1, pp. 52–61 (in Chinese).
 22. Shi A. B., Sheng Y. Creating a new situation, a new concept and a new form of international communication capacity building. *Television Research*, 2018, no. 11, pp. 4–7 (in Chinese).

Поступила в редакцию 28.01.2023; одобрена после рецензирования 26.03.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 28.01.2023; approved after reviewin 26.03.2023; accepted for publication 10.11.2023

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 111–114
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 111–114
<https://bonjour.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-111-114>
EDN: ZXGBPQ

Рецензия

УДК 821.161.1.09(049.32)+929[Корольков+Салий+Голицын]

Забытые имена

Рецензия на книгу: *Салий М., Голицына А. Николай Корольков: портрет литературного долгожителя / сост., авт. вступ. ст. и примеч. М. В. Салий, А. А. Голицын. Саратов : Музыка и быт, 2023. 368 с.*

А. В. Хрусталёва¹ ✉, В. О. Коротин, А. А. Гаврилова²

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Энгельсский промышленно-экономический колледж, Россия, Саратовская область, 413100, г. Энгельс, ул. Нестерова, д. 3

Хрусталёва Анна Владимировна, доктор филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания, tevin1982@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9015-2523>

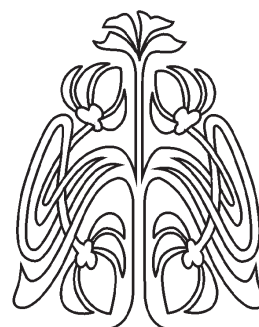
Коротин Вячеслав Олегович, независимый исследователь, г. Саратов, Россия, korotinv@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-1166-8861>

Гаврилова Алла Александровна, кандидат филологических наук, преподаватель, alla.gavrilova82@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2437-2514>

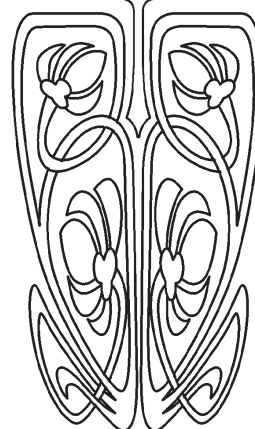
Аннотация. В настоящей рецензии дается оценка новой книге, посвященной творчеству Николая Королькова. Авторы рецензии указывают на необходимость расширения источниковой базы с помощью московских архивов, а также на отсутствие в работе упоминания многих доступных материалов, которые позволили бы создать более целостное впечатление о личности литератора. Так, не была привлечена рецензия на произведение «Город крыш», хранящаяся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). В этом же архиве следует искать и другие документы, нужные для изучения темы. Поскольку Саратовская ассоциация пролетарских писателей в 1924 г. не была утверждена в связи с отсутствием устава, учетные документы ее участников находятся в Москве, по месту хранения фондов головной организации – ВАПП. Не была использована учетная карточка члена ВАПП, с помощью которой можно было бы составить более полную биографическую справку о литераторе, в то время как в учетных документах такого рода всегда указывался профессиональный статус и место работы или учебы участника организации. В библиографии не упомянута уже составленная хроника деятельности САПП и не указаны работы П. А. Бугаенко, А. К. Жуйковой, А. А. Демченко, И. Ю. Иванюшиной, Е. Г. Елиной, А. Н. Дони-на и многих других. Не упомянута новейшая статья А. С. Касовича (2022). Вместе с тем подчеркивается, что авторы-составители предоставили важный материал для дальнейшей работы. Саратовской филологической школе предлагается оказывать библиографическую помощь авторам для полноценного приращения знания.

Ключевые слова: САПП, РГАЛИ, ВАПП, Н. Корольков, «Октябрь», РАПП

Для цитирования: Хрусталёва А. В., Коротин В. О., Гаврилова А. А. Забытые имена // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 111–114. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-111-114>, EDN: ZXGBPQ
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

**КРИТИКА
И
БИБЛИОГРАФИЯ**

Review's report

Forgotten names

Review of: Saliy M., Golitsyn A. *Nikolai Korolkov: Portrait of a literary centenarian*. Saratov, Muzyka i byt, 2023. 368 p. (in Russian)

A. V. Khrustaleva¹✉, V. O. Korotin, A. A. Gavrilova²

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²College of Industry and Economics, 3 Nesterova St., Engels 413100, Saratov region, Russia

Anna V. Khrustaleva, tevlin1982@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9015-2523>

Vyacheslav O. Korotin, korotino@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-1166-8861>

Alla A. Gavrilova, alla.gavrilova82@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2437-2514>

Abstract. This article evaluates the book dedicated to the work of Nikolai Korolkov. The authors of the review point out the necessity to expand the database of the sources with the help of the Moscow archives, they also suggest that the references to many available sources could help create a more holistic impression of the personality of the writer. Thus, the review of the work *The city of roofs*, deposited in the Russian State Archive of Literature and Art, has not been mentioned. The same archive holds other documents relevant for this topic. Since Saratov Association of Proletariat Writers (SAPP) was not validated in 1924 due to the lack of charter, the filing documents of its members are in Moscow, in the place where the funds of the principal organization – All-Union Association of Proletariat Writers (VAPP) – are deposited. The record card of the VAPP member was not used, although it could have helped to compile a more thorough biographical reference about the writer, since the record cards of this type always contained profession and the place of work or study of the member of the organization. The bibliography does not mention the already arranged chronicle of SAPP activity, the works of P. A. Bugaenko, A. K. Zhukova, A. A. Demchenko, I. Yu. Ivanyushina, E. G. Elina, A. N. Donin and many others are not touched upon either. The most recent article by A. S. Kasovich is not cited (2022). Nevertheless, it is highlighted that the authors have delivered significant material for further research. Saratov school of philology is urged to render bibliographic help to the authors for the comprehensive augmentation of knowledge.

Keywords: Saratov Association of Proletariat Writers (SAPP), Russian State Archive of Literature and Art (RGALI), All-Union Association of Proletariat Writers (VAPP), N. Korolkov, *October*, Russian Association of Proletariat Writers (RAPP)

For citation: Khrustaleva A. V., Korotin V. O., Gavrilova A. A. Forgotten names. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 111–114 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-111-114>, EDN: ZXGBPQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

История саратовской литературы, если воспринимать ее в качестве серьезной научной области, а не избранных соответственно вкусу случайного любителя этюдов провинциального краеведения, разумеется, еще не создана. Наибольшим образом в фактографическом и концептуальном отношении пострадали 1920-е гг., поскольку изучение «неистовых ревнителеей» РАПП и их провинциальных эпигонов находилось под негласным запретом более 30 лет, причем в регионах прошло неоднократное активирование ряда архивных документов. В первом очерке, написанном еще в 1930-е гг., целью которого стала последовательная реконструкция саратовских событий, было допущено значительное количество неточностей. Ясно, что и спустя время, в 1960-е гг., саратовский ученый П. А. Бугаенко, вводящий в научный дискурс хронику и описание специфических особенностей послеоктябрьской литературной ситуации Саратова, по идеологическим соображениям не мог называть всех участников литературного процесса. Он довольствовался тем, что стало возможным делать в печати какие-либо положительные заключения теоретического и историко-литературного характера о значении 1920-х гг.

Творчество же рядовых членов Саратовской ассоциации пролетарских писателей тогда представлялось темой микроуровня.

Ясно и то, что ни Бугаенко, ни его ученики (например, А. К. Жуйкова [1]) не могли воспользоваться всеми материалами по теме, так как часть важнейших источников, находившихся в московских документохранилищах, пребывала в статусе спецхрана, в определенных организациях – официального, в других – негласного (документы фондов ВАПП, связанные с некоторыми репрессированными литераторами, вплоть до 1990-х гг. выдавались в Отделе рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького лишь в исключительных случаях). Работы историков позднего советского времени, а также статьи и книги филологов не исчерпали тему. Поэтому особое внимание обращает на себя новая книга, посвященная Н. Р. Королькову – наименее изученному саратовскому поэту, принимавшему участие в литературном противостоянии 1920-х гг. Авторы-составители издания «Николай Корольков: портрет литературного долгожителя» собрали под одной обложкой стихотворения Королькова разных лет, протоколы его допросов и рецензии на творчество автора.

При исключительной ценности идеи и замысла исполнение работы (особенно в отношении очерченного нами периода) вызывает ряд вопросов. Именно на них мы сейчас и остановимся, начав с неполноты источниковой базы.

Нам непонятно, почему в ходе работы над книгой авторы не пытаются, используя возможности цифровой эпохи, поднять фактографическую точность выше уровня Бугаенко. Они полностью проигнорировали даже те фонды московских архивов, которые никогда не были закрыты, причем самые ценные, сведя этим свои данные до провинциального сегмента. Голицын и Салий, работая во время совершенно беспрецедентной доступности источников, не включили в издание, например, рецензию на произведение «Город крыш», написанную В. В. Казиным, хранящуюся в фонде Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) [2]. Учитывая ограниченные возможности саратовского книгопечатания, гипотетически Корольков мог прилагать усилия для устройства «судьбы» своей рукописи в любом городе СССР, с предпочтением, скорее всего, наиболее престижных периодических изданий и издательств. Следовательно, начинать (а не заканчивать) поиск нужно в РГАЛИ, так как, помимо прочего, во многих фондах этого архива вместе с рукописью обнаруживаются автобиографические справки, направленные писателями рецензентам.

С этим связаны и наши сомнения в правильности пропорций отобранного материала. Так, авторы, включая в книгу наравне с художественными произведениями протоколы допросов Королькова, хотят участвовать в создании нравственного «портрета» поэта. В отличие от некоторых современников, Корольков ни единого раза не предпринял попытку очернить своих собратьев по перу. Это проявление чистоты человеческой души, показанное нам контрастно по отношению к безнравственному поведению В. Земного, действительно характеризует личность поэта, но лишь односторонне – с точки зрения этики взаимодействия с людьми внутри писательского сообщества. Поскольку человек обычно вступает в общение в разных сферах, стоило бы попробовать найти и личные письма поэта.

Вызывает книга, посвященная Королькову, и другой вопрос: зачем умалчивать об извест-

ном? Так, в самом начале своего труда составители сетуют: «Что нам известно о Николае Королькове? Что он родился в 1906 году, умер в 1985, что он бывший беспризорник, выдвинувшийся в число лучших поэтов Саратова... А остальное относится к области догадок, легенд и воспоминаний очевидцев...» (с. 4). Но ведь точно установлено членство в организации, недвусмысленно указывающее единственное место, где следует искать нужные документы. Так, в своей вводной статье авторы пишут: «В апреле 1924 г. в Саратове создается “исключительно пролетарская” группа начинающих писателей “Октябрь”, в нее входит и Николай Корольков» (с. 6).

Для составителей издания, людей со стажем работы в архивах, должно быть, не является новостью, что по официальной версии событий на основе «Октября» возникла Саратовская ассоциация пролетарских писателей, но организации было отказано в регистрации Москвой по причине отсутствия у саратовцев устава, в связи с чем САПП не имела статуса ассоциации вплоть до 1925 г. Она именовалась в этот период «отделением ВАПП» [3].

Поэтому информацию о поэте следует искать не в догадках и легендах, и уж точно не в воспоминаниях очевидцев, в первую очередь нужно обратиться к учетным карточкам членов ВАПП, крупной «головной» организации, регистрировавшей всех участников провинциальных ячеек в качестве своих членов.

Любая учетная карточка участника ВАПП всегда содержала информацию о социальном статусе и профессиональном положении и опыте, что снимает вопрос составителей о том, был ли Корольков рабочим или учащимся.

На наш взгляд, авторам издания мешает отсутствие четко выстроенной библиографии. Так, очерк, подготовленный под редакцией профессора А. П. Скафтымова, ими упомянут, но практически все, что было сделано А. К. Жуйковой, пропущено. Почему-то не нашлось места даже для беглого упоминания современных работ, например коллективной монографии «Губернская власть и словесность» 2003 г. [4], хотя там приведено самое важное – литературная хроника 1920-х гг. Все сделанные нами замечания ни в коем случае не компрометируют блестящую и своевременную идею, обусловившую появление книги. Безусловно, творчество Королькова, представленное нам, ценно. Видимо, в дальней-

шем появятся и исследования, посвященные метафоре поэта, для которых теперь собран материал («Город крыш» (с. 57), «В березняке» (с. 58), «На берегу бушующего моря» (с. 185). Но (при всем значении проделанной составителями работы) к максимальному охвату материала должна стремиться не только сама наука о литературе, но и любая отрасль человеческого знания, призванная в конечном счете послужить ее задачам, включая публицистику, краеведение, журналистику. Помимо прочего, как бы себя ни позиционировал автор, он всегда «в плену» требования библиографической точности, без которой мы полностью потеряем преемственность поколений исследователей.

Список литературы

1. Жуйкова А. К. Литературная жизнь Саратова первого октябрьского десятилетия (хроника) // Рожденные революцией. Сборник литературоведческих статей и очерков о писателях Поволжья / под ред. и со вступ. ст. П. Бугаенко. Саратов : Приволжское кн. изд-во, 1968. С. 220–237.
2. Корольков Н. Р. «Город крыш», «О море». Приложено письмо автора в редакцию с резолюцией В. В. Казина от 8 января 1927 г. // РГАЛИ. Ф. 602. Оп. 1. Ед. хр. 624.
3. Протокол № 4 Заседания правления ВАПП от 30 марта 1925 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 59. Л. 11.
4. Губернская власть и словесность: литература и журналистика Саратова 1920-х годов / под ред. Е. Г. Елиной, Л. Е. Герасимовой, Е. Г. Трубецкой. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2003. 422 с.

Поступила в редакцию 19.06.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 19.06.2023; accepted for publication 10.11.2023

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 115–120

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 115–120

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-115-120>

EDN: ZRZSZG

Информация о конференции

УДК 811.161.1'27+929 Сиротинина

«Современная речевая коммуникация в разных сферах жизни общества»: итоги работы Международной конференции, посвящённой 100-летию профессора О. Б. Сиротининой

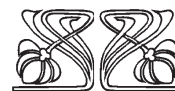
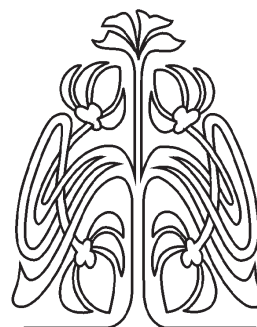
А. Н. Байкулова, А. В. Дегальцева ✉

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

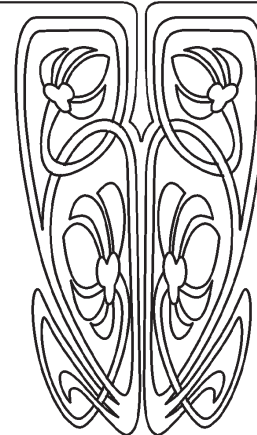
Байкулова Алла Николаевна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, allabay15@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0595-0163>

Дегальцева Анна Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, deganna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3791-9777>

Аннотация. Статья посвящена обзору прошедшей 20–21 октября 2023 г. в Институте филологии и журналистики Саратовского государственного национального исследовательского университета имени Н. Г. Чернышевского Международной конференции «Современная речевая коммуникация в разных сферах жизни общества». Конференция была посвящена уникальному событию – 100-летию профессора СГУ, выдающегося лингвиста Ольги Борисовны Сиротининой. На это знаменательное событие откликнулись исследователи из разных городов России и разных стран (Армения, Польша, Монголия). На открытии конференции прозвучали приветственные слова от проректора по научной работе и цифровому развитию СГУ А. А. Короновского; заведующего кафедрой общего литературоведения и журналистики профессора СГУ В. В. Прозорова; руководителя приоритетных проектов и программ профессора СГУ Е. Г. Елиной; профессора Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина, председателя Российской ассоциации исследователей, преподавателей и учителей риторики В. И. Аннушкина. Выступающими была подчеркнута своевременность и значимость конференции, высоко оценена многолетняя научная деятельность О. Б. Сиротининой. В статье даётся краткий обзор пленарных и секционных докладов. На пленарном заседании поднимались проблемы истории становления лингвистической науки в Саратове; развития О. Б. Сиротининой и В. Е. Гольдиным теории о типах речевой культуры. Часть докладов была посвящена О. Б. Сиротининой как замечательному исследователю, уникальному человеку, автору книги воспоминаний «Жизнь вопреки, или я счастливый человек» и личных дневников «И жизнь пролетит, как мечта...». Работа секций проходила в русле следующих направлений: «Современная речевая коммуникация в образовательной среде вуза и школы», «Разговорная речь и её место в современном коммуникативном пространстве», «Речевая культура и её формирование в современных коммуникатив-

ПРИЛОЖЕНИЕ

ных практиках», «Институциональный дискурс и проблемы его изучения», «Медиафера и медийный язык». Конференция стала историческим событием в жизни Саратовского государственного университета.

Ключевые слова: современная речевая коммуникация, разговорная речь, медиафера, речевая культура, вуз и школа, Ольга Борисовна Сиротинина

Для цитирования: Байкулова А. Н., Дегальцева А. В. «Современная речевая коммуникация в разных сферах жизни общества»: итоги работы Международной конференции, посвящённой 100-летию профессора О. Б. Сиротининой // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 115–120. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-115-120>, EDN: ZRZSZG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Conference Proceedings

“Modern speech communication in different spheres of society”:

Results of the International Conference dedicated to the 100th anniversary of Professor O. B. Sirotnina

A. N. Baikulova, A. V. Degaltseva ✉

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alla N. Baikulova, allabay15@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0595-0163>

Anna V. Degaltseva, deganna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3791-9777>

Abstract. The article reviews the International Conference “Modern speech communication in different spheres of society” that took place on October 20–21, 2023, at the Institute of Philology and Journalism of Saratov State University. The conference was dedicated to a unique event – the 100th anniversary of SSU professor, an outstanding linguist, Olga Borisovna Sirotnina. Researchers from different cities of Russia and different countries (Armenia, Poland, Mongolia) responded to this significant event. At the opening of the conference welcoming words were said by the Deputy-Rector for Research and Digital Development of SSU A. A. Koronovsky; Head of the Department of General Literary Studies and Journalism, Professor of SSU V.V. Prozorov; Head of Priority Projects and Programs, Professor of SSU E. G. Elina; Professor of the State Institute of Russian Language named after A. S. Pushkin, Chairman of the Russian Association of Researchers, Teachers and Teachers of Rhetoric V. I. Annushkin. The speakers emphasized the timeliness and significance of the conference, and highly appreciated the many years of scientific activity of O. B. Sirotnina. The article provides a brief overview of plenary and sectional reports. At the plenary session, such problems were raised as those of the history and formation of linguistic science in Saratov, and the development by O. B. Sirotnina and V. E. Goldin of the theory of types of speech culture. Some of the reports were dedicated to O. B. Sirotnina as a wonderful researcher, a unique person, the author of the book of memoirs “Life regardless, or I am a happy person” and personal diaries “And life will fly by like a dream...”. The sections were dedicated to the following areas: “Modern speech communication in the educational environment of universities and schools”, “Spoken speech and its place in the modern communicative space”, “Speech culture and its formation in modern communicative practices”, “Institutional discourse and issues in studying this discourse”, “Media sphere and media language”. The conference has become a historic occasion in the life of Saratov State University.

Keywords: modern speech communication, colloquial speech, media sphere, speech culture, institution of higher education and school, Olga Borisovna Sirotnina

For citation: Baikulova A. N., Degaltseva A. V. “Modern speech communication in different spheres of society”: Results of the International Conference dedicated to the 100th anniversary of Professor O. B. Sirotnina. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 115–120 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-115-120>, EDN: ZRZSZG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

20–21 октября 2023 г. в Институте филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского проходила Международная научная конференция «Современная речевая коммуникация в разных сферах жизни общества». Научное мероприятие было посвящено 100-летию выдающегося лингвиста, доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного СГУ Ольги Борисовны Сиротининой. Цель проведения конференции – обсуждение актуальных проблем функционирования русского языка в разных сферах современного общения.

В работе конференции принимали участие коллеги, ученики и единомышленники О. Б. Сиротининой, поэтому многие доклады были посвящены её вкладу в развитие современной науки о языке. Ольга Борисовна – действительный член МАН ВШ, почетный работник сферы образования, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный профессор СГУ имени Н. Г. Чернышевского. Её труды, посвящённые исследованию синтаксической системы русского языка, речевой коммуникации, функциональной стилистики, лингвоэкологии, разговорной речи и языка СМИ, широко известны как в России, так и за рубежом. О. Б. Сиротинина возглавляет саратовскую лингвистическую школу изучения

функционирования русского языка, представители которой работают во многих отечественных и зарубежных вузах. Под руководством и при непосредственном участии Ольги Борисовны был издан ряд широко востребованных в лингвистическом сообществе коллективных трудов. С 1962 по 1999 г. было опубликовано 28 выпусков журнала «Вопросы стилистики» [1, 2], с 2000 по 2018 г. выходили в свет 18 выпусков межвузовского сборника «Проблемы речевой коммуникации» [3–5]. Под руководством О. Б. Сиротининой были написаны: коллективные монографии «Хорошая речь» [6], «Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в её преодолении» [7], «Эффективность коммуникации: понятие, роль адресанта и адресата, основные приемы её достижения» [8], «Эффективность коммуникации: влияние сфер общения на факторы её достижения» [9]; ряд учебных пособий: «Русский язык и культура общения для нефилологов» [10], «Культура речи: Настольная книга для государственных служащих» [11], «Чтобы Вас понимали: Культура русской речи и речевая культура человека» [12], «Язык СМИ» [13]. Несмотря на преклонный возраст, Ольга Борисовна продолжает свою плодотворную научную деятельность, о чём свидетельствуют написанные ею самостоятельно и в соавторстве работы (например, [14–17]).

На пленарном заседании обсуждались вопросы, связанные с развитием лингвистической мысли в Саратове, вкладом профессора Сиротининой в науку о языке. Сама Ольга Борисовна обратилась к участникам конференции с приветственным словом. В своей речи она отметила, что, несмотря на жизненные трудности и проблемы со здоровьем, она никогда не сдавалась, работала, занималась наукой и продолжает эту деятельность до сих пор. Её выступление стало напутствием для всех участников и гостей конференции и сопровождалось овациями. В докладе профессора СГУ Ю. Г. Кадькалова были названы и охарактеризованы периоды развития саратовской лингвистической школы, связанные с именами А. А. Шахматова, Н. Н. Дурново, Г. А. Ильинского, М. Фасмера, А. Ф. Ефремова и А. М. Лукьяненко, одной из учениц которого была Л. И. Баранникова – научный руководитель О. Б. Сиротининой.

А. Н. Байкулова, заведующая кафедрой русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного СГУ, в своём докладе раскрыла огромное значение вклада О. Б. Сиротининой в

борьбу за чистоту русского языка, его сохранение и развитие. Было подчеркнуто, что в работах О. Б. Сиротининой явно прослеживаются стратегические задачи для достижения этой цели, включающие изменение отношения носителей русского языка (особенно журналистов) к своей речи, проведение исследований по лингвоэкологии, обязательное включение курса «Русский язык и культура речи» в программы высшего образования, возрождение интереса к риторике как школьной и вузовской дисциплине и др.

Стратегическое мышление исследователя включало и задачу развития теории о типах речевой культуры. В докладе профессора СГУ А. П. Романенко «Теория речевой культуры В. Е. Гольдина и О. Б. Сиротининой» отмечено, что разработанная саратовскими лингвистами научная концепция носит глобальный, синтетический характер и описывает отношения между языком и речью и – шире – между языком и культурой.

В дистанционном формате прозвучало на конференции выступление профессора Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина, председателя Российской ассоциации исследователей, преподавателей и учителей риторики В. И. Аннушкина, который подчеркнул важную роль О. Б. Сиротининой в формировании и развитии саратовской лингвистической школы. Рассуждая о современной научной словесности, родах и видах научной речи, В. И. Аннушкин особое внимание уделил жанру устного общения учёного с коллегами и учениками и влиянию на речь цифровизации.

В ряде докладов пленарного заседания шла речь об опубликованных в 2023 г. дневниковых записях О. Б. Сиротининой (1939–1954 гг.) «И жизнь пролетит, как мечта...» [18] и переизданной в 2022 г. книги воспоминаний «Жизнь вопреки, или я счастливый человек» [19]. Профессор кафедры отечественной истории и историографии СГУ А. П. Мякшев через призму дневников юной Оли Брин-Сиротининой и сочинений молодого гвардейцев рассмотрел тему рождения советского человека. Анатолий Павлович наглядно показал, как формировался особый социокультурный тип личности, вобравший в себя лучшие человеческие качества: патриотизм, самоотверженность, ответственность, добросовестность, веру в свой народ.

Доклад профессора СГУ О. В. Мякшевой, подготовленный совместно с О. Б. Сиротининой, отразил этапы работы над расшифровкой, оцифровыванием и публикацией личных днев-

ников Ольги Борисовны. Присутствующие на пленарном заседании имели возможность познакомиться с комментариями к дневникам, которыми сопровождалось размышления О. Б. Сиротининой – теперь уже зрелого человека и известного учёного. В. К. Харченко, профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета, рассмотрела книгу воспоминаний О. Б. Сиротининой «Жизнь вопреки, или я счастливый человек» как учебник жизни и процитировала фрагменты, рассказывающие о непростой судьбе Ольги Борисовны. Мемуары стали образцом нравственности, стойкости и патриотизма, и они всегда будут востребованы для воспитания подрастающего поколения.

Завершилось пленарное заседание докладом профессора СГУ М. А. Кормилицыной – ученицы О. Б. Сиротининой, её близкого друга, соредактора во многих научных работах. Своё выступление М. А. Кормилицына предварила словами о научном наставничестве и многолетнем плодотворном сотрудничестве с Ольгой Борисовной, а затем представила доклад, посвящённый комплексному анализу метатекстового комментария на примере регулярно публикуемой в «Московском комсомольце» рубрики «Неделя с Дмитрием Поповым».

Вопросы, поднятые на пленарном заседании конференции, были углублены и развиты на секционных заседаниях, где рассматривались проблемы современной речевой коммуникации в образовательной среде вуза и школы, изучения институционального дискурса; методы формирования речевой культуры в разных сферах общения; особенности функционирования разговорной, медийной и художественной речи в современных коммуникативных практиках. В работе секций приняли очное и дистанционное участие лингвисты из разных городов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Волгограда, Иркутска, Красноярска, Нижнего Новгорода, Пензы, Самары, Саратова, Таганрога, Элисты и других, а также представители Армении, Монголии, Польши.

В рамках работы секции «Современная речевая коммуникация в образовательной среде вуза и школы» был представлен ряд докладов, связанных с методикой преподавания лингвистических дисциплин. Так, выступление профессора Саратовского государственного медицинского университета им. В. И. Разумовского Н. И. Данилиной было посвящено формированию культурно-речевых компетенций студентов-

медиков на занятиях по латинскому языку. О преподавании дисциплины «Научная деятельность врача» в медицинском вузе рассказали коллеги Н. И. Данилиной – профессор Л. П. Прокофьева, доцент А. Ю. Беляева, старшие преподаватели М. С. Фильцова и А. Д. Левицкая. Особенности реализации технологии «дебаты» на занятиях по дисциплине «Русский язык и культура речи» рассмотрела старший преподаватель Пензенского государственного университета Л. Б. Гурьянова. О том, как освещаются единицы коммуникативного синтаксиса в научной и школьной программах обучения рассказала профессор СГУ С. В. Андреева.

Кроме того, на секции прозвучали доклады, посвящённые речевому поведению преподавателя и обучающегося. Так, доцент СГМУ им. В. И. Разумовского М. И. Барсукова составила речевой портрет преподавателя медицинского университета, а доцент СГУ Т. В. Веселкова представила результаты исследования самопрезентации студентов в процессе развития их коммуникативной компетенции. Об особенностях влияния интернет-коммуникации на формирование речевой культуры школьников рассказала профессор СГУ О. И. Дмитриева.

На секции «Речевая культура и её формирование в современных коммуникативных практиках» прозвучал ряд выступлений, посвящённых коммуникации диалектоносителей. Так, Т. И. Мурзаева, доцент СГУ, представила доклад «По диалектологической тропе О. Б. Сиротининой». О важности идей О. Б. Сиротининой для решения вопроса о выражении категории простонародности в речи диалектоносителей говорила проф. Волгоградского государственного университета Н. А. Тупикова. Взаимодействие книжно-письменной и устно-бытовой речевых культур в речи диалектоносителей рассмотрела профессор СГУ О. Ю. Крючкова.

Экологии и годонимике речи были посвящены доклады заведующей кафедрой риторики и стилистики русского языка Уральского федерального университета И. Т. Вепревой и доцента Иркутского государственного университета путей сообщения Л. Г. Рябовой. О речевом этикете и речевой культуре в разных сферах общения говорили профессор Волгоградского государственного социально-педагогического университета, главный научный сотрудник Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина О. А. Леонтович, доцент Саратовской государственной консерватории им. Л. В. Собинова Н. Г. Тырникова, доцент СГУ Ю. В. Каменская.

Речевой жанр «поздравление» оказался в центре внимания профессора Уральского федерального университета И. В. Шалиной и ассистента СГУ Е. Н. Малашенковой.

Секция «Институциональный дискурс и проблемы его изучения» была посвящена отдельным аспектам исследования научной и деловой речи. Профессор Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина В. И. Карасик описал характеристики просветительского дискурса, профессор СГУ В. В. Дементьев определил наукометрические характеристики статьи в журнале «Жанры речи», аспирант Новосибирского государственного педагогического университета М. В. Праско показал специфику выражения авторизации в аннотациях к научным статьям.

Роль разговорных метафор в современном публичном дипломатическом дискурсе выявила профессор СГУ Л. В. Балашова. О языковых и дискурсивных преобразованиях институционального делового общения размышляла доцент Волгоградского института управления Г. В. Барышникова. Профессор СГУ Т. А. Милехина изучила специфику делового общения в службе доставки, а выступление доцента Таганрогского института им. А. П. Чехова РГЭУ Н. А. Гурдаевой касалось специфики электронной деловой коммуникации. Доклад профессора Московской академии Следственного комитета РФ А. Н. Долгенко был посвящён проблеме дестабилизации норм современного русского литературного языка.

Разным аспектам изучения языка СМИ была посвящена секция «Медиа-сфера и медийный язык», в частности, о рискогенности современного медиаторчества говорила профессор Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского Л. В. Рацибурская. Особенности функционирования терминов цифрового общества в русскоязычном медиа-дискурсе изучила профессор Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова Е. В. Маринова. Об эвфемизмах в СМИ рассказала доцент Таганрогского института им. А. П. Чехова РГЭУ Е. В. Тарасенко. Доклад доцента Т. В. Харламовой был посвящён механизму взаимодействия общества и власти в британской прессе.

На секции «Разговорная речь и её место в современном коммуникативном пространстве» большой интерес вызвали совместный доклад профессоров СГУ С. В. Андреевой и Е. Ю. Викторовой, посвящённый саратовской школе изуче-

ния единиц реальной коммуникации, а также выступление польского профессора З. Л. Новоженовой, в котором анализировалась роль рефлексивов в современном общении. Предметом заинтересованного обсуждения стали доклады профессора Самарского государственного университета Н. А. Илюхиной и профессора СГУ А. В. Дегальцевой.

Языку литературы была посвящена секция «Художественный текст и художественный дискурс: актуальные вопросы соотношения». Явления разговорного синтаксиса в советской поэзии рассматривались в докладах профессора Волгоградского государственного социально-педагогического университета Т. Н. Колокольцевой и аспирантки Е. О. Алексенцевой. Восприятию художественного текста детьми были посвящены доклады Г. Н. Кобяковой (Таганрогский институт им. А. П. Чехова РГЭУ) и А. А. Никитенко (СГУ). Лексике материальной и духовной культуры в монгольских художественных текстах и их русских переводах был посвящён совместный доклад доцента Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова Э. Омакаевой и Ph.D Монгольского государственного университета образования Ц. Ширнэн.

Работа Международной конференции «Современная речевая коммуникация в разных сферах жизни общества» прошла плодотворно; ученые из разных вузов России и зарубежья смогли укрепить существующие научные контакты и установить новые. Таким образом научное сообщество отметило уникальное событие – 100-летие О. Б. Сиротининой. Участники этой исторической для Саратовского университета конференции, российские и зарубежные учёные, охотно делились своими идеями и наработками, совместно решали актуальные лингвистические вопросы. Доклады, прозвучавшие на конференции, способствовали развитию и углублению лингвистического знания, а также расширению научного коммуникативного пространства.

Список литературы

1. Вопросы стилистики / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1962. Вып. 1. 152 с.
2. Вопросы стилистики. Антропоцентрические исследования / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1999. Вып. 28. 296 с.
3. Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2000. Вып. 1. 184 с.

4. Проблемы речевой коммуникации : межвузов. сб. науч. тр. : в 2 кн. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2018. Вып. 18. Кн. I. 136 с.
5. Проблемы речевой коммуникации : межвузов. сб. науч. тр. : в 2 кн. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2018. Вып. 18. Кн. 2. 136 с.
6. Хорошая речь / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2001. 320 с.
7. Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее преодолении / под ред. О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2015. 188 с. EDN: WILDCN
8. Эффективность коммуникации : понятие, роль адресанта и адресата, основные приемы ее достижения / под ред. О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилицыной. Саратов : ИЦ «Наука», 2019. 236 с. EDN: JALSOD
9. Эффективность коммуникации: влияние сфер общения на факторы ее достижения / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : ИЦ «Наука», 2021. 256 с. EDN: PMVPEB
10. Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б., Куликова Г. С. Русский язык и культура общения для нефилологов : учеб. пособие для студ. нефилологических специальностей вузов. Саратов : Слово, 1998. 120 с.
11. Кормилицына М. А., Сиротинина О. Б., Захарова Е. П., Милехина Т. А., Куликова Г. С. Культура речи: Настольная книга для государственных служащих. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2008. 116 с.
12. Чтобы Вас понимали: Культура русской речи и речевая культура человека : учеб. пособие / под ред. О. Б. Сиротининой. М. : Либроком, 2009. 272 с.
13. Кормилицына М. А., Сиротинина О. Б. Язык СМИ : учеб. пособие по курсу «Язык СМИ» для студ. I и II курсов подготовки бакалавров по направлению 031300 «Журналистика». Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2011. 92 с.
14. Сиротинина О. Б. Явные нарушения экологии в текстах современных СМИ и речи молодежи: как с этим бороться // Лингвоэкология: проблемы и пути их решения / под ред. А. П. Сковородникова, Г. А. Копниной. Красноярск : Сибирский федер. ун-т, 2022. С. 268–288.
15. Сиротинина О. Б., Дегальцева А. В. К проблеме изменения норм современного русского языка // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 368–376. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-4-368-376>, EDN: VUIWGO
16. Сиротинина О. Б. Обзор работ по разговорному стилю за последние 50 лет // Стилистика славянских стран на рубеже XX–XXI веков / под ред. Ст. Гайды, Б. Тошовича, Н. И. Клушиной, Т. В. Ицкович. М. : Флинта, 2023. С. 52–59.
17. Сиротинина О. Б., Дегальцева А. В. Динамика норм русского языка: ответ на вызовы времени и новые условия жизни. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2023. 128 с.
18. Сиротинина О. Б. «И жизнь пролетит, как мечта...»: личные дневники (1939–1954 гг.) / сокр. и адапт. дневников О. В. Мякшевой, Т. Н. Сиротининой ; под ред. О. В. Мякшевой. Саратов : Амирит, 2023. 420 с.
19. Сиротинина О. Б. Жизнь вопреки, или я счастливый человек : Воспоминания / под ред. О. В. Мякшевой, А. Н. Байкуловой. 2-е изд., испр. и доп. Саратов : Амирит, 2022. 365 с.

Поступила в редакцию 27.10.2023; принята к публикации 10.11.2023

The article was submitted 27.10.2023; accepted for publication 10.11.2023

ISSN 1817-7115

24001

9 771817 711502

ISSN 1817-7115 (Print). ISSN 2541-898X (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Филология. Журналистика. 2024. Том 24, выпуск 1

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития

Серия: История. Международные отношения

Серия: Математика. Механика. Информатика

Серия: Науки о Земле

Серия: Социология. Политология

Серия: Физика

Серия: Филология. Журналистика

Серия: Философия. Психология. Педагогика

Серия: Химия. Биология. Экология

Серия: Экономика. Управление. Право

